

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

Н. А. Куракина

ИНФЛУКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ:
КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Монография

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2025

УДК 811.11'271.1(081)

ББК 81-5я44

К930

Рецензенты

Е. М. Позднякова, д-р филол. наук, проф., МГИМО (Москва);

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф.,

САФУ им. М. В. Ломоносова (Архангельск)

Куракина, Н. А.

К930 Инфлуктивные речевые акты: когнитивно-коммуникативные особенности : монография / Н. А. Куракина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — 190 с.

ISBN 978-5-9971-1016-1

С опорой на когнитивно-коммуникативный подход рассматриваются инфлуктивные речевые акты «комплимент», «порицание» и «оскорбление» как фреймы, формирующие корреляцию с фреймом «Манипуляция», основанную на механизме концептуального проецирования. В ходе концептуального анализа выявляются наборы концептуальных признаков концептов КОМПЛИМЕНТ, ПОРИЦАНИЕ и ОСКОРБЛЕНИЕ. Инфлуктивные речевые акты анализируются на дискурсивном уровне с учетом коммуникативных особенностей. В результате структурного анализа выявляются продуктивные модели построения инфлуктивов.

Монография адресована преподавателям и студентам лингвистических направлений вузов, а также широкому кругу исследователей, изучающих актуальные вопросы когнитивной лингвистики, когнитивной прагматики, теории речевых актов, корпусной лингвистики, стилистики английского языка, лингвоэкологии, когнитивного литературоведения и теории языка в целом.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00594.

УДК 811.11'271.1(081)

ББК 81-5я44

ISBN 978-5-9971-1016-1

© Куракина Н. А., 2025

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Экспрессивные инфлуктивы в теории речевых актов .	9
Глава 2. Концептуальные основы экспрессивных инфлуктивов .	26
Глава 3. Когнитивно-коммуникативные особенности инфлуктивного речевого акта «комплимент»	29
3.1. Определение инфлуктивного речевого акта «комплимент»	29
3.2. Когнитивные особенности речевого акта «комплимент»	38
3.3. Инфлуктивный речевой акт «комплимент» в дискурсивном аспекте	47
3.3.1. Вербальная репрезентация комплимента с коммуникативной установкой на похвалу.....	48
3.3.2. Вербальная репрезентация комплимента с коммуникативной установкой на лесть	75
3.3.3. Структурные особенности комплиментарных речевых актов	91
3.3.4. Перлокутивные особенности комплиментарных речевых актов. Принятие vs неприятие комплиментов со стороны реципиента.....	96
Вывод.....	102
Глава 4. Когнитивно-коммуникативные особенности инфлуктивного речевого акта «порицание»	103
4.1. Определение инфлуктивного речевого акта «порицание».....	103
4.2. Когнитивные особенности речевого акта «порицание»	106
4.2.1. Порицание-осуждение vs порицание-выговор: отличительные особенности	109
4.3. Инфлуктивный речевой акт «порицание» в дискурсивном аспекте	126
Вывод.....	135

Глава 5. Когнитивно-коммуникативные особенности инфлуктивного речевого акта «оскорбление»	137
5.1. Определение инфлуктивного речевого акта «оскорбление»	137
5.2. Когнитивные особенности инфлуктивного речевого акта «оскорбление»	146
5.3. Инфлуктивный речевой акт «оскорбление» в дискурсивном аспекте	150
5.3.1. Оскорблимент: отличительные особенности	164
Вывод	169
Заключение	171
Список литературы	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена изучению когнитивных и прагматических особенностей комплиментарных, порицательных и оскорбительных высказываний в англоязычном дискурсе. В ней задан ряд новых направлений в исследовании речевых актов, соответствующих основным трендам современной науки, и предложена концепция, объясняющая не только прагматическую, но и когнитивную природу речевого акта. Актуальность работы определяется тем, что, несмотря на существующие исследования экспрессивных речевых актов, инфлуктивы как один из подклассов экспрессивов оказались недостаточно изученными во всем комплексе их специфических свойств, отражающих когнитивные и прагматические особенности, чрезвычайно важные при описании закономерностей функционирования языка в социуме.

Композиция монографии прозрачна и соответствует ее замыслу. Первая глава нацелена на определение места инфлуктивных речевых актов в теории речевых актов. Во второй главе дается описание концептуальных основ экспрессивных инфлуктивных актов. Следует отметить, что в данном исследовании под инфлуктивными речевыми актами понимаются речевые акты, входящие в класс экспрессивов, выражающие эмоциональное и оценочное отношение говорящего и оказывающие эмоциональное воздействие на слушающего. Инфлуктивы включают речевые акты комплимента, порицания и оскорбления.

В последующих трех главах рассматривается каждый из трех инфлуктивов с применением когнитивно-коммуникативного подхода. В первых двух параграфах каждой главы изучаются когнитивные механизмы и концептуальные структуры репрезентации инфлуктивов «комплимент», «порицание» и

«оскорбление» соответственно. Производится моделирование фреймов комплимента, порицания и оскорбления с выделением ядерных и периферийных слотов и их концептуального наполнения, моделирование конфигураций фреймов на базе когнитивного анализа в русле теории фреймов. Кроме того, при изучении когнитивных особенностей комплиментарного, порицательного и оскорбительного высказываний исследуются их фреймы с последующим установлением механизмов взаимодействия между изучаемыми фреймами и фреймом «Манипуляция». Данное взаимодействие основано на механизме концептуального проецирования. Интересно, что при этом не все виды инфлуктивов демонстрируют одинаковую степень манипулятивности, что показывают пункты 3.3.1 «Вербальная репрезентация комплимента с коммуникативной установкой на похвалу», 3.3.2 «Вербальная репрезентация комплимента с коммуникативной установкой на лезть» и 4.2.1 «Порицание-осуждение vs порицание-выговор: отличительные особенности». Заслуживает внимания обращение к вопросу о когнитивной легкости, которая лежит в основе манипулятивного процесса.

В соответствующих параграфах глав 3—5 определяется роль концептов КОМПЛИМЕНТ, ПОРИЦАНИЕ и ОСКОРБЛЕНИЕ в формировании категории инфлуктивности на макроуровне. В целях выявления концептуальных признаков данных концептов проводится дефиниционный анализ лексикографических определений комплимента, порицания и оскорбления. Постулируется связь между структурой знания и его вербальной репрезентацией, выявляется связь между ментальными структурами и их языковыми аналогами.

Как известно, для успешного общения необходимо, чтобы коммуниканты учитывали свои интересы и интересы собеседника. Однако в поле нашего исследования находятся также случаи, когда говорящий ставит свои интересы выше чужих для достижения своих целей. Таким образом, изучение инфлуктивов в дискурсивном аспекте получает свое развитие в ходе

выявления прагматических мотивов, лежащих в основе использования инфлуктивных речевых актов, при взаимодействии с их когнитивными особенностями.

Изучение речевых актов «комплимент», «порицание» и «оскорбление» в рамках англоязычной лингвокультуры проводится с учетом прагматических характеристик (локуций, иллокутивных сил, перлокуций и ситуации речевого общения), что отражают параграфы, посвященные изучению инфлуктивов в дискурсивном аспекте (3.3 «Инфлуктивный речевой акт “комплимент” в дискурсивном аспекте», 4.3 «Инфлуктивный речевой акт “порицание” в дискурсивном аспекте» и 5.3 «Инфлуктивный речевой акт “оскорбление” в дискурсивном аспекте»). Изучаемые речевые акты рассматриваются в диалогических единствах с учетом ответной реакции, так как именно реакция пациента (адресата) позволяет судить об успешности произнесенного агенсом (адресантом) высказывания. Особенно ярко это проявляется на материале дискурсивного анализа речевого акта «комплимент» (3.3.4 «Перлокутивные особенности комплиментарных речевых актов. Принятие vs непринятие комплиментов со стороны реципиента»).

В ходе дискурсивного анализа также выявляются и классифицируются продуктивные структурные модели построения комплиментарных, порицательных и оскорбительных высказываний.

Отдельное место уделено описанию нового языкового явления — оскорблителя (5.3.1 «Оскорблитель: отличительные особенности»), сформировавшегося на стыке двух фреймов: «Комплимент» и «Оскорбление».

Вербальное оформление инфлуктивов представителями англоязычной лингвокультуры анализируется на материале Британского национального корпуса и современных художественных произведений XX—XXI веков.

Таким образом, настоящая монография конкретизирует разработку проблем изучения экспрессивных речевых актов в общем и инфлуктивных речевых актов в частности примени-

тельно к когнитивно-коммуникативной парадигме, сформировавшейся на стыке двух важнейших областей языковедческой науки — когнитивной лингвистики и лингвистической прагматики. Эта парадигма предоставляет новые теоретические и методологические инструменты для анализа речевых актов, давая возможность рассматривать их не только как формальные единицы коммуникации, но и как проявление прагматических и когнитивных процессов, учитывающих культурную специфику и ситуативно-стратификационные особенности реализации речевых актов, а также ментальные модели, лежащие в их основе. Разработка данной парадигмы открывает новые перспективы в исследовании речевых актов, прежде всего входящих в категорию экспрессивов. Такой подход позволяет более полно понять механизмы формирования и использования инфлуктивных речевых актов в англоязычной среде, а также их роль в поддержании межличностных связей и реализации манипуляции. Таким образом, проведенное нами исследование способствует развитию теоретических представлений о природе инфлуктивных речевых актов. В результате применения когнитивно-коммуникативного подхода появляются новые возможности для более точного и глубокого описания коммуникативных процессов, а также для развития теории речевых актов в целом.

Глава 1

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ИНФЛУКТИВЫ В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Структуралистский подход характеризуется интересом в большей степени к языку, нежели к речевой деятельности [8, с. 60]. Под понятием речевой деятельности Л. В. Щерба подразумевает то, что прежде ученые именовали языковыми явлениями. «Речевая деятельность включала в себя все, свойственное как языку, так и речи; она представляла собой речевую организацию процессов говорения и понимания» [63, с. 24]. Теория Л. В. Щербы восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который подчеркивал корреляцию между речевой деятельностью и языком и отрицал их тождественность.

Согласно положению Ф. де Соссюра, «речевая деятельность отличается от понятия языка, тем не менее язык является важнейшей частью речевой деятельности» [54, с. 47]. Обращаясь к понятию речевой деятельности, Ф. де Соссюр уделяет особое внимание речевому акту как «единичному явлению, которое является всего лишь зародышем речевой деятельности» [54, с. 51]. Речевой акт предусматривает наличие следующих компонентов: внешний и внутренний, психический и непсихический, активный и пассивный. Согласно точке зрения Ф. де Соссюра, структура речевого акта полностью основана на физических, физиологических и психических явлениях.

Несмотря на разные подходы к пониманию проблемы языка и речевой деятельности Ф. де Соссюром и Л. В. Щербой, мы придерживаемся положения Щербы, согласно которому речевая деятельность представляет собой «комплекс речевых действий, процесс порождения речевого потока в акте коммуникации, основной единицей которого является речевой акт, предполагающий совершение речевого действия с целью воз-

действия говорящего на слушающего» [63, с. 24]. Однако терминологическое значение понятие речевого акта приобретает только во второй половине XX века.

Как известно, система знаний человека и его взаимодействие с миром и другими людьми строятся по принципам и правилам «концептуального согласования, определяющим взаимопонимание и эффективность общения» [18, с. 4].

Термин «речевой акт» был введен в научный обиход Оксфордской школой позитивизма и обозначал основную единицу вербальной коммуникации. Понятие речевого акта впервые ввел представитель английской лингвистической философии, логик Дж. Л. Остин, изложивший данную теорию в курсе лекций, прочитанном в Гарвардском университете в 1955 году. Этот курс был опубликован в 1962 году под названием «Слово как действие».

Дж. Л. Остин выделяет и разграничивает три типа действий: локутивные, иллюкутивные и перлокутивные [46, с. 90]. Локутивный акт описывает язык в использовании, то есть произнесение высказывания. Иллюкутивный акт отражает коммуникативную установку говорящего. Перлокутивное действие направлено на достижение желаемой реакции слушающего на произнесенное говорящим высказывание [46, с. 93]. Остиновская теория речевых актов сконцентрирована вокруг иллюкутивного акта, функционирующего в речевом общении, отражающего намерение адресанта сообщения.

Создавая высказывание, говорящий творит вокруг себя коммуникативно-прагматическое пространство. Данное пространство организовано как энергетическое поле, центром которого является говорящий. Так называемой иллюкутивной (прагматической) силой обладает не предложение, не высказывание — коммуникативной энергией наделен сам субъект высказывания, который вкладывает ее в сообщение здесь и сейчас. Творцом коммуникативно-прагматического поля выступает субъект, то есть говорящий, или адресант сообщения [55, с. 4].

Исследуя речевой акт, Дж. Л. Остин приходит к выводу о том, что процесс говорения тождествен совершению определенных действий. «Сказать что-либо — значит совершить некоторое действие» [65, р. 12].

Дж. Л. Остин выявляет различные виды перформативных высказываний. Перформативное высказывание представляет собой не истинное или ложное высказывание, не только и не столько говорение, сколько действие [46, с. 39], в английском языке грамматически выраженное формулой неопределенного настоящего времени [46, с. 53]. Остин выделяет следующие классы перформативов, основываясь на функциональной характеристике глагола в предложении:

1. *Бехабитивы* — перформативы, имеющие дело с реакциями на поведение, а также с поведением, направленным на другого и выражающим установки и чувства. Бехабитивы включают 1) реакцию на поведение других людей, их судьбу и установки и 2) выражение установок по отношению к чьему-то поведению в прошлом или в будущем. Примеры: извинение, поздравление, похвала, выражение соболезнования, вызов [46, с. 126].

2. *Экзерситив* — это принятие решения в пользу или против определенного образа действий либо защита таковых действий. Примеры: назначение, обоснование, приказ, принуждение, совет, предостережение и т. д. [46, с. 122].

3. *Экспозитивы* используются в действиях объяснения, включающих представление точки зрения, изложение аргументов, а также прояснение употреблений и референций. Они отражают словоупотребление и его место в ходе дискуссии или беседы. Примеры: «я отвечаю», «я доказываю», «я признаю», «я иллюстрирую», «я допускаю», «я постулирую» [46, с. 126].

4. *Вердиктивы* выделяются по признаку вынесения вердикта, когда говорящий выступает в роли судьи, юриста или арбитра. Но вердикты необязательно должны быть окончательными решениями; они могут быть, например, оценкой, мнением или одобрением [46, с. 120].

5. *Комиссивы* определяются обещаниями или другими обязательствами; они обязывают адресанта что-то сделать, а также включают декларации или объявления о намерениях, которые являются не обещаниями, а скорее выражением участия или поддержки, когда, например, говорящий принимает чью-то сторону. Главное свойство комиссивов — обязать говорящего к определенной линии поведения. Они обладают очевидной связью с вердиктивами и экзерситивами [46, с. 124].

Дж. Р. Сёрль опирался на идеи Остина при определении речевого акта и иллокутивной классификации речевых актов. Под речевым актом он понимает «действие, совершаемое говорящими в процессе речевой коммуникации и ориентированное на достижение определенной цели» [52, с. 2].

Развивая учение о речевых актах, Сёрль дополняет классификацию трех действий (локутивного, иллокутивного и перлокутивного) Остина пропозиционным актом, включающим в себя акты референции и предикации. «Основной задачей акта референции является указание или отсылка к определенному лицу или предмету, в то время как предикация имеет своей целью присвоение определенных признаков данному лицу или предмету. Эквивалентом пропозиции Сёрль считает суждение» [81, р. 155]. Сёрль, резюмируя описанную концепцию, отделяет иллокутивный акт от его пропозиционального содержания.

Интересно рассмотреть трактовку термина «речевой акт» Д. Вандервекена. Ученый понимает под иллокутивными актами основные единицы значения в использовании и понимании языка. Иллокутивные акты могут быть успешными или неуспешными [82, р. 199].

Вандервекен выделяет простые и сложные речевые акты. Простой речевой акт состоит из иллокутивной силы и пропозиционального содержания. Любое высказывание должно содержать маркер своей иллокутивной силы, отражающийся в наклонении глагола, синтаксическом типе высказывания, порядке слов, а также интонации. Кроме указанных средств,

Д. Вандервекен наряду с Дж. Л. Остином относит к маркерам иллокутивной силы большое количество перформативных глаголов: *обещать, информировать, уверять, предсказывать, требовать, благодарить, извиняться*, которые сами называют свои иллокутивные силы. Таким образом, с семантической точки зрения мы выделяем в рамках предложения пропозициональный показатель (indicator) и показатель иллокутивной функции. Из вышесказанного следует, что предложения, употребляемые с целью совершения иллокутивных актов, содержат два компонента: 1) компонент, являющийся показателем суждения; 2) компонент, являющийся показателем функции. Показатель функции позволяет собеседнику понять, что подразумевает говорящий в процессе общения, а следовательно, какую иллокутивную функцию избрал говорящий. Случается, что в определенной ситуации речевого общения не возникает необходимости в выделении показателя функции в связи с тем, что сам контекст проясняет ситуацию.

Что же касается классификации иллокутивных актов Д. Вандервекена, то она полностью совпадает с классификацией Дж. Р. Сёрля.

Одним из интереснейших классов речевых актов представляются экспрессивы. Речевая деятельность человека — широкий набор разнородных по форме, протяженности и строению высказываний, обусловленных иллокутивными компонентами, индивидуальными интенциями и мотивами, пронизанных эмоциями говорящего субъекта. Экспрессивные речевые акты являются объектом нашего рассмотрения. Экспрессивными речевыми актами считаются речевые действия, отличающиеся тем, что их исполнитель выражает внутренние состояния определенного типа в своих действиях, в особенности «чувства», «эмоции», «мнения» в широком смысле слова.

Изучая экспрессивы как перформативы, следует упомянуть, что экспрессивы наделены способностью одновременно показывать и описывать [86, р. 254]. Выражения, содержащие экспрессивы, можно рассматривать как осмысленные действия, основанные на поведенческих фреймах. Экспрессивы

представляют собой не только выражение эмоциональных состояний и установок, но и потенциальные действия, которые должны иметь определенное социально детерминированное и общепринятое прототипическое значение [86, p. 267].

Заслуживает особого внимания тот факт, что, в отличие от Дж. Л. Остина и Дж. Р. Сёрля, Д. Вандервекен первый эксплицитно включает глагол *complimenter* в список глаголов, входящих в класс экспрессивов. Согласно Д. Вандервекену, «экспрессивные иллокутивные глаголы называют иллокутивные силы, основной задачей которых является описание психических состояний говорящего, к которым относятся радость, одобрение или, напротив, недовольство. В ходе общения говорящий может также прибегать к использованию невербальных средств коммуникации, совместно с вербальными. Например, радость можно поддержать невербальным выражением улыбки, а недовольство — угрюмой гримасой» [82, p. 199].

Впервые о существовании отдельного класса экспрессивных речевых действий заявили Дж. Сёрль и Дж. Остин. Основой для выделения главных классов речевых актов у Сёрля являются следующие критерии: иллокутивная цель, направленность (от слова к реальности или от реальности к слову), выраженное психологическое состояние (убеждение, желание, сожаление и т. д.) и условие искренности. Сёрль выделил пять классов речевых актов на основе связи коммуникативного намерения говорящего и иллокутивного эффекта, направленного на слушающего:

1. Репрезентативы или ассертивы — высказывания, выражающие убеждение говорящего в истинности его пропозиционального содержания.

2. Директивы — высказывания, с помощью которых говорящий пытается добиться выполнения слушающим какого-либо действия.

3. Комиссивы — высказывания, в которых говорящий принимает на себя те или иные обязательства относительно последующего хода событий.

4. Экспрессивы — высказывания, обозначающие психическое состояние говорящего по отношению к чему-либо.

5. Декларации — высказывания, употребление которых приводит к новому положению дел [81, р. 614—628].

По мнению Сёрля, «иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. К экспрессивам относятся речевые акты благодарности, поздравления, извинения, соболезнования, сожаления и приветствия» [80, р. 183]. Поскольку классификация, предложенная Сёрлем, а затем модифицированная в его последующих работах, получила широкое применение в исследованиях по лингвистической прагматике, то и название класса «экспрессивы» является в настоящее время наиболее распространенным в лингвистической среде. Н. Формановская [60] и Т. Зандер [79] в своих работах рассуждают о целесообразности выделения экспрессивов как класса. Дж. Сёрль подчеркивает, что «экспрессивы, возможно, являются единственным классом высказываний, для которого установление соответствий между словами и реальным миром не имеет значения. Говорящий не пытается подогнать мир к словам или слова к реальному миру. Так, когда он извиняется, например, за то, что наступил на ногу, его целью не является объявить, что на ногу наступили...» [80, р. 184].

Эта классификация позволила выявить многие существенные характеристики речевых актов и послужила основой для дальнейшего уточнения и расширения перечня свойств и параметров речевых актов.

Классификации речевых актов, появившихся спустя некоторое время, во многом определяются интуицией исследователя, поэтому количество и характер выделяемых речевых актов варьируются в значительных пределах. В классификации Ю. Хабермаса не встречается понятие экспрессивов, они распределены им в классы репрезентативов (высказывания, слу-

жащие для самовыражения говорящего: выражения чувств, надежды и т. д.), регулятивов (высказывания, отражающие смысл отношений между говорящим и слушающим: предостережения, угрозы) и универсалий (высказывания, описывающие институциональные действия говорящего, закрепленные определенными нормами, правилами: приветствие, поздравления, благодарность) [73]. В основу классификации Б. Фрейзера положена «зависимость от коммуникативной интенции говорящего» [70, р. 192]. Экспрессивные высказывания, по его мнению, находятся частично в «актах обязательств (говорящий выражает намерение взять на себя обязательства осуществить то, что указано в пропозиции), частично в актах, отражающих отношения между говорящим и слушающим. Д. Вундерлих в своей классификации распределяет экспрессивные высказывания между классом комиссивов (угрозы) и сатисфактивов (благодарности и оправдания) [85, р. 77]. Класс экспрессивов не выделен отдельно в системе К. Баха и Р. Харниша [66, р. 41], его нет и в таксономии Дж. Лича, в основании которой находится «социальная цель установления и поддержания вежливости и избегания конфликтов» [76, р. 103]. Вместе с тем экспрессивы являются одной из четырех главных модельных групп в классификации, предложенной Т. Баллмером и В. Бренненштуль, наряду с апелляцией, интеракцией и дискурсом [67]. Важная черта указанных классификаций состоит в «сопоставлении иллокутивного класса с психологическим состоянием говорящего, а иллокутивного предиката — с предикатом пропозициональной установки, что совершенно логично: для нормального осуществления того или иного иллокутивного акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое им есть правда, если говорящий побуждает адресата сделать что-то, то он должен желать этого» [10, с. 45—46].

Э. Вейганд [83] рассматривает экспрессивы как речевые акты выражения чувств. Исследовательница считает, что такие

речевые акты не могут образовывать собственного фундаментального класса, поскольку они выражают, как правило, очевидное положение вещей. Решающим является, однако, эмоциональное волнение, которое определяет форму высказывания и принципиально отделяет экспрессивы от эмоционально нейтральных констативов. Речевые акты, определяемые Дж. Сёрлем как экспрессивные, Вейганд относит к подклассу декларативов; для них, по ее мнению, выражение чувств не является конститутивным, они не выполняют условие искренности, в результате чего превращаются в рутинные, рудиментарные, *пустые* фразы, лишённые смыслового содержания, выполняющие лишь функцию создания или поддержания отношений [83]. Т. Зандер [79] отрицает необходимость выделения отдельного вида экспрессивных речевых актов, утверждая, что истинная суть таких речевых актов, как, например, благодарность или поздравление, состоит не просто в выражении чувств, не менее существенна их социальная функция, то есть, по его мнению, любое экспрессивное высказывание является примером комиссивов, директивов и, шире, речевых актов, предполагающих обязательства [79].

Нет единства мнений при классификации речевых актов и в отечественной лингвистике. Г.Г. Почепцов, опираясь на идеи Дж.Л. Остина и Дж. Сёрля, свою классификацию речевых актов строит на основе лингвистической теории предложения, выделяя в предложении структурные (конструктивные), семантические и прагматические элементы. В функциональном аспекте ученый уделяет внимание коммуникативной интенции, которая направлена на решение определенной коммуникативной задачи. Коммуникативная интенция определяется как коммуникативно-интенциональное содержание предложения, осуществляемое исключительно в рамках речевого общения и в постоянном отображении реакции партнера по общению [55, с. 125]. При этом прагматические типы предложений различаются исходя из общности реакций слушающего. Предложения соотносятся с интенцией говорящего, обеспечи-

вая реализацию различных речевых актов как форм межличностного речевого общения. Эти реализации отличаются друг от друга иллокутивной силой. Локутивная сила предложения сводится к его когнитивному содержанию. Цели предложение достигает в виде перлокутивного эффекта высказывания (осуществление воздействия на собеседника) [55, с. 125].

Ю. Апресян делит речевые акты на пятнадцать групп, ориентируясь на соответствующие иллокутивные акты [1; 2]. Экспрессивы (согласно Дж. Сёрлю) распределены им в классы речевых ритуалов, признаний, одобрения, прощения и специализированных актов отчуждения. В. Богданов, автор одной из наиболее известной классификации иллокутивных актов, строит ее по дихотомическому принципу. В классе непобуждающих иллокутивных актов он выделяет группу экспрессивов, по Дж. Сёрлю (выражают внутреннее психологическое состояние говорящего), противопоставляя их группе психологически невыражающих актов (ассертивов) [10, с. 53—54]. Описывая глаголы речи с точки зрения теории речевых актов, М. Гловинская выделяет группу речевых ритуалов и этикета, к которой относит глаголы, выражающие действия, соответствующие экспрессивам [17]. Перечень речевых актов, входящих в состав экспрессивов, уточнялся и в ряде других работ [12; 47]. Терминологическое разнообразие в определении данного класса речевых действий связано еще и с тем, что предложенный Дж. Остином термин «бехабитив» по-разному передается на русском языке: «формулы социального этикета», обычно выражающие реакцию на поведение других людей [3; 4], «этикетные высказывания, глаголы этикетного поведения» [12, с. 269]. Поскольку экспрессивные речевые действия действительно обусловлены общественными конвенциями и являются социальными ритуалами, в лингвистической литературе о них говорится как о «ритуальных речевых актах» [13], «конвенционально-этикетных формулах» [33, с. 506], «формулах речевого этикета» [60], «этикетных речевых актах» [48, с. 72], «социальных речевых актах» [50, с. 61], «этикетных

действиях» [37, с. 45], «неинформативных речевых актах» [15, с. 37]. Речевые действия выделяются на основе общности их иллокутивной цели. В литературе обращается внимание на то, что экспрессивы связаны между собой также общностью перлокутивного эффекта, вытекающего из их функции. Эта перлокутивная цель, согласно мнению некоторых исследователей, состоит в том, чтобы расположить адресата к говорящему, вызвать у него положительную реакцию по отношению к говорящему. Поэтому данные действия определяются также как акты, регулирующие межличностные отношения [55; 62].

При описании экспрессивных речевых актов согласно классификации, предложенной А. И. Бочкаревым, все речевые акты рассматриваются на нескольких уровнях с последовательным применением ряда критериев. В качестве первого пункта вводится социологический критерий, поэтому на первой ступени речевые акты разделяются на институциональные и неинституциональные. На второй ступени все речевые акты классифицируются по критерию их воздействия на сознание и поведение, в соответствии с чем неинституциональные речевые акты делятся на репрезентативы, регулирующие речевые акты и экспрессивы (которые также называются контактоустанавливающими речевыми актами) [11].

Согласно В. Н. Телии, принято выделять два подкласса речевых актов в рамках класса экспрессивов:

1. Социативы — речевые акты, выражающие признание говорящим слушателя как члена своей социальной группы. Реализуются в стандартных ситуациях (приветствия, извинения, поздравления и др.).

2. Инфлуктивы — речевые акты, выражающие эмоциональное и оценочное отношение говорящего и оказывающие эмоциональное воздействие. Они используются говорящим для регулирования поведения слушателей в социальных и межличностных отношениях (похвала, порицание, комплименты и оскорбления) [56, с. 14—56]. Эти речевые акты имеют разные цели, используются в разных ситуациях и основываются на разных стандартных сценариях общения.

Н. А. Трофимова предложила собственную классификацию инфлюктивных речевых актов:

1. Речевой акт комплимента.
2. Речевой акт похвалы.
3. Инвективные речевые акты.
4. Речевой акт порицания [57, с. 130].

Характерно, что первым в данной классификации Н. А. Трофимова выделяет **речевой акт «комплимент»**. К. Адамчик дает такое определение речевому акту комплимента: «ритуализированная (не всегда искренняя) оценка объектов, которая прямо касается партнера; совершением речевого действия комплимента говорящий стремится убедить адресата в своем уважении» [64, р. 269]. Complimentом можно считать «всякое направленное на адресата высказывание искреннего восхищения его положительными качествами или их ритуальную положительную оценку, выражаемую говорящим с целью убедить собеседника в своем уважении» [74, р. 465]. Дж. Холмс определяет рассматриваемый речевой акт, выделяя критерии, которым должен отвечать комплимент, чтобы вообще считаться комплиментом. С точки зрения автора, комплимент — это речевой акт, который эксплицитно или имплицитно приписывает кому-либо другому (как правило, адресату) что-либо «хорошее» (собственность адресата комплимента, его качества, умения и т. д.), положительно оцениваемое говорящим и слушающим. В большинстве случаев комплименты имеют для адресата оценку «хорошо», и даже если они явно относятся к третьему лицу, могут быть косвенными комплиментами адресату [74, р. 465—466].

Комплимент как вежливое речевое действие выполняет в процессе коммуникации множество функций. «Одной из самых важных является психолого-эмоциональная функция: считается, что социальный индивидуум только тогда может поддерживать свою идентичность, если ее принимают другие. Наблюдения показывают, что каждая психологически здоровая личность имеет тенденцию к мотивационно искаженному

в положительную сторону, не соответствующему действительности представлению о себе. Поэтому для подтверждения самооценки человек ищет признания, уважения партнера. Посредством комплиментов может быть создана атмосфера взаимного участия и доверия, в которой один партнер может быть уверен в протекции другого. Лестное признание достоинств друг друга повышает чувство собственного достоинства каждого участника общения; ритуально-игровым реверсом естественного чувства превосходства говорящий снижает социальное напряжение, создает предпосылки для приветливой, приятной кооперации» [57, с. 132].

Комплимент служит для того, чтобы выразить положительную оценку со стороны говорящего адресату или третьему лицу. Если комплимент адресован слушающему, то можно предположить, что он вызовет положительную реакцию реципиента. Он испытывает положительные эмоции, поскольку, во-первых, находит подтверждение, признание своих успехов или внешних качеств, а во-вторых, поскольку его успех и, следовательно, он сам как личность получают признание у другого лица — говорящего. В результате на основе возникшей общности взглядов, интересов, вкусов создается социальная связь между индивидами [84].

В рамках теории, которая была сформулирована П. Браун и С. Левинсоном, высказывание комплиментов рассматривается как «положительная стратегия вежливости». В связи с этим авторы высказывают предположение, что каждый компетентный взрослый член общества имеет лицо, которому можно угрожать или заботиться о нем. Поэтому партнеры по коммуникации кооперируются в рамках интеракции, чтобы сохранить свое лицо и лицо партнера (это взаимосвязанные задачи). Комплимент, который делается в интересах собеседника, свидетельствует о его включении в систему ценностей субъекта и способствует развитию взаимоотношений коммуникантов. Перлокутивным эффектом комплимента является утверждение превосходства, совершенства адресата. Такое со-

лидаризирующее действие комплимента особенно хорошо заметно в начале разговора, поскольку успешным иницирующим комплиментом говорящий создает себе доступ к собеседнику и обеспечивает его готовность к сотрудничеству в предстоящем разговоре [68].

Следующим в классификации инфлюктивных речевых актов, согласно Н. А. Трофимовой, является **речевой акт «похвала»**. «Похвала определяется как демонстративное выражение (часто в присутствии третьих лиц) особого одобрения партнера по поводу его поступка (поведения), исключительных успехов (по меньшей мере выходящих за рамки требований нормы), имеющее целью вызвать его положительную эмоциональную реакцию [57, с. 187].

Типологически Н. А. Трофимова отграничивает похвалу от таких стандартизованных поощрений, как публичное вручение наград или премий. Такие ситуации особенно четко, по контрасту, проявляют неритуальный характер похвалы. Чествование проходит в соответствии со строгой схемой, которая не допускает варьирования. Премия символизирует поощрение, но не эксплицирует его. «Квалификация остается задачей лаудативного речевого акта, который является частью предписанного ритуала. Похвала-лаудацию обосновывает поощрение и в этой функции используется в рамках торжественного мероприятия» [57, с. 187].

В качестве третьего класса Н. А. Трофимова выделила **инвективные речевые акты**. «Инвективные речевые акты следует отличать и от собственно оценочных суждений. Отрицательное оценочное суждение носит преимущественно рациональный характер. Оно имеет грамматическую форму высказывания, значение которого определяется семемой, включающей кроме понятийного ядра еще и понятийно-оценочные элементы, оно всегда имеет форму утверждения. То есть оценочное высказывание претендует на то, чтобы быть истинным, и реализует интенцию убедить адресата в этой истинности» [57, с. 216]. «Инвектива является скорее эмоционально, а не

рационально мотивированной дискредитирующей оценкой и выражает определенный тип действия, интенцией которого является достижение желаемого ментального состояния адресата» [77, р. 7].

В речи инвективную иллокутивную нагрузку несет иллокутивный концепт ОСКОРБЛЕНИЕ — «совокупность вербализованных этнокультурных представлений, которые в речи при адресной направленности приводят к оценочному дисбалансу между максимальной социальной репрезентации языковой личности (тем, как индивид хотел бы, чтобы о нем думали другие, идентифицируя свою социальную перспективу с “идеальным социальным Я”) и максимальной социальной самоидентификации языковой личности (тем, как индивид воспринимает себя сам, идентифицируя свой социальный статус с определенным “коллективным Я”)» [43, с. 8]. Если говорящим одержана моральная победа над адресатом и тот испытывает чувства унижения, оскорбления, обиды, эмоции гнева, то восприятие этого перлокутивного эффекта оказывает обратное воздействие на инвектанта: «в нем растет чувство самолюбия, удовлетворения, он освобождается от напряжения или внутреннего возбуждения. Инвективный речевой акт реализует две функции: эмотивно-катартическую — говорящий выражает свои отрицательные эмоции, “выпускает пар”, прагматическую — он хочет оказать определенное перлокутивное воздействие на адресата — унижить, оскорбить, обидеть, эмоционально подавить его. Попытка реализовать названную прагматическую цель искажает исходную форму коммуникации: инвективный речевой акт предполагает форму коммуникативной конфронтации вместо формы коммуникативного сотрудничества» [57, с. 217].

Н. А. Трофимова также выделяет **речевой акт «порицание»**. По ее мнению, порицание воспринимается как «отрицательная оценка действий или деятельности партнера, нанесших вред говорящему или третьему лицу в той или иной форме, высказываемая в частном порядке или при наличии публи-

ки, что не увеличивает действенность порицания, но усиливает степень отрицательного воздействия на адресата. Порицание — это особый комплексный эмотивно-оценочный речевой акт, способный с помощью выражения негативной оценки казуировать состояние эмоционального дискомфорта у собеседника. Планируемый перлокутивный эффект высказываний порицания заключается в изменении поведения адресата в лучшую сторону» [57, с. 255].

Ф. Хундснуршер в своем исследовании конфликтных речевых актов рассматривает три точки зрения на порицание. Согласно первой, «порицание является особым видом побуждения, а именно побуждением извиниться или оправдаться» [75, р. 143]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что порицание представляет собой директивный речевой акт: целью порицания может быть «признание адресатом своей вины». Вторая точка зрения рассматривает порицание как утверждение, как негативную оценку и приписывание ответственности за наступившее положение дел или за определенное действие, и в этом ракурсе порицание рассматривается как ассертивный речевой акт. Согласно третьей точке зрения, порицание имеет экспрессивную природу: оно служит выражению досады по поводу определенного положения дел или действия в адрес несущего за них ответственность адресата [75, р. 144—146].

Как и в инвективе, степень категоричности и интенсивность выражения отрицательной оценки партнера в порицании могут быть достаточно высокими. «Пока говорящий ориентирован на исправление партнера по коммуникации, его слова воспринимаются более как речевые действия порицания. Оскорбитель ругает ни за что, он преследует иную цель — задеть, обидеть, унижить адресата, большее уязвить его. Нанесение обиды — это выражение агрессии, поведение, направленное на отчуждение, отдаление и одновременно на унижение, подавление адресата [59, с. 21—40]. Инвективам не свойственна регулирующая функция, поэтому они не признают ограничений иерархического статуса говорящего и слушающего,

но скорее меняют дистанцию между партнерами, вторгаются в личную зону адресата. Минимальная ориентация на адресата в инвективных речевых актах имеет следствием игнорирование установленных норм поведения, пренебрежение этикетной стороной речи, широкое использование бранных слов, выбор которых определяется не различиями дескриптивного характера, а степенью заключенной в них «ранящей» силы.

Таким образом, по итогам рассмотрения экспрессивов в теории речевых актов можно констатировать, что инфлуктивы как отдельный класс экспрессивов представляют собой речевые акты, выражающие эмоциональное и оценочное отношение говорящего и оказывающие эмоциональное воздействие. Они включают речевые акты комплимента, порицания и оскорбления.

Глава 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПРЕССИВНЫХ ИНФЛУКТИВОВ

Изучая инфлуктивные экспрессивы в когнитивном аспекте, следует отметить, что базовые эмоции относятся к эмоциям, построенным на вере, целях или идеалах. Согласно Н. Гиро, когда агент i считает, что ϕ истинно, то если он стремится к ϕ , он испытывает радость по поводу того, что ϕ истинно; если он стремится к $\neg\phi$, то он чувствует печаль по поводу того, что ϕ истинно; если он считает, что ϕ — идеальное положение вещей, то он чувствует одобрение; наконец, если он считает, что $\neg\phi$ — идеальное положение вещей, то он чувствует неодобрение. Эти эмоции обобщены в следующих формулах, представленных ниже.

Агент i испытывает радость по поводу ϕ тогда и только тогда, когда он верит, что ϕ истинно, и хочет, чтобы ϕ было истинным.

Когда ϕ касается идеалов, агент i одобрит ϕ или не одобрит ϕ в зависимости, соответственно, от того, является ϕ идеальным или неидеальным для него [72, р. 1035—1037].

Анализ концептуальных основ инфлуктивности лежит в русле коммуникативного и когнитивного маневрирования [19, с. 36—40].

Посредством инфлуктивов агент способен воздействовать на когнитивную систему реципиента.

Интересно, что деятельностьное единство языка, речевого общения и человека находится в центре внимания не только прагмалингвистики, но и когнитивной лингвистики. В русле когнитивной прагматики активно развивается стратегический

подход, в основе которого лежит принцип приоритета интересов говорящего. Стратегический подход оперирует такими понятиями, как коммуникативная стратегия, тактика, коммуникативный ход. Человек в когнитивно-прагматических исследованиях предстает как конкретная психологическая, социальная, гендерная, этнокультурная языковая личность [39, с. 132].

Таким образом, когнитивно-дискурсивная парадигма ориентируется на установку, согласно которой интерпретировать речевое общение невозможно без учета личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса.

Именно социально-детерминированному лингвистическому поведению уделяется особое внимание в рамках когнитивно-дискурсивного направления. Наибольший интерес вызывает диалогическая природа коммуникации, проявляющаяся в том, что акторы диалога совершают действия и реагируют на них. Адресант и адресат не только интерпретируют сообщения, но и совершают действия в ответ на высказывания участников диалога. Диалогический принцип [24] определяет диалог как последовательность действий и реакций на них. Соответственно, прагмалингвисты в последнее время занимаются изучением вопросов соотношения между действием и коммуникативным действием, между коммуникативным действием и участниками коммуникации с акцентом на то, как участники коммуникации осуществляют выбор речевых действий в определенном контексте [27, с. 70—71] (как известно, в теории речевых актов слово отождествлено с действием: сказать что-то значит совершить речевое действие).

Таким образом, экспрессивный речевой акт — это речевой акт, который оказывает эмоциональное воздействие на пациента и имеет особую социальную значимость в процессе межличностной коммуникации. Инфлуктивные речевые акты определяют перспективу действий и поведения адресата в будущем. Принято выделять четыре вида инфлуктивных речевых актов, но в данной работе наше внимание будет сосредоточено

на трех из них: речевом акте «комплимент», речевом акте «оскорбление» и речевом акте «порицание», так как, согласно данным лексикографических источников, похвала является одной из интенций комплимента. *Речевой акт «комплимент»* — это высказывание со стороны агенса, которое призвано вдохновить пациенса на совершение речевых и неречевых ответных шагов. Комплимент также определяется как «полифункциональное речевое высказывание, выражающее мнение адресанта о своем адресате (чаще положительное) и произносимое в условиях непосредственного общения собеседников для достижения адресантом определенных целей» [41, с. 30]. *Речевой акт «оскорбление»* — это речевой акт, использующий речевую агрессию в сторону адресата речи. *Речевой акт «порицание»* — это речевой акт, выражающий неодобрение и осуждение деятельности адресата. Для исследования инфлуктивов на глубинном уровне мы рассмотрим данные речевые акты как концепты, имеющие определенный набор концептуальных признаков, и как фреймы.

Глава 3

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФЛУКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА «КОМПЛИМЕНТ»

3.1. Определение инфлуکتивного речевого акта «комплимент»

Комплимент характеризует различные ситуации с разным реальным содержанием. В эту категорию входят акты похвалы и лести и другие церемониальные акты. Следовательно, и сами комплиментарные высказывания могут относиться к разным иллокутивным силам высказывания.

Комплименты часто являются основной и наиболее важной частью речевого этикета. Вопрос о связи комплимента и речевого этикета в отечественной лингвистике открывает Н. И. Формановская, которая понимает под речевым этикетом «микросистему национально-специфических устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности» [60, с. 158]. При этом Формановская рассматривает комплиментарный речевой акт как «род речевых действий, направленных на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения» [60, с. 173].

Американский ученый Н. Вольфсон одним из первых обратил внимание на комплимент, который он определяет как предложение, представляющее собой замечание относительно особо привлекательной вещи или принадлежности. Комплимент понимается им как положительно-оценочный речевой акт [84, р. 238].

Среди британских ученых данной проблемой занимался Б. Фрейзер. Он определил комплимент как «иллокутивный речевой акт, выражающий отношение говорящего к слушающему» [70, р. 192].

В дальнейшем Дж. Холмс, П. Браун и Н. Вульфсон выделили у речевого акта «комплимент» следующие иллокутивные функции: «поздравление, благодарность, приветствие и выражение извинения». Дж. Холмс рассматривает комплимент как «речевой акт, посредством которого говорящий эксплицитно или имплицитно квалифицирует поступки, умения адресата как положительные или оценивает положительно внешний вид адресата, а также собственность или принадлежащие ему предметы» [74, р. 88].

Поскольку условием успешности совершения речевого акта «комплимент» является исходящая от говорящего положительная оценка качества, которой в той или иной степени обладает слушающий, то поводами для комплимента, как было отмечено выше, могут стать «внешний вид собеседника, особенности характера или поведения собеседника, положительные качества, профессиональные качества, высокие нравственные качества, определенные способности, родственники или близкие люди собеседника, его собственность и жилище. Комплимент, адресованный слушающему, вызывает у него положительные эмоции, поскольку, во-первых, находит подтверждение, признание своих успехов или внешних качеств, а во-вторых, поскольку его успех и, следовательно, он сам как личность находит признание у другого лица — говорящего. В результате создается социальная связь между индивидами. Комплиментарные высказывания создают социальную связь там, где следует создать новые отношения или поддержать уже имеющиеся. Комплиментом говорящий показывает адресату, что он уважает и ценит его как личность и заинтересован в поддержании доброжелательных отношений с ним» [84, р. 89].

С когнитивной точки зрения комплимент вызывает новые когнитивные связи, может вести к новому восприятию мира. Принимая во внимание, что когниция неразрывно связана с эмоцией, через комплимент возможно перестроить когнитивные связи, манипулируя доверием пациента. С одной стороны, содержа-

нием комплимента может выступать похвала, с другой — лесть, манипулятивная по своей природе. Видится возможным сделать вывод о том, что комплимент обладает амбивалентным характером, основываясь на аксиологических дихотомиях «хорошо — плохо» и «правда — ложь» [29, с. 39].

Н. Н. Германова определяет речевой акт «комплимент» как «информационно насыщенный речевой акт» и предполагает анализ мотивов, интенций и этических норм собеседника [16, с. 34]. Она делает акцент на выявлении различных целей и типов реакций на этот речевой акт, основной функцией которого является желание говорящего сделать приятное собеседнику. Собеседнику Германова предлагает различать комплиментарный речевой акт с дополнительными иллокутивными функциями, которые отражают интенции говорящего (например, восхищение).

Несколько иной подход к рассмотрению этого вопроса предлагает В. В. Леонтьев. Исследуя коммуникативно-речевую ситуацию комплимента в английской лингвокультуре, автор отмечает, что для английской языковой личности комплимент — это прежде всего выражение вежливости по отношению к собеседнику и соблюдение норм этикета [45, с. 53]. Леонтьев разграничивает понятия комплимента, похвалы и лести. Он раскрывает дифференциальные признаки для каждого из понятий и указывает, что они не идентичны друг другу, так как каждое из них имеет свои отличительные интенции. Так, «основными интенциями для комплимента являются лесть или поощрение собеседника, продиктованное соображениями вежливости или желанием согласиться с ним, в то время как интенцией для похвалы выступает намерение выразить положительную оценку и искреннее одобрение собеседнику, а для лести — побудить собеседника к выполнению нужных говорящему поступков, выразить неискреннее желание доставить слушающему удовольствие, улучшить его эмоциональное состояние, побудить его к видению данного желания как искреннего, “втереться в доверие” к слушающему» [45, с. 53].

Все три понятия связаны с оценочной характеристикой, так как «адресант производит высказывание под влиянием эмоций, однако комплимент и похвала связаны с реализацией положительных эмоций, а лесть — с реализацией псевдоположительных эмоций» [45, с. 58].

К отличительным чертам комплимента Леонтьев относит «действие, речевое, лестное, выражающее одобрение, почтение, уважение, расположение по отношению к адресату, формальное, выражающее похвалу, восхищение, радующее, успокаивающее адресата, приветственное» [45, с. 38]. Таким образом, этот речевой акт связан для Леонтьева с выражением положительной оценки и положительных эмоций. Разделяя точку зрения отечественных и зарубежных лингвистов, он говорит об иллокутивной полифункциональности комплиментов, в числе которых называет такие речевые акты, как лесть и благодарность.

В работе А.В. Бобенко речевой акт «комплимент» рассматривается как социокультурное явление. Исследовательница определяет комплимент как «средство, с помощью которого общество стимулирует желаемое поведение индивида» [9, с. 175]. В основу ее исследования лег комплексный социо-прагматический подход к описанию и анализу функционирования речевого акта «комплимент» в американском варианте английского языка. «Основной целью этого речевого акта у представителей американской культуры является оказание стимулирующего воздействия на слушающего. Автор систематизирует иллокутивные функции комплимента и выделяет контактоустанавливающую, манипулятивную и эмпатическую функции» [9, с. 177].

Л.Э. Безменова, изучая коммуникативно-речевую ситуацию комплимента с лингвопрагматической точки зрения, определяет комплимент как «разновидность речевых актов, которые выражают положительную оценку адресата в условиях непосредственного общения с ним» [6, с. 150]. Она выделяет следующие категориальные дифференциальные признаки похвалы и комплимента:

1. «Похвала относится к действию, а комплимент — к отдельному качеству человека, принадлежащим ему предметам.

2. Похвала является более искренней, чем комплимент.

3. Комплимент — иллокутивно-независимое высказывание, а похвала является реактивной репликой.

4. Для похвалы характерно употребление глаголов to do, to manage, to handle, перфектных форм и форм прошедшего времени» [6, с. 5—6].

Внушительным вкладом Л. Э. Безменовой в изучение комплиментарного речевого акта стала разработка типологии коммуникативных неудач.

Р. В. Серебрякова рассматривает речевой акт «комплимент» с культурологической точки зрения. Она отмечает, что для русского языка характерно отсутствие реакции на похвалу. Автор дает следующую трактовку речевому акту «комплимент»: это «одобрительный фатический речевой акт, направленный на то, чтобы вызвать положительную эмоциональную реакцию адресата, отличающийся субъективностью оценки, небольшим преувеличением достоинств собеседника, повышенной эмоциональностью» [51, с. 19].

А. В. Колегаева относит речевой акт «комплимент» к категории экспрессивов и определяет его как «социально и ситуативно обусловленный речевой акт, способствующий осуществлению стратегического замысла адресанта, успешность которого определяется непосредственной реакцией на него» [38, с. 7]. При таком подходе основной целью речевого акта становится достижение перлокутивного эффекта, осуществляемое путем воздействия на слушающего. А. В. Колегаева делит комплиментарные высказывания на «прямые» и «косвенные», подразделяя далее косвенные на «неэтикетные» и «этикетные» речевые акты. К косвенным относятся комплименты, которые имеют вторичную иллокутивную силу и являются актами этического характера, например комплимент-благодарность, комплимент-приветствие, комплимент-поздравление [38, с. 7].

По содержанию А. В. Коллегаева подразделяет комплименты на эксплицитные и имплицитные, а с учетом степени искренности говорящего выделяет искренние и неискренние комплименты [38, с. 7]. Большое внимание она уделяет изучению факторов, оказывающих влияние на языковую реализацию коммуникативного намерения, а также прагматических, семантических и лексико-синтаксических особенностей комплиментарного речевого акта.

Д. В. Белан, исследуя комплиментарные высказывания, указывает на то, что регулярное использование отправителем комплимента эмоционально-нейтрального плана позволяет идентифицировать неземональное речевое поведение коммуниканта, его сдержанность и рассудительность, согласно прагматике полных и неполных комплиментарных высказываний. Напротив, активное использование коммуникантом плана неполноты информации свидетельствует о его эмоциональности и открытости [7, с. 134].

В ходе анализа различных подходов к изучению природы речевого акта «комплимент» были выявлены различия в его понимании и трактовке: одни ученые склонны связывать его с реализацией лести, другие трактуют комплимент как проявление похвалы. При этом В. В. Леонтьев, Л. Э. Безменова, Р. В. Серебрякова дифференцируют речевой акт «комплимент» и близкие к нему оценочные речевые акты похвалы и лести, определяя характерные категориальные признаки каждого из них. При анализе предлагаемых трактовок комплимента необходимо подчеркнуть расхождение исследователей в части выбора единой дефиниции. Неоднозначность интерпретаций указывает, с одной стороны, на разнообразие значений, проявляющихся в фиксации дифференциальных семантических признаков речевого акта «комплимент», а с другой — на необходимость учитывать различные аспекты его значений при изучении комплиментарных высказываний. Несмотря на эту многозначность, основным значением, объединяющим все упомянутые определения комплимента, выступает положительная оценка, адресованная собеседнику.

Также были выявлены факторы, влияющие на эффективность языкового выражения коммуникативной интенции. Речевой акт «комплимент» выполняет множество иллокутивных функций. Одним из ключевых аспектов в изучении данного речевого акта является стремление исследователей к систематическому описанию различных типов комплиментов. Таким образом, речевой акт «комплимент» представляет собой полифункциональное высказывание, которое служит для выражения мнения адресанта об адресате (чаще положительного) и произносится в условиях непосредственного общения для достижения определенных целей. Комплиментарные высказывания всегда содержат оценку — с элементами либо похвалы и одобрения, либо лести для привлечения внимания адресата. Этим объясняются сложности при описании комплиментарного речевого акта, поскольку он может отражать различные намерения говорящего.

В целях изучения комплиментарного речевого акта на глубинном уровне выявим основные конституирующие элементы КОМПЛИМЕНТА как концепта.

Желание адресанта комплиментарного речевого акта высказать положительное мнение относительно объекта комплимента в форме одобрения является его основной функцией, что находит отражение в словарных дефинициях лексемы *a compliment (noun)* в Оксфордском словаре:

1. a comment that expresses praise or approval of somebody;
2. (formal) polite words or good wishes, especially when used to express praise and approval. — 1. комментарий, выражающий похвалу или одобрение кого-либо; 2. (в формальной ситуации общения) вежливые слова или добрые пожелания, особенно когда они используются для выражения похвалы и одобрения [104].

Словарь Уэбстера дает следующее определение слова *compliment*:

1a: an expression of esteem, respect, affection, or admiration especially: an admiring remark; *1b*: formal and respectful recognition: HONOR. *2a*: compliments (plural): best wishes: REGARDS; *2b* — used in the phrase *compliments of* to identify the donor or source of a gift or free item or service; *2c* — often used ironically to identify the source of something that is not wanted. — *1a*: выражение почтения, уважения, привязанности или восхищения, особенно: восхищенное замечание; *1b*: формальное и уважительное признание: УВАЖЕНИЕ. *2a*: комплименты (мн. ч.): наилучшие пожелания: ПОЖЕЛАНИЯ / ПРИВЕТСТВИЕ; *2b* — используется во фразе «*compliments of*» для определения дарителя или источника подарка или бесплатного предмета, услуги; *2c* — часто используется с иронией для определения источника чего-то нежелательного [108].

Приведенные дефиниции позволяют судить о многозначности лексемы «комплимент».

В русских лексикографических изданиях фиксируется только малая часть того, что представляет собой комплимент в английском языковом сознании. Этимологически лексема заимствована из нем. *Kompliment* / фр. *Compliment* [98, с. 306].

Обращаясь к академическому Словарию современного русского литературного языка в 17 томах, мы находим следующее толкование комплимента: «похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить кому-либо» [95, с. 1262]. Из данной словарной статьи следует, что, определяя комплимент, лексикографы все же противопоставляют похвалу и лесть, рассматривая последнюю как «преувеличенное, угодливое восхваление чьих-либо качеств или действий» [95, с. 494]. Исходя из такого подхода к пониманию данного слова, мы приходим к выводу о том, что вышеприведенная дефиниция содержит две отличные по своей природе иллокуции: с одной стороны, содержанием речевого акта может выступать похвала, которая, в свою очередь, имеет положительную направленность и реали-

зается в виде высказывания любезностей, с другой стороны, речевой акт «комплимент» может выражать желание польстить, то есть высказать мнение, отклоняющееся от подлинной, объективной оценки.

В Малом академическом словаре в 4 томах под редакцией Л. П. Евгеньевой комплимент трактуется как «лестное для кого-либо замечание, любезный отзыв» [94, с. 86]. В этом случае лексическое значение словосочетания «лестное замечание» связано не с лестью как лицемерным восхвалением человека, а ассоциируется с эмоциональным подъемом радостных чувств у адресанта и выражением восторга, восхищения, похвалы, одобрения. Это дает возможность высказать предположение о семантической близости комплимента со словами похвалы, одобрения, восхищения и даже восторга. Любезность же предполагает произнесение не только «любезных, лестных слов», но и обходительность, учтивость со стороны говорящего по отношению к собеседнику.

С. И. Ожегов понимает под комплиментом «любезность, лестные слова, содержащие похвалу» [92, с. 288].

Советский энциклопедический словарь дает следующее определение комплимента: «комплимент — лестные слова, похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить кому-либо» [96, с. 613].

В Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленном А. Н. Чудиновым, мы находим следующее определение комплимента: «комплимент — лестное выражение, тонкая похвала, любезность в выражениях» [99].

Обращаясь к более ранним изданиям, в частности к Толковому словарю живого великорусского языка, составленному в XIX веке В. И. Далем, мы сталкиваемся в трактовке исследуемой нами лексемы с более полно представленными значениями: «комплиментъ — учтивость на словах или на письмѣ; привѣтствіе съ похвалою, вѣжливость, залестъ» [88, с. 148]. В отличие от рассмотренных выше словарей, в данной дефи-

ниции указываются такие значения, как вежливость и приветствие, которые, бесспорно, тоже могут являться составляющими характеристиками данного феномена.

Таким образом, внутри категории инфлюктивности выделяется концепт КОМПЛИМЕНТ, который представлен набором концептуальных признаков:

- похвала / одобрение,
- благодарность,
- уважение,
- лесть.

Вышеизложенное позволяет охарактеризовать иллюктивные силы исследуемого речевого акта как тесно связанные с данными концептуальными признаками.

3.2. Когнитивные особенности речевого акта «комплимент»

Вслед за В. И. Заботкиной мы различаем концепт как единицу хранения знаний и фрейм как структуру их хранения. Перейдем к рассмотрению структуры, лежащей в основе концепта КОМПЛИМЕНТ. Фреймовый анализ инфлюктивного речевого акта в рамках когнитивной парадигмы соотносится с репрезентацией события.

Нам представляется обоснованным рассматривать концепт КОМПЛИМЕНТ в качестве производного от концепта СОБЫТИЕ. Соответственно этому, фреймовый анализ концепта КОМПЛИМЕНТ позволяет выявить концептуальное проецирование между слотами фрейма «Событие» и слотами фрейма «Комплимент».

Обратимся к репрезентации события, представленной в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора. Ч. Филлмор вводит следующий перечень семантических ролей: *агенси* — инициатор события, контролирующий его; *паиенси* — сторона, на которую направлено действие; *объект* — некто или нечто,

осуществляющее перемещение или изменяющееся в ходе события; *результат* — нечто, появляющееся в результате события; *инструмент* — стимул или участник события, оказывающий непосредственное физическое воздействие; *источник* — место начала движения или изменения; *цель* — направление движения, изменения; *экспериментер* — участник, на которого событие производит определенный эффект. В отдельных случаях применяется усеченный перечень семантических ролей в измененной терминологии: *агенса* — одушевленный инициатор, исполнитель, контролирующий действие; *пациенса* — участник ситуации, на которого направлено действие; *бенефактив* — участник, чьи интересы затрагиваются в результате действия; *экспериментер* — участник, воспринимающий ситуацию; *стимул* — источник восприятий; *инструмент* — нечто, используемое для осуществления действия. Наличие *контрагенса* является в контексте рассмотрения категории инфлективности необязательным. Фрейм может быть представлен как система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом, являющим собой корпус пониманий, структуру практик или историю социальных установлений [69].

Ментальная модель события может быть представлена в виде следующего набора элементов:

- пространственные и временные параметры;
- участники / агенты;
- отношения между участниками / субъектами события;
- причина;
- действие (хвалить и порицать — разные действия);
- инструмент;
- цели, задачи;
- результат;
- эффект [26, с. 32—34].

Действие, как известно, является ведущим элементом фрейма «Событие» [25, с. 35].

О том, что событие случилось, мы судим по внешним по отношению к самому событию явлениям, которые данным событием инициированы [25, с. 35].

С точки зрения вербальной репрезентации событий необходимо вслед за В.З. Демьянковым рассмотреть следующие элементы дискурса: «излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [19, с. 7].

Немаловажным является то, что комплимент включает противоречивый концептуальный признак лести, что зафиксировано в ходе дефиниционного анализа в параграфе 1. Комплимент может быть воспринят адресатом как лесть, если адресат усомнился в искренности говорящего. Это позволяет установить важность перлокутивного компонента в процессе общения, поскольку, если пациент неверно интерпретировал коммуникативное намерение агенса, это сигнализирует о выборе неэффективных стратегий для передачи определенной интенции.

В нашем анализе мы используем данные онлайн-ресурса Frame.Net для выявления слотов, выделенных в рамках фрейма «Комплимент».

Фреймовый анализ экспрессивного инфлуктивного речевого акта «комплимент» с опорой на данные Frame.Net позволил констатировать следующее:

1. Фрейм «Комплимент» (Compliment), лежащий в основе речевого акта «комплимент», относится к макрофрейму «Суждение» (Judgment) с семантическим типом «Позитивное суждение» (Positive judgment) [103], как представлено на рисунке 1, где также можно увидеть, как автоматизированная система фреймового анализа Frame.Net производит слотовое представление изучаемого фрейма (Compliment) с выделением ядерных (core) и периферийных (peripheral) элементов (frame element).

compliment.n**Frame:** Judgment_direct_address**Definition:**

COD: a polite expression of praise or admiration.

Semantic Type: Positive_judgment**Support(s):** accept, give, make, pass, pay, receive, take**Frame Elements and Their Syntactic Realizations**

The Frame Elements for this word sense are (with realizations):

Frame Element	Number Annotated	Realization(s)
Addresssee	(25)	DNI.-- (10) NP.Ext (4) NP.Obj (3)

compliment.n

Frame Element	Core Type
Addresssee	Core
Communicator	Core
Degree	Peripheral
Depictive	Extra-Thematic
Expressor	Core
Grounds	Peripheral
Manner	Peripheral
Means	Peripheral
Medium	Core
Place	Peripheral
Reason	Core
Role	Extra-Thematic
Time	Peripheral
Topic	Core

Рис. 1. Фреймовый анализ речевого акта «комплимент»

Как отмечалось выше, существуют две категории комплиментарных инфлективов в зависимости от коннотации: 1) комплименты, выражающие похвалу, благодарность и уважение; 2) комплименты, выражающие лесть.

Основываясь на данных Frame.Net, можно выделить центральные и периферийные слоты фрейма «Комплимент». В ядерную структуру фрейма входят слоты *агенса*, *пациенса*, *диктума*, *причины*, *действия*, *эффекта*, *темы*, *результата*, а к периферийной структуре фрейма принадлежат слоты *место*, *время*, *средство*, *способ*, *степень* и *цель* [103].

Комплимент со значением лести тесно связан с манипуляцией. Далее представляется важным определить концептуальное проецирование между фреймами «Комплимент» и «Манипуляция».

Фрейм «Комплимент-лесть» включает в себя определенный набор слотов, тесно коррелирующих со слотами фрейма «Манипуляция». Основываясь на данных Frame.Net [103] и исследованиях В. И. Заботкиной и Е. Л. Боярской, посвященных изучению манипуляции в медиадискурсе [28, с. 40—44; 31,

с. 126—136], мы имеем все основания утверждать, что в структуре фрейма «Манипуляция» выделяются следующие ядерные слоты: *агенса (манипулятор), пациенс (жертва), действие, диктум, эффект, результат, контрагенса* (факультативный слот). Периферийная структура фрейма «Манипуляция» формируется слотами *время, место, цель, средство, способ, степень*. В процессе взаимодействия фреймов «Комплимент» и «Манипуляция» происходит концептуальное проецирование между их ядерными слотами *действие, диктум, эффект, результат* и их периферийными слотами *время, место, цель, средство, способ, степень*. В случае выражения комплимента с намерением лести теряется «гарантия истинности» [19, с. 36—40], что приводит к манипулятивному воздействию на пациенса [29, с. 37—41].

Представим фрейм речевого акта «комплимент» (рис. 2).

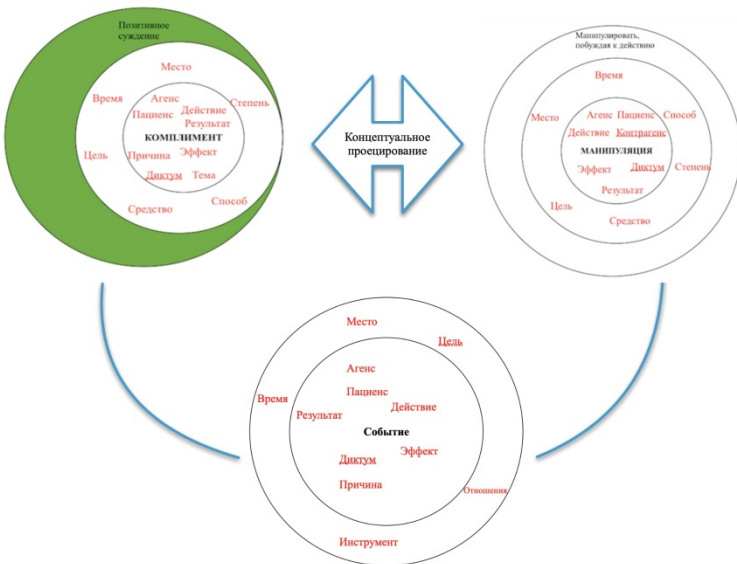

Рис. 2. Репрезентация концептуальных основ комплиментарного речевого акта в контексте концептуального проецирования между фреймами «Комплимент», «Событие» и «Манипуляция»

Можно сделать вывод о том, что концептуальные признаки комплимента (похвала / одобрение, лесть, благодарность и уважение) заполняют слот *тема*.

Фрейм «Комплимент» включает следующие перспективируемые слоты:

- цели — выразить похвалу / одобрение, лесть благодарность, уважение;
- результат — нечто, появляющееся в результате комплимента, в частности в результате манипулирования в случае выражения комплимента с концептуальным признаком лести;
- участники — единичный агент (адресант комплимента) и единичный пациент / экспериенцер (адресат комплимента; возможна массовость агента и пациента);
- действие — выражение речевого акта «комплимент»;
- эффект — ожидаемая положительная реакция пациента.

Согласно Д. Канеману, человек обычно «предпочитает уверенность сомнениям и преимущественно верит комплиментам с интенцией лести. Манипулятивный эффект усиливается, если инфлюктивные речевые акты сопровождаются частыми повторами, ведь частые повторы — это надежный способ заставить людей поверить неправде» [35, с. 121], а сам повтор «порождает когнитивную легкость» [35, с. 130]. Такой когнитивный механизм Р. Зайонц назвал эффектом простого предъявления. Р. Зайонц относит этот эффект к важнейшим биологическим особенностям человека и утверждает, что он возникает из-за того, что повторяющиеся столкновения с новым стимулом не заканчиваются ничем плохим. Такой стимул со временем станет сигналом безопасности, «а безопасность — это хорошо» (цит. по: [35, с. 132]).

Итак, инфлюктивы взаимодействуют с фреймом «Безопасность». Посредством диктума инфлюктивов агент влияет на пациента. В результате фрейм «Опасность» заменяется на фрейм «Безопасность». Человеку комфортно пребывать в состоянии безопасности. Но пребывание в комфортной ситуации снижает бдительность, в результате повышается степень доверия сказанному. Из этого можно сделать вывод о том, что

агенса инфлюктива, направленного на манипулятивное воздействие, может держать под контролем пациента посредством фрейма «Доверие». Вследствие этого у пациента происходит потеря эпистемологической бдительности. Это свидетельствует о корреляции фрейма инфлюктива «Комплимент» с фреймами «Манипуляция», «Комфорт», «Безопасность», «Доверие» и «Контроль». Также необходимо учитывать фрейм «Надежность», так как, чтобы убедиться в истинности информации во избежание манипуляции, со стороны пациента необходима проверка этой информации на надежность. Примечательно, что фрейм «Надежность» принадлежит макрофрейму «Доверие».

С целью избежать ситуаций, в которых пациент испытывает «когнитивную легкость» (а именно в такой ситуации агент осуществляет манипулятивное воздействие на пациента), необходимо следовать принципу декоррелирования ошибок (*error decorrelation*). Таким образом происходит оценивание информации согласно критерию надежности» [35, с. 166]. Однако, как указывает Д. Гилберт, «понимание утверждения начинается с попытки в него поверить: сначала нужно узнать, является ли правдивым такое утверждение. Только после этого можно решить, разуввериваться в нем или нет. Первоначальная попытка поверить — автоматическое желание человека, состоящее из построения наилучшей из возможных трактовки ситуации. Даже бессмысленное утверждение первоначально вызывает желание поверить» (цит. по: [35, с. 158]). Пациенту, таким образом, рекомендуется с осторожностью относиться к комфортной и безопасной обстановке, поскольку именно в таких условиях возникает желание поверить сказанному. Следовательно, можно утверждать, что в контексте манипуляций с использованием инфлюктивных экспрессивных речевых актов формируется оппозиция фреймов «Доверие» — «Надежность». Это связано с пониманием того, что не стоит сразу доверять произнесенным словам, так как агент может манипулировать сознанием пациента через инфлюктивы, предоставляя ему ин-

формацию, не соответствующую критериям истинности. Доверяя агенту, пациент рискует положиться на ненадежную информацию.

Человек часто без труда распознает чужие системные ошибки, однако редко осознает собственную проблему. Такой недостаток носит название «мертвая зона когнитивных искажений» [36, с. 280]. Известно, что все наши суждения неизменно подвержены влиянию ситуативного шума, поэтому немецкие исследователи С. Херцог и Р. Хертвиг, изучая данную проблему, вывели метод диалектического бутстрэппинга (выхода из трудного положения без чьей-либо помощи, от англ. to pull yourself up by your bootstraps) (см.: [36, с. 102]).

Австралийский ученый Дж. Форгас, исследуя настроение как психологическую категорию, приходит к выводу, что эффект манипуляции напрямую зависит от настроения [36, с. 104]. Настроение оказывает существенное влияние на наши мысли. Испытывая положительные эмоции, люди менее объективны при вынесении суждений. Если поднять людям настроение, они становятся более легковерными, с трудом распознавая обман и недостоверную информацию [36, с. 106]. Таким образом, улучшив настроение комплиментом, агент может с легкостью манипулировать сознанием пациента. Д. Канеман относит настроение, наряду со стрессом и усталостью, к ситуативным шумам и утверждает, что необходимо взять под контроль все ситуативные факторы, чтобы снизить ситуативный шум [36, с. 110]. Итак, для проверки информации, полученной в рамках инфлективного комплиментарного речевого акта, согласно критерию надежности, необходимо учитывать очевидную связь фреймов «Комплимент» и «Манипуляция» с фреймом «Контроль», которые формируют оппозицию «манипулятивный комплимент» — «контроль». В этих обстоятельствах каузальное мышление (тип мышления, направленного на поиск причин и следствий событий, явлений или процессов) будет служить подспорьем в избегании манипуляции, так как каузальное мышление помогает сохранить

бдительность, необходимую для того, чтобы фиксировать аномальные события. Каузальное мышление избавляет нас от трудоемкого мыслительного процесса, в реальном времени сортируя события по двум категориям: нормальные и аномальные. Оно помогает нам объяснить мир, который гораздо менее предопределен, чем нам кажется; объясняет, почему мы видим мир более предсказуемым, чем он представляется в реальности. По мнению Д. Канемана, в долине правдоподобности нет места неожиданностям и противоречиям, а на шумовые помехи никто не обращает внимания [36, с. 182—184]. Между тем именно шумовые помехи остаются опасными и поэтому заслуживают особого изучения.

Необходимость снижения шумовых помех отражена в подходе под названием «гигиена принятия решений» [36, с. 283]. Исследователи различают искажение как ошибку, которую мы обычно замечаем и даже можем объяснить, и шумовые помехи — ошибку непредсказуемую, которую нелегко обнаружить и сложно объяснить, и часто мы отрицаем само наличие шума, однако шум — невидимый враг, отразив атаки которого, мы одержим невидимую победу [36, с. 283—284]. Предлагается попытка оптимизировать качество суждений методом «бустинга»¹ [36, с. 277]. Психологи утверждают, что данный метод может быть применен к человеку для того, чтобы снизить эффект когнитивных искажений, закрепить навык предотвращения аналогичных когнитивных ошибок в дальнейшем [36, с. 276—278].

---

¹ *Бустинг (boosting)* — это метод, используемый в машинном обучении для уменьшения количества ошибок при прогностическом анализе данных. Он помогает предотвратить искажения. Метод построен на «деревьях решений», аналогичных «деревьям непосредственных составляющих» из порождающей грамматики Н. Хомского. Идея заключается в том, что деревья решений многократно разделяют данные, пока не останется только один класс. Алгоритмы бустинга обучают слабые модели, фокусируются на элементах, повышающих точность прогнозирования во время обучения [36, с. 277—278].

Таким образом, в результате рассмотрения комплиментарного инфлуктива в когнитивном аспекте мы пришли к выводу о том, что комплимент амбивалентен по своей природе (может быть похвальным или льстивым). Фреймовый анализ комплимента позволил установить концептуальное проецирование между слотами фреймов «Комплимент», «Манипуляция» и «Событие». Также был выявлен ряд методов, следуя которым можно избежать когнитивных ошибок, зачастую возникающих в процессе коммуникации с имплементированными в диктум комплиментарными речевыми актами льстивого характера.

3.3. Инфлуктивный речевой акт «комплимент» в дискурсивном аспекте

Дискурсивный подход основан на восприятии текста с точки зрения таких экстралингвистических аспектов, как прагматика, психология, социолингвистика и культура. Обращаясь к дискурсивному уровню анализа, мы пытаемся ответить на вопрос, как знание о культурном событии, представленное в ментальной модели, выражается в дискурсе. Ментальные модели овеществляются при помощи языковых средств. Для вербальной репрезентации событий в дискурсе существует множество различных языковых инструментов [26, с. 38].

Комплимент неоднороден по своему содержанию. Комплиментарный акт может относиться к разным вариантам речевого акта в сопоставляемых языках и культурах.

Предпринятое исследование является попыткой установить очерченный круг вопросов на материале английской, американской и русской художественной литературы XX—XXI веков.

В данном параграфе мы подвергнем анализу различные реакции на комплимент, поскольку именно по реакции собеседника говорящий может судить о том, был ли достигнут предполагаемый им перлокутивный эффект комплимента, то есть о том, насколько успешен или неуспешен был речевой акт «комплимент» в целом.

При описании комплиментарных высказываний и реакций на них мы будем учитывать только те перлокутивные эффекты, которые зафиксированы во фрагментах изучаемых нами текстов. Такие эффекты могут быть реализованы либо в виде ответных реплик героев, либо в комментариях авторов художественных произведений.

Таким образом, неотъемлемой частью рассмотрения любого речевого акта является, во-первых, анализ мотивов, так как в основе порождения речевого акта лежит прагматический оператор, во-вторых — исследование его концептуальных основ в целях глубинного анализа, и наконец, изучение речевого акта в дискурсивном аспекте, что позволяет обратиться к вербальной репрезентации, в данном случае — инфлективов.

3.3.1. *Вербальная репрезентация комплимента с коммуникативной установкой на похвалу*

Обратимся к комплиментарным высказываниям, понимание которых в таком качестве связывается с наличием в них похвальных или одобрительных слов. В исследуемых примерах мы приводим не только сами комплименты, но и то, как они вписаны в контекст художественных произведений, который передает помимо похвалы и одобрения более полное представление об адресатах, об их интенциях и реакции на комплимент. Следует отметить, что в изученном материале комплиментов-похвалы мы встретились с разнообразием значений речевого акта в зависимости от степени содержащейся в нем похвалы.

Рассмотрим комплименты, выражающие **похвалу и одобрение**.

Для похвальных комплиментов характерна структурная модель «**личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное**», используемая в 28 % случаев от нашей выборки. В качестве комплиментарного речевого акта, построенного по указанной модели, приведем пример высказывания из романа «Тихая гавань» (*Safe Haven*) Н. Спарк:

I like her. **She's a bright spirit — a real personality** [139, p. 60].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно самой частотной модели «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное». Данная структурная модель соответствует фреймовой модели «Комплимент-похвала». Процесс проецирования слотов фрейма «Комплимент-похвала» в структурную модель выглядит следующим образом: адресант комплимента (Кэти) соотносится со слотом *агенса*, адресат (Кристен) — с *пациентом*, содержание комплимента-похвалы — с *диктумом*, *внешней причиной* выступает положительное поведение девочки Кристен, которое послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде ожидаемой положительной реакции от пациента (радости от полученного комплимента).

Изучим комплименты со значением похвалы, построенные согласно самой продуктивной модели.

— For **the bootiful young lady** hupstairs.” Then dexterously he dad placed his foot where the door had been about to shut and as dexterously produced from behind his back, in this other hand, while his now free one swept off his á la mode near-brimless topper, a little posy of crocuses. “And for the heven **more lovely one** down.” Mary had blushed a deep pink... [121, p. 80].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно моделям «прилагательное + прилагательное + существительное», являющейся усеченной структурой, и «конструкция со сравнительной степенью сравнения прилагательного». Данные структурные модели соответствуют фреймовой модели «Комплимент-похвала». В комплименте использован частотный экспрессив *beautiful*, искаженный акцентом, что отражено в использовании графона *bootiful*, а также сравнительная степень наречия *lovely*; несмотря на то что положительная оценка в этих высказываниях присутствует, они

могут быть расценены как отражение реального положения дел. В связи с этим можно утверждать об умеренной оценке комплимента пациенсом. *Причина* комплимента — выражение похвалы внешним данным и манере поведения девушки, что послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде положительной реакции от *пациенса*. Мэри принимает комплимент, выражая невербальную реакцию в виде смущения: *Mary had blushed a deep pink*. Изменение цвета лица, появление румянца — показатель положительного восприятия комплимента.

— Now, **you are a capable officer** — no, don't disagree already. Anson gave the slightest smile he had in his repertoire. **You are a very capable officer**... No one has been charged, no one arrested, no one even seriously taken aside and looked over. And the mutilations have continued. Agreed?

— Agreed, sir [110, p. 31].

Данный пример комплимента представляет ситуацию делового общения двух мужчин: «начальник — подчиненный». Это прослеживается в том, каким образом произнесен комплимент, и в том, как происходит сама кооперация мужчин по схеме: вопрос — ответ без лишних слов (*Agreed?* — *Agreed, sir*). Ансон отмечает профессиональные данные своего подчиненного и делает комплимент его способностям с целью придать ему уверенности в себе. Языковое поведение адресанта демонстрирует его более высокое социальное положение, вербально выраженное в его покровительственном тоне: делая комплимент, говорит *no, don't disagree already*, намеренно предвосхищая негативную реплику пациенса, и настойчиво повторяет свой комплимент способностям подчиненного (...*you are a capable officer*... <...> *You are a very capable officer*), используя во втором комплименте интенсификатор *very*, чтобы придать высказыванию бóльшую убедительность. Комплимент направлен на то, чтобы мотивировать служащего продолжать работать в том же духе, следовательно, реализует фатическую функцию.

— **He is our great champion, here and on the farther side.**

— **He is quite capable of demonstrating already. His passing was peaceful, and he was quite prepared for it. There was no pain, and no confusion to his spirit. He is already able to begin his work for us over there.**

— When I first saw him, during the two minutes silence, it was as in a flash.

— It was when I was giving my messages that I first saw him clearly and distinctly.

— **He came and stood behind me and encouraged me while I was doing my work.**

— **I recognized once more that fine, clear voice of his, which could not be mistaken. He bore himself as a gentleman, as he always did.**

— **He is with us all the time, and the barrier between the two worlds is but a temporary one.**

— There is nothing to fear in passing over, and **our great champion** has proved it by appearing here amongst us tonight.

The woman on George's left leans across the velvet armrest and whispers, "He is here" [110, p. 120].

Комплимент пациенту *He is our great champion* с многочисленными дополнениями к нему представляет собой совершенно противоположную предыдущему примеру ситуацию общения — неофициальную, в которой собеседники являются друзьями и исполняют горизонтальные социальные роли. Их общение непринужденное, более открытое и эмоциональное, что характерно для дружеского общения. Агнс выражает похвальные комплименты профессиональным качествам друга, его умению держаться, его воспитанности, тому, как он много работает над собой и «сам себя делает»: *He bore himself as a gentleman, as he always did*. Даже реплика в адрес его походки является не столько комплиментом внешним данным героя, сколько профессиональным, отражающим его сдержанность и профессиональное спокойствие. Комплименты несут большую эмоциональную нагрузку, так как произнесены во всеуслышание и содержат повторяющееся выражение с эмоциональным

прилагательным *great champion* и многочисленные перечисления достоинств героя. Кроме того, высказывание агенса *He came and stood behind me and encouraged me while I was doing my work* комплиментирует внутренние качества пациента и имеет иллюкутивную силу похвалы, а также направлено на выражение благодарности за оказанную поддержку.

To her relief, he caught the prompt and resorted to the familiar form of stupidity. He said solemnly, **“You have a lovely face and a beautiful nature, and sexy elbows and ankles, and a clavicle, a putamen and a vibrato all men must adore, but you belong entirely to me and I am very glad and proud”**.

She said, “Very well, you may kiss my vibrato” [129, с. 23].

Приведенный неформальный комплимент, построенный по модели «местоимение + глагол + словосочетание с существительным в ядре», содержит иллюкуцию похвалы, направленную одновременно на внешние, внутренние и профессиональные качества героини. Комплиментируя внешность, герой использует в составе *диктума* экспрессивные прилагательные *lovely* и *sexy* в значении ‘сексуально привлекательный’ (которое отражает возрастную идентичность молодежи). В комплименте душевным качествам используется прилагательное *beautiful*. Кроме того, данный комплимент содержит наряду с иллюкуцией похвалы иллюкуцию уважения, о чем можно судить по словам героя, констатирующим испытываемое им чувство гордости (...*I am very glad and proud*). Героиня вербально принимает комплимент возлюбленного.

Now, listen to this next bit carefully: in the morning THE WHOLE KIPPS FAMILY have breakfast together and a conversation TOGETHER and then get into a car TOGETHER (are you taking notes?) — I know, I know — not easy to get your head around. I never met a family who wanted to spend so much time with each other [136, p. 1].

В приведенном примере графическое оформление языковых единиц в *диктуме* существенно меняет их восприятие.

Так, выделение слова прописными буквами не только является фонографическим средством выразительности, но и оказывает прагматическое воздействие: встречая слово, выделенное путем капитализации, реципиент невольно «повышает голос», как в прямом смысле, при прочтении вслух, так и мысленно, читая про себя. Именно поэтому можно сделать вывод, что капитализация выступает важной составляющей метаграфемики. Использование заглавных букв вместо строчных мотивировано целью создания определенной коннотации и вместе с тем фона всего художественного текста, служит «обрамлением» образа героев, описываемых мест, событий, а также позволяет раскрыть авторский замысел.

Капитализация придает речи героя пылкость, определенную несдержанность и драматичность. Джером выступает *агентом*, он преследует цель призвать к здравому смыслу свою семью Белси, находящуюся в политической и личной схватке с семьей Кипс, чьи ценности, традиции и мировоззрение импонируют герою (именно они становятся *причиной* произнесения похвального комплимента). В отношении устоев и взглядов на жизнь своей семьи Джером не испытывает подобного чувства восхищения. Более того, представленный отрывок из произведения, обладающий прагматическим воздействием, наводит на мысль о том, что в окружении родных людей Джером чувствует себя несчастным, непонятым и одиноким. Учитывая специфику текста оригинала с характерными для него денотативными классами «*Родственные и семейные отношения*», «*Человек и его внутренний мир*», в частности «*Отношение человека к семье*», «*Одиночество*», «*Отчуждение*», можно заключить, что использование капитализации действительно преследует эмфатическую цель.

З. Смит, автор произведения, из которого взят последний пример, использует в своих романах фонографические средства для передачи различных особенностей речей персонажей, например произносительных, так как ее герои являются носителями разных акцентов, которые писательница иллюстрирует с помощью точной фонетической передачи с применением

графонов. Графон определяется как преднамеренное нарушение графической формы слова или словосочетания, используемое для отражения подлинного произношения. Известно, что каждый графон может быть отнесен к одной из двух возможных групп: графоны окказиональные и рекуррентные. Посредством использования окказиональных графонов можно передать настроение, душевное состояние, возраст говорящего; следовательно, они носят окказиональный, то есть временный характер. При помощи графонов второй группы можно отразить происхождение, социальный статус героя, уровень его образованности; значит, графоны этого типа имеют рекуррентный, то есть постоянный, характер. Чтобы красочнее передать эмоции героев, когда их переполняет злость или, наоборот, радость, чтобы продемонстрировать, как звучит речь героев, также используются различные графоны.

— I will say it again, **you will make a fine solicitor**, George [110, p. 20].

В приведенном примере более зрелый собеседник демонстрирует свою компетентность, позволяющую ему отметить хорошие профессиональные качества своего молодого коллеги Джорджа. Он убеждает его (*I will say it again*), что из него выйдет хороший (прекрасный) юрист (*...you will make a fine solicitor*). Официальный комплимент взрослого, уверенного в себе мужчины отличается сдержанностью: он немногословен, а прилагательное *fine*, часто употребляющееся в разговорной речи, обозначает более низкую степень качества по сравнению с соответствующим русским эквивалентом «прекрасный». Английское прилагательное *fine* в русском языке имеет соответствия «хороший; прекрасный, превосходный» [104], то есть значения «прекрасный, превосходный» и значение «хороший» являются равнозначными. Вероятно, этим объясняется и тот факт, что, несмотря на то что прилагательное *fine* означает «красивый и высококлассный; лучше других», в английском языке возможны такие варианты, как *He's a very fine musician*.

Tessie smiled.

— **You have quite a vocabulary.**

At this compliment the girl broke into a big smile. “Obstreperous” is my favorite word [118, p. 15].

В приведенной ситуации партнеры по общению принадлежат к разным возрастным группам: взрослая женщина в официальной обстановке общения делает комплимент девочке, подчеркивая ее успеваемость (*You have quite a vocabulary*).

Девочка оценила комплимент, о чем свидетельствует комментарий автора: *the girl broke into a big smile*. Более того, польщенная комплиментом и желая еще раз продемонстрировать свои знания взрослой собеседнице, она произносит редко употребляемое слово *obstreperous* («непокорный, шумный, беспокойный»), заявив, что это ее любимое слово. Такая стратегия поведения ребенка может быть охарактеризована как компенсаторная, согласно которой девочка стремится соответствовать модели речевого поведения взрослого человека.

Менее продуктивной, но тоже частотной является структурная модель «**личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное**». Изучим комплименты с интенцией похвалы, построенные согласно данной модели.

Miss Celia stares down at her burned hand.

— Missus Walters said **you were a real good cook**.

— That old woman eat two butter beans and say she full. I couldn't get her to eat nothing.

— How much was she paying you?

— Dollar an hour, I say, feeling kind of ashamed. Five years and not even minimum wage.

— Then I'll pay you two.

And I feel all the breath slip out of me.

— When Mister Johnny get out the house in the morning? I ask, cleaning up the butterstick melting right on the counter, not even a plate under it.

— Six. He can't stand to do-dad around here very long. Then he heads back from his real estate office about five. I do some figuring

and even with the fewer hours it'd be more pay. But I can't get paid if I get shot dead. I'll leave at three then. Give myself two hours coming and going so I can stay out a his way.

— Good. She nods. It's best to be safe [142, p. 44—45].

Комплимент кулинарным способностям служанки *Missus Walters said you were a real good cook* представляет собой умеренную похвалу. Афроамериканская служанка, говорящая на диалекте *Black English*, в разговоре с хозяйкой дома употребляет слова и выражения, демонстрирующие ее региональную группу. Ее речь изобилует грамматически неправильными формами, что свидетельствует о низком уровне ее образованности: *that old woman eat* (отсутствие -s у глагола в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени), *I couldn't get her to eat nothing* (наличие двух отрицаний в предложении), *When Mister Johnny get out the house in the morning?* (отсутствие вспомогательного глагола в вопросе). Автор романа "The Help" («Прислуга») намеренно графически передает неправильное произношение слов для того, чтобы показать фонетические особенности речи героини: *Give myself two hours coming and going so I can stay out a his way*, где *a* заменяет предлог *of*.

Одной из продуктивных моделей построения комплимента-похвалы является модель «**личное местоимение + глагол + прилагательное**». Иногда она представлена в усеченной форме и содержит одно или несколько прилагательных. Рассмотрим подобные примеры.

"I thought it was only a whim that I'd better humour. I know **you're obstinate and headstrong**. What on earth d'you want to leave for now? You've only got another term in any case. **You can get the Magdalen scholarship easily; you'll get half the prizes we've got to give.**"

<...>

"I've made all my arrangements now to go to Germany, sir," said Philip [126, p. 171].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно моделям «личное местоимение + глагол + прилагательное + союз + прилагательное» и «личное местоимение + модальный глагол с инфинитивом + фраза с существительным в ядре + наречие». В данном фрагменте комплиментируются черты характера личности, которые, по мнению уже состоявшегося специалиста, помогут герою в приобретении навыков по определенной специальности. Кроме того, похвальное высказывание содержит элементы гиперболизации способностей личности, придающие комплименту большую эмоциональную окрашенность, связанную с проявлением восхищения. *Причина* комплимента состоит в том, чтобы похвалить героя и убедить его принять правильное решение в выборе профессии, однако реакция героя свидетельствует об обратном — он уже определился с выбором и твердо решил, что будет поступать так, как хочет сам: “I’ve made all my arrangements now to go to Germany, sir”, что послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде уклонения от комплимента.

“Flannels suit you,” she said. “**You look very nice this afternoon.**”

He blushed with delight.

“I can honestly return the compliment. **You look perfectly ravishing.**”

She smiled and gave him a long look with her black eyes” [126, p. 284].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно модели «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное». Высказывание в составе *диктума* содержит интенсификатор *very*, что делает его эмоционально окрашенным. Реакция на комплимент состоит в том, что герой не просто принимает комплимент, но делает ответный с использованием экспрессивного прилагательного *ravishing* в значении ‘admirable, attractive’ в сочетании с наречием *perfectly*, усиливающим эффект комплимента. Использование параллельных конструкций с повтором лексических единиц *You*

look придает комплинтам особую значимость и экспрессию, повышая степень выражения похвалы. Ответный комплимент как *эффект* реализует аналогичное речевое действие по отношению к собеседнику.

— You won't forget my photograph?

— I think there are some in Michael's den. Come along and we'll choose one.

<...>

— This one is not so bad.

— It's lovely.

— Then it can't be as like me as I thought.

— But it is. It's exactly like you.

<...>

She glanced at the photograph again. She liked to think she looked like that [127, p. 1].

Комплимент *агенса* героине выражен через ее фотографию. Иллокуцией комплимента является нейтральная похвала, вербализованная в диктуме клишированной и весьма распространенной в английском разговорном языке фразой *It's lovely*, построенной по модели «местоимение + глагол + прилагательное». Причиной комплиментарного действия послужило восхищение актрисой. Актриса (*пациенс* комплимента) выражает несогласие с комплиментом, пытаясь получить опровержение своих слов с тем, чтобы услышать продолжение комплимента. Такой эффект отражен в реакции: *But it is. It's exactly like you*. Актрисе доставляет удовольствие комплимент, что находит свое подтверждение в ее кокетливом поведении, описанном автором: *She glanced at the photograph again. She liked to think she looked like that*.

Современная английская писательница З. Смит, пример комплиментарного высказывания из романа которой приводится ниже, признается в отзыве на свой роман “NW” в том, что попыталась передать в речи своих героев, жителей северо-западной части Лондона, произносительные особенности: “When I was writing this novel what I really wanted to do was create people in language” [135].

— **Nice looking, innit — nice looking babies!**

Shar winks: a grotesque compression of one side of her face [135, p. 17].

В *диктуме* приведенного комплиментарного высказывания внешнему виду употреблено выражение *innit*, характерное для лондонского сленга кокни. Оно представляет собой разговорное сокращение от *isn't it, are not, have not* и т. п. ('не так ли?'), образованное в результате фонетического явления, именуемого в английском языке *glottal stop* (гортанная смычка). Сленговое выражение *innit* стало неотъемлемой чертой коммуникации лондонской молодежи, которая использует его как «модное», демонстрирующее, что человек, его употребляющий, является «крутым» («первоклассным», «могущественным», «влиятельным»). Автор романа З. Смит, имеющая ямайские корни (мать английской писательницы родом из Ямайки), умело воспроизводит характерную черту азиатского английского диалекта для характеристики региональной (лондонской) принадлежности молодых героев романа.

The mournful vibrato; the jangly quaver of slide guitar to Alex it sounded dire.

But this was Bennie Salazar, who'd discovered the Conduits all those years ago.

— What do you hear?

Alex asked him.

Bennie shut his eyes, every part of him alive with the palpable act of listening.

— **He's absolutely pure**, he said. **Untouched.**

Alex closed his own eyes [117, p. 313].

Неофициальный комплимент в представленном примере направлен в адрес музыканта и содержит экспрессивные прилагательные *pure, untouched* и наречие-интенсификатор *absolutely*: "He's absolutely pure," he said. "Untouched."

— Ashley! It's Lenny Holland. **For God's sake, you look beautiful!**

— Thank you, Lanny.

He had gained weight and was wearing a large diamond ring on his little finger.

— I'm in real estate now, doing great. Did you ever get married? Ashley hesitated.

— No.

— Remember Nicki Brandt? We got married. We have twins.

— Congratulations [134, p. 49].

Комплиментарный речевой акт выражается в симметричной ситуации речевого общения, представляет беседу бывших одноклассников, которые давно не виделись. Ленни довольно эмоционально выражает комплимент собеседнику по поводу его внешности восклицанием *For God's sake, you look beautiful!* Затем следует реакция в виде благодарности за комплимент (*Thank you, Lanny*), одноклассники продолжают беседу.

В следующем высказывании автор использует экспрессивный инфлективный речевой акт комплимента, содержащий сленговую составную лексику *high-five*:

She's all *high-five, great work team, move on, next project...* But it's as if Demeter doesn't even realize what a great head of design she has [125, p. 20].

Стоит отметить, что часть фразы выделена автором графически (курсивом) с целью привлечь внимание читателя к написанному, усилить прагматический эффект за счет употребления фонографических средств реализации прагматического потенциала в тексте. Эмоциональность комплименту придает повтор прилагательного *great* в составе диктума. Лексема *high-five* (*n.*), используемая в комплименте, впервые вошла в речь в 1980 г. в США как существительное, применяемое для описания жеста приветствия членов баскетбольной команды, затем в 1981 г. данная лексема употреблялась как глагол, перейдя из существительного в глагольную форму путем конверсии. Образовалось это слово словосложением *high* (*adj.*) + *five* с референцией к пяти пальцам руки [91]. Сейчас

лексема расширила свое значение и используется в сленговом значении с положительной коннотацией похвального приветствия или поздравления: slang NOUN 1. a gesture of greeting or congratulation in which two people slap raised right palms together. VERB 2. to greet or congratulate (a person) in this way [102].

Похвальный комплимент также довольно часто встречается в различных **сравнительных оборотах**. Обратимся к примеру комплимента, взятому из романа «С первого взгляда» (*At First Sight*).

And **you are even lovelier than usual**. Engagement definitely suits you, **my dear** [137, p. 19].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен по модели «личное местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой». Данная структурная модель соответствует фреймовой модели «Комплимент-похвала». В процессе проецирования слотов фрейма «Комплимент-похвала» на структурную модель адресант комплимента (Геркин) соотносится со слотом *агенса*, адресат (Лекси) — со слотом *пациенса*, содержание комплимента-похвалы — с *диктумом*. Комплимент примечателен тем, что включает в диктум частотный вокатив *my dear*. *Причиной* комплимента послужило предстоящее замужество Лекси, которое изменило девушку и привело к комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде ожидаемой положительной реакции от пациенса.

“Wait! You like the coat?” wisely observed Mr. Rubenstein, after deciding that even a hundred dollars was too much for her purse, unless it could be supplemented by some man’s. “It’s really a two-hundred dollar coat. I’m telling you that straight. Our regular price is one hundred and fifty. But if you could bring me a hundred and twenty-five dollars, since you want it so much, well, I’ll let you have it for that. And that’s like finding it. **A stunning-looking girl like you oughtn’t to have no trouble in finding a dozen fellows who would be glad to buy that coat and give it to you. I know I would, if I thought you would be nice to me.**”

He beamed ingratiatingly up at her, and Hortense, sensing the nature of the overture and resenting it — from him — drew back slightly. At the same time she was not wholly displeased by the compliment involved [116, p. 104—105].

Приведенный выше комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно сложным структурным моделям «словосочетание с существительным в ядре (прилагательное + существительное) + сравнительная конструкция с *like* + словосочетание с модальным глаголом и двойным отрицанием в ядре» и «фраза с условным наклонением 2-го типа». Данные структурные модели соответствуют фреймовой модели «Комплимент-похвала». В рамках *диктума* высокую эмоциональность этому комплименту придает эпитет *stunning*, имеющий в разговорном английском языке значение ‘very attractive, impressing, astonishing’ [104]. Двойное отрицание при помощи взаимодействия разных средств (сочетание синтаксического *oughtn’t* и морфологического полного отрицания *no*) представляет собой мощный интенсификатор высказывания. *Причина* комплимента соотносится с одобрением внешности *пациенса*, что послужило комплиментарному *действию* и *эффektу* в виде положительной реакции от *пациенса*. Комплимент, выраженный при помощи двойного отрицания, реализованного с помощью модального глагола *ought to* и частицы *not*, а также отрицательного местоимения *no*, был принят героиней, о чем свидетельствуют слова автора: *At the same time she was not wholly displeased by the compliment involved, несмотря на высокомерную концовку комплимента I know I would, if I thought you would be nice to me.*

Следующие модели построения похвальных комплиментов являются не столь продуктивными, но тоже заслуживают внимания.

“Wear that little black hat with the red ribbon under your chin, will you? **You look so cute in that.**”

“Oh, you,” she laughed. It was so easy to kid Clyde. “Yes, I’ll wear it,” she added [116, p. 109].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно модели «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + предлог + указательное местоимение». Несмотря на использование в составе *диктума* усилительной частицы *so* (со значением ‘very, extremely’), которая является интенсификатором прилагательного *cute*, комплимент может быть расценен как умеренный, так как выражение *you look + adj* является частотным в английском языке и относится к устойчивым формулам английского речевого этикета. *Причина* комплимента соотносится с желанием похвалить внешний вид *пациенса*, что послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде положительной реакции от *пациенса*. Реакция девушки (согласие надеть тот наряд, который хочет видеть на ней молодой человек) свидетельствует о том, что она принимает комплимент.

— I suppose **you can read French pretty well by now. I wonder if this would amuse you.**

Philip thanked him and, taking the book, looked at the title. It was Renan’s *Vie de Jesus* [126, p. 222].

Комплимент с иллюкутивной силой похвалы построен согласно модели «личное местоимение + модальный глагол с инфинитивом + существительное + наречие + наречие». Процесс проецирования слотов фрейма «Комплимент-похвала» на структурную модель выглядит следующим образом: адресант комплимента соотносится со слотом *агенса*, адресат — с *пациентом*, содержание комплимента-похвалы — с *диктумом*. В рамках *диктума* использован глагол *wonder* в значении ‘to indulge in speculative inquiry’, который часто сопровождается элементами сомнения в отношении сказанного, что значительно снижает эмоциональный показатель комплимента в целом. *Причина* — одобрение способностей личности, что послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде положительной реакции от *пациенса* (герой принимает комплимент, выражая благодарность).

“Leona?” And he smiled again. His smile could be very effective.
“**That’s a pretty name**” [109, p. 4].

Комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно модели «указательное местоимение + словосочетание с существительным в ядре». В рамках *диктума* комплиментарного речевого акта использовано прилагательное *pretty*, соответствующее выражению нейтральной похвалы. *Причина* комплимента соотносится с похвалой имени *пациенса*, что послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде ожидаемой положительной реакции от *пациенса*.

“Ida, I swear that isn’t true. I swear that isn’t true.”

He dropped to one knee beside the bed and tried to take her hands in his. She turned her face away.

“**Honey, I’m in love with you.** I got scared and I got jealous, but I swear I didn’t mean what you thought I meant, I didn’t, I couldn’t, **I love you.** Ida, please believe me. **I love you.**”

Her body kept shaking and he felt her tears on his hands. He raised her hands to his lips and kissed them. He tried to look into her face, but she kept her face turned away.

“Ida. Ida, please” [109, p. 60—61].

Данный комплимент с прагматическим намерением похвалы построен согласно модели «вокатив + местоимение + глагол + местоимение» и является признанием в любви. Он имеет яркую эмоциональную окраску благодаря обращению *honey* и признанию в любви *I love you*. *Причина* комплимента соотносится с мольбой *агенса* о прощении, что послужило комплиментарному *действию* и *эффекту* в виде отрицательной реакции от *пациенса*. Ида не принимает комплимент, о чем мы можем судить из авторского комментария: *Her body kept shaking and he felt her tears on his hands. He raised her hands to his lips and kissed them. He tried to look into her face, but she kept her face turned away.*

“**Look at him, Bob,**” said Sarah. “**Look at him. He’s just like you.**”
Bob beamed, then chuckled.

“Hair’s a bit darker, though!”

“Yes but it looks as is it’ll lie the same way once it’s dried off. **And look at the shape of his body**; how long and lean he is. Just like you. And his little face: that frown line above the bridge of his nose. That’s yours, too.”

He squeezed her shoulder.

“Sarah, love. He’s like all new-born babies. He’s got a face like a well-skelped arse, and he will have until he opens his eyes properly. Talking of arses, when the doc held him up there, something looked familiar. That’s one thing of yours he’s got, at least.”

“Bob!”

“Come on, girl. That’s a compliment. You’ve got the nicest arse in Edindburgh!”

“Hmm. Wonder if you’ll still say that when you see the effect carrying young Jazz has on it?”

“Course I will. **Anything on you is the best by me. You’re a wonder**, Doctor — **sorry, Professor — and you’ve just proved it again**” [124, p. 3].

Данная речевая ситуация ярко демонстрирует стереотип языкового поведения родителей в первые минуты после рождения ребенка. Воодушевленное состояние матери выражается в ее восхищении ребенком: *Look at him, Bob; Look at him*. Она восторженно перечисляет достоинства ребенка: *He’s just like you; Look at the shape of his body; how long and lean he is. Just like you. And his little face; that frown line above the bridge of his nose. That’s your’s, too*. Повтор однотипных конструкций подчеркивает эмоциональное состояние Сары и придает ее речи особую выразительность. Муж со свойственной мужчинам сдержанностью пытается «остудить» восторги жены, заверяя ее, что ребенок такой же, как все новорожденные дети, и употребляет при этом грубую табуированную сленговую лексику *arse* (эпуб.: ягодицы) [104]: *He’s like all new-born babies. He’s got a face like a well-skelped arse...; That’s one thing of yours he’s got, at least*. На возмущение жены он отвечает, что хотел сказать ей комплимент: *Come on, girl. That’s a compliment*, и продолжает свой комплимент, структурно оформленный в виде модели построения: «местоимение + глагол + словосочетание

с существительным в ядре» (*You've got the nicest arse*), нарочито гиперболизированно: *Anything on you is the best by me. You are a wonder*, после чего, желая сгладить ситуацию, демонстрирует свое уважение к жене, обращаясь к ней согласно ее профессиональному статусу: *Doctor — sorry, Professor*.

Комплиментарное обращение *Saint Sarah* [125, p. 17] взято из произведения британской писательницы С. Кинселлы “*My Not So Perfect Life*” («Моя [не]идеальная жизнь»). Оно представляется весьма эмоциональным вследствие наличия богатого импликационала, который в результате использования аллюзии в процессе комплиментирования переводит признак из периферии информационного потенциала ядра значения в центр путем создания ассоциативного поля с положительным женским образом. Имя героини Сара этимологически возводится к значению ‘принцесса’ (*Sarah is the only woman in the Bible whose name was changed by God. She was first called Sarai — meaning “my princess” — but God changed her name to Sarah — signifying “princess” to all*), что усиливает положительную коннотацию в сочетании с прилагательным *Saint*, которое отсылает к библейскому образу святой.

Следующий комплимент реализован в неофициальной ситуации общения:

— Well, hello, **Carmen Miranda**, Will said, when I met them at the bar. **Don't you look glamorous?**

I was about to make some sarcastic reply, and then I realized he was looking at me with genuine pleasure.

— Thank you, I said [131, p. 741].

Комплимент адресован женщиной (*агенс*) женщине (*пациенс*) и отличается особой выразительностью, так как содержит оценку экстравагантного образа посредством сравнения героини с бразильской и американской певицей и актрисой Кармен Мирандой. Кроме того, комплимент оформлен в виде вопроса, хотя при этом представляет собой утверждение

(*Don't you look glamorous?*) с экспрессивным прилагательным *glamorous*, оценивающим внешность героини, в значении *гламурный*. Героиня вербально принимает комплимент, выражая благодарность адресанту (*Thank you*).

— ...and she was so damn nice this morning. Isn't that the damndest thing? She was so damn nice this morning... [131, p. 196].

Данный похвальный комплимент американского жителя провинции отличается своим эмоциональным зарядом. Особый эмоциональный колорит придает комплименту повтор в составе *диктума* клишированной фразы (*she was so damn nice... she was so damn nice*) с наречием *damn* ('чертовски'), грубого, с ярко выраженной отрицательной коннотацией, в сочетании с интенсификатором *so* и частотным экспрессивным прилагательным *nice* в оксюмороне *she was so damn nice*, а также употребление деривата *damndest* — превосходной степени прилагательного *damned* (*cursed, rotten*) — в риторическом вопросе *Isn't that the damndest thing?*

В собранном нами материале мы обнаружили, что подавляющее большинство всех разновидностей комплиментов приходится на выражение похвалы. Вместе с тем было зафиксировано существенное разнообразие значений комплиментов в зависимости от степени содержащейся в них похвалы — от высокой до нейтральной. Различия легко выявляются из контекста и связаны с наличием в комплиментах языковых сигналов оценки. Этим обеспечивается вариативность комплиментарных высказываний. Похвала имеет эмоциональный характер, экспрессию ей придают интенсификаторы, использование экспрессивных прилагательных, лексем, выражающих восторг, восклицательных предложений, обращений и отрицаний. Что же касается примеров с нейтральной и умеренной похвалой, то для англоязычной культуры больше характерна умеренная похвала. В англоязычной культуре 5% исследуемых примеров содержат нейтральную похвалу, 18% — умеренную и 43% — высокую.

Изучим похвальные комплименты, направленные на выражение *благодарности*. Они нацелены на вербализацию чувства признательности за доброе отношение, внимание, помощь или поддержку. Такие высказывания обладают ритуальным характером, так как являются составной частью этикета, направлены на достижение успеха в коммуникации посредством выражения высокой оценки действий пациента. Следуя этикету, любое положительное действие, совершенное во благо пациента, может предусматривать благодарность с его стороны.

Рассмотрим комплимент-благодарность:

“I will go to the Balmoral Court at once and then come back and tell you all about things.”

“Thank you, Mary dear, you are always so practical and understanding.”

“Please try and rest now. A shock of this kind is so bad for you” [114, p. 96].

Комплимент с прагматическим намерением благодарности построен согласно модели «личное местоимение + глагол + прилагательное». Данная структурная модель соответствует фреймовой модели «Комплимент-похвала», так как комплимент-благодарность относится к категории похвальных комплиментов. Процесс концептуального проецирования слотов фрейма комплимента на структурную модель выглядит таким образом: адресант комплимента соотносится со слотом *агенса*, адресат (Мэри) — с *пациентом*, содержание комплимента-благодарности — с *диктумом*. В рамках диктума использован вокатив *dear*, придающий комплименту убедительность. *Причина* комплимента соотносится с клишированной формулой благодарности за проявление искренней заботы и внимания, что послужило комплиментарному *действию* в виде признательности за услугу и вызвало *эффект* в виде уклонения, что несколько снижает иллокутивную силу комплимента.

“Good-afternoon, Dr. Lazenby. This is Mr. Royde. We came around with a message from Lady Tressilian to know if there is anything we can do.”

“**That’s very kind of you, Miss Aldin**” [114, p. 97].

Комплимент с прагматическим намерением благодарности построен согласно модели «указательное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + предлог + личное местоимение». Данная структурная модель соответствует фреймовой модели «Комплимент-похвала». *Причина* комплимента — клишированная формула благодарности за желание оказать помощь, которая послужила комплиментарному *действию* в виде признательности за услугу.

“**I just wanted to thank you,**” she said, quickly, “**for coming.**” Her voice was rough from weeping and Cass could not see her face behind the veil. “**You don’t know what it means to me — to us.**”

Cass pressed Ida’s hand, not knowing what to say. Vivaldo said, “Ida, anything we can do — anything I can do — anything —!”

“**You’ve done wonders. You been wonderful. I’ll never forget it**” [109, p. 15].

Комплимент с прагматическим намерением благодарности построен согласно моделям «личное местоимение + глагол с наречием + инфинитив с местоимением + предлог с герундием», «отрицательное предложение», «личное местоимение + глагол + существительное», «личное местоимение + глагол + прилагательное», «личное местоимение + глагол с наречием + местоимение». Данные структурные модели соответствуют фреймовой модели «Комплимент-похвала». В рамках *диктума* содержится интенсификатор *just*. *Пациент* отвечает комплиментом на комплимент, более того, *агента* продолжает беседу, делая второй комплимент, который является развитием и пояснением первого с использованием экспрессивного прилагательного *wonderful* в *диктуме*. *Причина* комплимента — клишированная формула благодарности, которая послужила ком-

плиментарному *действию* в виде признательности и вызвала *эффект* в виде ответного комплимента, что усиливает иллюктивную силу комплиментарного речевого акта.

Комплимент с иллюкуцией благодарности за уроки езды — *And thanks for the riding lesson* [140, p. 92], — *причиной* которого стало налаживание контакта с *пауценсом*, построен по модели «глагол + словосочетание с существительным в ядре». Этот комплимент вызывает *реакцию* в виде ответного комплимента: *You're a natural. You should consider getting your own bike* [140, p. 92], направленную на усиление комплиментарного *эффекта*. Н. Спарк опускает существительное в комплименте, заключая его в усеченную конструкцию «личное местоимение + глагол + неопределенный артикль с прилагательным» и позволяя читателю в русле постмодернистской литературы самостоятельно интерпретировать заложенный смысл.

Комплимент-благодарность имеет ритуальный характер, он направлен на поддержание коммуникации в англоязычной культуре. Данный вид комплимента представлен клишированными фразами. В англоязычной культуре такой вид комплиментарного акта был выявлен в 10% примеров от всего объема нашей выборки англоязычных комплиментов.

Комплиментарные высказывания, выражающие *уважение*, являются актами признания достоинств личности. Данные комплименты также относятся к категории похвальных комплиментов.

Рассмотрим следующий комплимент, выражающий уважение:

“It’s the greatest lick just seeing you here this evening, M. Poirot...”

She broke off to say “Second Floor” to the lift-boy.

“If I can be of aid to you” began Poirot.

“I’m sure you can. I’ve heard you’re just the most marvelous man that ever existed... M. Poirot, somehow or other I’ve just got to get rid of my husband!”

“But Madame,” he said, his eyes twinkling. “Getting rid of husbands is not my specialty” [113, p. 14].

Комплиментарное высказывание с прагматическим намерением уважения построено согласно модели «личное местоимение + глагол с наречием + превосходная степень сравнения прилагательного + существительное + относительное местоимение + наречие + глагол». Структурная модель комплимента-уважения, относящегося к категории похвальных комплиментов, соответствует фреймовой модели «Комплимент-похвала». Проецирование слотов фрейма на структурную модель проходит следующим образом: адресант комплимента соотносится со слотом *агенса*, адресат — с *пациентом*, содержание комплимента-уважения — с *диктумом*. В рамках диктума содержится гиперболизация (*the most marvelous man that ever existed*), что позволяет охарактеризовать комплимент как крайне эмоциональный. *Причиной* комплимента является желание героини выразить чувство уверенности в том, что детектив справится с делом: *I'm sure you can*. Это приводит к комплиментарному *действию* в виде проявления уважения профессиональным качествам детектива и вызывает *эффект* в виде уклонения, что снижает иллюкутивную силу комплимента.

“I believe you're prouder of your family than of looking like a Greek god,” she told him fondly.

“Anyone can be good-looking,” he answered, with his sweet smile, “but not everyone can belong to a decent family. To tell you the truth I'm glad my governor's a gentleman.”

Julia took her courage in both hands” [127, p. 3].

Данный комплимент с прагматическим намерением уважения построен согласно модели со сравнительной конструкцией в ядре. *Причиной* для комплимента послужило желание *агенса* поддержать *пациенса*, что привело к комплиментарному *действию* в виде выражения уважения через чувство гордости актрисы за мужа (...*you're prouder of*) и было направлено на следующий желаемый *эффект*: *пациент* продолжает развивать тему *агенса*: *decent family... I'm glad my governor's gentleman*.

“Seven curtain calls. I thought the public were going on all night.”

“Well, you’ve only got to blame yourself, darling. **There’s no one in the world who could have given the performance you gave tonight.**”

“To tell you the truth I was enjoying myself. Christ, I’m hungry. What have we got for supper?” [127, p. 11].

Комплимент с прагматическим намерением уважения построен согласно модели отрицательного предложения. В рамках *диктума* комплимента использована гиперболизация актерских способностей *паиенса* (*no one in the world who could have given the performance you gave*), что позволяет охарактеризовать комплимент как имеющий повышенную степень эмоциональности. *Причиной* для комплимента послужило признание превосходства актрисы перед другими, что привело к комплиментарному *действию* в виде выражения восхищения ее талантом и вызвало *эффект* в виде положительной реакции *паиенса*. Актриса (*паиенс*) принимает и, более того, подтверждает комплимент: *To tell you the truth I was enjoying myself*.

“**There’s some good stuff in that funny-shaped head of yours.**”

Poirot acknowledged the compliment somewhat coldly [113, p. 107].

Комплимент с прагматическим намерением уважения построен согласно модели выражения комплимента третьему лицу. Комплимент имеет фамильярный характер благодаря использованию существительного *stuff* — ‘(informal, sometimes disapproving) used to refer to a substance, material, group of objects, etc. when you do not know the name, when the name is not important or when it is obvious what you are talking about’ [104] в *диктуме* и прилагательного *funny-shaped*, первая часть которого имеет значение ‘that makes you laugh’ [104], из-за чего, как замечает автор, *паиенс* относится к комплименту холодно. *Причиной* комплимента стало признание достоинств слушающего (выражение уважения детективу за проведенное рассле-

дование), а форма выражения комплимента, возможно, связана с тем, что эти достоинства были невыгодны говорящему и вызывали лишь зависть. В данном случае реакция Пуаро (*пациенса*) на комплимент представлена автором невербально. Комментарии автора свидетельствуют о том, что Пуаро принимает комплимент, а значит, *цель* была достигнута.

“No, come on, now, what are we really celebrating? Or maybe I should say what are Richard and Cass celebrating?”

“Richard’s novel. It’s published. It’ll be in all the bookstores Monday.”

“Oh, Vivaldo,” she said, “**that’s wonderful. He must feel wonderful. A real, honest-to-God published writer**” [109, p. 53].

Комплимент с прагматическим намерением уважения построен согласно модели «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное». Адресант комплимента соотносится со слотом *агенса*, адресат (писатель) — с *пациентом*, содержание комплимента-уважения — с *диктумом*. В рамках диктума использован повтор экспрессивного прилагательного *wonderful* и яркий авторский эпитет *honest-to-God* в значении ‘беззаветный’, что позволяет охарактеризовать комплимент как крайне эмоциональный. *Причиной* послужила публикация пациентом книги, что привело к комплиментарному *действию* в виде выражения уважения и признания достоинств товарища и было направлено на достижение *эффекта* — положительной реакции пациенса.

Также комплимент-уважение может коррелировать с поздравлением, которое является достаточно «ритуальным» и предполагает невысказанное уважение или восхищение по отношению к реципиенту. Поздравление выражает положительные чувства (симпатию) и направлено на получение положительной реакции. Цель комплимента-уважения, высказанного в ситуации поздравления, состоит в сохранении комфортной атмосферы, выражении личных или групповых эмоций:

“Dear Mick, How are yer? **Congrats** on the big hit! Great that we’re making a few bob at last” [100].

Зачастую выражение уважения может быть сопутствующим в так называемых формальных извинениях — этикетных извинениях, вводящих, например, вопрос или просьбу. В процессе извинения социальные роли кратковременно изменяются и участник, реализующий извинение, обычно принимает более низкую позицию, что характерно для уважения:

“**Excuse me, sir**, but could you tell me one thing?” I asked. “Are you a woodcarver or are you a butcher?” [100].

В большинстве случаев комплименты, выражающие уважение, реализуются в асимметричной ситуации общения, когда партнеры по общению не равны по социальному статусу. Изучим примеры, демонстрирующие данный тип комплиментов.

Как правило, условием успешности комплимента-уважения является соблюдение участниками дискурса правил этикета и приличия. Другой немаловажный критерий — личностные качества «вышестоящего». Такая форма речевого акта уважения может проявляться посредством, например, уважительных форм обращения:

“**Mrs. Bidwell, the cleaner**, should have been with them twenty minutes ago. Perhaps she had caught Scobie’s influenza” [100].

Также комплимент-уважение может быть выражен посредством императива. Однако такой формат более подходит под описание «требование уважения»:

“Attention — leaders initially pay attention and give time to **subordinates**” [100].

Наиболее типичная форма комплимента-уважения реализует дихотомию «подчиненный — вышестоящий». Комплимент-уважение в таком случае исходит от нижестоящего по социальному статусу в эксплицитованном виде, посредством использования форм уважительного обращения:

“Only a dame school it was — nothing so grand as the Academy for Young Ladies Miss Hannah More keeps in Wark Street now — but **our teacher, Mrs. Ellis, was a great reader and always encouraged us** children to have regular reading times. She wrote poetry too” [100].

Комплименты, выражающие уважение, имеют своей основной интенцией выделение достоинств личности. Данный вид комплиментарного высказывания характерен для представителей англоязычной культуры и встречается в 4% исследуемых англоязычных примеров из нашей выборки.

Таким образом, для комплиментов с прагматическими намерениями похвалы, благодарности и уважения характерен процесс построения согласно моделям «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», «личное местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой», «личное местоимение + глагол + прилагательное» [31, с. 30—41].

3.3.2. Вербальная репрезентация комплимента с коммуникативной установкой на лесть

При описании комплиментов, выражающих лесть, основная сложность заключается в определении лести как незаслуженной похвалы. Как указывалось выше, лесть предполагает «неискреннее высказывание, лицемерное, угодливое восхваление» [92]. По своим интенциональным характеристикам эта разновидность речевого акта отличается от похвалы тем, что говорящий пытается расположить к себе собеседника, преследуя корыстные интересы.

Обратимся к комплинтам, выражающим *лесть*.

Наиболее продуктивной структурной моделью построения комплимента-лести является структура «**личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное**»:

“I think you’ll make a marvellous mother.”

But I knew I was saying those words because they were required, not because I thought she would.

“Yes,” Cara said, and then immediately, “No” [123, p. 97].

Комплимент, выражающий лесть, построен по модели «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное». В данном случае *агентом* лести, не соответствующей реальности, выступает адресант комплимента (Фрэнсис) — *манипулятор*. Использование прилагательного *marvellous* в рамках *диктума* придает комплименту-лести бóльшую экспрессию и усиливает льстивый *эффект*. Желание расположить к себе *пациенса* — *жертву* манипулятивного воздействия (адресата Кара) привело к льстивому комплиментарному *действию*. Об этом свидетельствует авторская ремарка, раскрывающая мысли главной героини о том, что она лишь из вежливости прокомментировала *пациенса* (*But I knew I was saying those words because they were required, not because I thought she would*). Как *результат*, Кара сначала принимает комплимент, соглашаясь с ним, но затем возражает Фрэнсис, озная неискренность ею сказанного.

Менее продуктивной структурной моделью построения комплимента со значением лести является усеченная структура «**наречие + прилагательное + существительное**».

“A singularly good-looking man. Il vous ressemble un peu,”
he bowed in a complimentary fashion.

“Of course! I realized now why the butler’s face had struck me as being faintly familiar when I first saw it.”

“You flatter me,” said Bryan Martin with a laugh [113, p. 115].

Комплимент, выражающий лесть, употреблен с целью манипулятивного воздействия. Он построен по модели «наречие + прилагательное + существительное». Представленная структурная модель соотносится с фреймовыми моделями «Комплимент-лесть» и «Манипуляция». Процесс концептуального

проецирования слотов фреймов «Комплимент-лесть» и «Манипуляция» на структурную модель происходит следующим образом: адресант комплимента, *манипулятор*, соотносится со слотом *агенса*, адресат (Брайан), *жертва*, представлен слотом *пациенса*, содержание комплимента-лести — *диктум*. Употребление наречия *singularly* в значении ‘very much, particularly’ [104] в рамках диктума является явным преувеличением. Льстивый *эффект* интенсифицируется высказыванием на французском языке: *Il vous ressemble un peu* («Он чем-то на Вас похож» или «Он чем-то Вас напоминает»). Желание втереться в доверие к пациенту привело к льстивому комплиментарному *действию*. Неискренний характер комплимента не остался незамеченным Брайаном (*пациентом*), что, как *результат*, прослеживается в его вербальной реакции *You flatter me* и в невербальной реакции в виде смеха.

Для комплиментов с иллюкутивной силой лести также весьма характерна повышенная эмоциональность, достигаемая за счет употребления различных средств художественной выразительности. Агенса, прибегая к использованию таких средств, старается придать комплиментарным речам большую убедительность и достичь желаемых целей.

Рассмотрим следующий пример комплимента льстивого характера:

- ...I think **you're a genius**.
- It's sweet of you to say so.
- ...**You've got everything. You're the right height, you've got a good figure, you've got an indiarubber face.**
- Flattering, aren't you?
- **That's just what I am. That's the face an actress wants. The face that can look anything, even beautiful, the face that can show every thought that passes through the mind. That's the face Duse's got...**
- It's such a rotten part...
- Actors are rotten, not parts. **You've got a wonderful voice, the voice that can wring an audience's heart...**
- What d'you mean by that?

— ...**That couldn't have been taught, you must have that by nature. That's the far, far better way...**

— That's all I can get [127, p. 2].

Первый из многочисленных в этом примере лестных комплиментов построен согласно модели «личное местоимение + глагол + существительное». Инициатором комплимента выступает его адресант — *манипулятор*, соотносящийся с *агентом*, тогда как адресат комплимента — *пациент* и *жертва* манипуляции. Многочисленные витиеватые комплименты формируют *диктум* и содержат параллельные конструкции с фразами *you've got* и *that's*, повторы-анафору со словом *face* и повторы-анадиплосис со словами *voice* и *far*, имеющие своей целью подчеркнуть качества личности и придающие комплименту выразительность, что усиливает льстивый *эффект*. Желание извлечь выгоду из общения с *агентом* (получить роль в театральной постановке) привело к льстивому комплиментарному *действию*. Льстивые комплименты в *результате* первоначально были восприняты как похвала: *It's sweet of you to say so*, но по мере увеличения их потока у пациента возникли подозрения, что это лесть, о чем свидетельствует вербальная реакция: *Flattering, aren't you?*

“Oh, no, you don't either. I can tell. But **I like you just the same. I like your eyes. You're not like those other fellows. You're more refined, kinda. I can tell.** You don't look like them.”

“Oh, I don't know,” replied Clyde, very much pleased and flattered, his forehead wrinkling and clearing as before” [116, p. 65].

Комплименты, выражающие лесть, на вербальном уровне реализуются в структурных моделях «личное местоимение + местоимение / существительное / фраза с существительным в ядре», «отрицательное предложение», «предложение со сравнительной степенью сравнения прилагательного». В данном случае *агентом* выступает *адресант* комплимента — *манипулятор*. Желание расположить к себе *пациента* — *жертву* ма-

нипулятивного воздействия привело к льстивому комплиментарному *действию*. Героиня, делая комплимент, выделяет молодого человека из толпы, слишком преувеличивая его достоинства, что позволяет ему чувствовать себя польщенным (*be/feel flattered* — ‘to be pleased because somebody has made you feel important or special’ [104]). Хотя вербальная реакция пациента выражает неуверенное несогласие со сказанным, что подтверждается комментарием автора по поводу одновременной невербальной реакции (*his forehead wrinkling and clearing as before*), свидетельствующей о попытке героя лучше понять комплимент, льстивый *эффект* был все же достигнут.

“As though I’d be likely to forget you. The only reason I’m here to-night is because I thought I might see you again. **I haven’t thought of any one or anything else since I saw you last.**”

“My, but you can say the nicest things in the nicest way when you want to.” She was toying with a large Spanish comb in her hair for the moment and smiling. “And you say them just as though you meant them” [116, p. 344].

Комплимент, выражающий лесть, построен по модели сложного предложения с перфектностью и наречием *since*. В данном случае *агентом* комплимента выступает адресант комплимента — *манипулятор*. Использование гиперболизированного признания в чувствах в рамках *диктума* придает комплименту-лести большую экспрессию и усиливает льстивый *эффект*. Желание расположить к себе *пациенса* — *жертву* манипулятивного воздействия привело к льстивому комплиментарному *действию*. Комплимент был воспринят как лесть, что следует из слов героини: *My, but you can say the nicest things in the nicest way when you want to. <...> And you say them just as though you meant them*. Герой старается войти в доверие к девушке, прибегая к явно завышенной оценке. Автор описывает своего героя как расчетливого человека без моральных ценностей, стремящегося закрепиться в светском обществе за счет богатой молодой девушки.

“That’s good!” says Rosa. “I didn’t realize you were so into the country, Demeter.”

“The name Demeter actually means ‘goddess of the harvest,’ ” Demeter replies, looking smug. “There’s a very rural, down-to-earth side to me. I mean, I always shop in farmers’ markets when I can.”

“Oh, I love farmers’ markets,” chimes in Flora. “Like those eggs you get in straw? So cute.”

“Exactly! Straw.” Demeter nods and writes down straw.

“OK, I can see this now,” says Mark, nodding and scribbling on his design pad. “All-natural. This yogurt isn’t mass-produced, it’s crafted.”

“Exactly. Crafted. Very good.” Demeter scribbles crafted on the board.

“So...” He pauses. “A wooden yogurt pot, maybe?”

“Oh my God!” exclaims Flora. “That is *genius*. Wooden yogurt pots! You could collect them and like... put stuff in them! Like pencils, makeup...” [125, p. 47].

В начале примера героиня комплиментирует себя сама, сравнивая свое имя с именем богини и давая этимологическую справку о нем. Данный пример, таким образом, иллюстрирует ситуацию, в которой отправитель сообщения является *агентом* и *пауценсом* одновременно. Далее героиню комплиментирует ее подчиненная, называя ее идею гениальной. При этом лексема *genius* выделена в тексте курсивом. Возможно, автор хотела обратить особое внимание на неискренность девушки, выражающей комплимент с интенцией лести по отношению к своей начальнице.

“Skeeter, **those poplin pants are just the cutest thing**, why haven’t I seen those before? Carroll Ringer says a few chairs away and I look up at her and smile, thinking Because I wouldn’t dare wear old clothes to a meeting and neither would you” [143, p. 207].

Комплимент относительно предмета гардероба (*those poplin pants are just the cutest thing*) имеет льстивый характер, о чем говорит внутренняя речь героини, выделенная автором графически (*Because I wouldn’t dare wear old clothes to a mee-*

ting and neither would you), в рамках которой она замечает, что не осмелилась бы надеть старую одежду на встречу. Данное комплиментарное высказывание несет определенную эмоциональную нагрузку за счет употребления в *диктуме* частотного в американском комплименте экспрессивного прилагательного *cute* в превосходной степени (*the cutest*) совместно с интенсификатором *just*.

Дополнительную характеристику принадлежности коммуниканта к американской лингвокультуре придает использование в речи лексемы *pants* в значении 'брюки' в американском варианте английского языка. В британском варианте английского языка ей соответствует эквивалент *trousers*, а лексема *pants* имеет значение 'труссы'.

Рассмотренные примеры позволяют выделить разные интенции комплиментов со значением лести: лесть может варьироваться от преувеличенной оценки до лицемерия и подхалимства.

Корпус проанализированных примеров в сопоставляемых культурах свидетельствует о том, что в комплиментах рассматриваемого типа всегда есть притворство, лицемерие, заискивание. Их говорят для того, чтобы получить что-нибудь для себя или укрепить свои позиции в глазах собеседника. Льстивые комплименты «прагматически ориентированы на преследование корыстных целей, на достижение определенного эффекта, на то, чтобы вызвать определенную реакцию со стороны адресата. Лесть, как оказалось, может варьироваться от искренней, но преувеличенной оценки, до лицемерия, подхалимства и угодничества» [41, с. 139]. В частности, С.И. Ожегов определяет комплимент как лестные слова, содержащие похвалу [92]. В англоязычной культуре число комплиментов, выражающих лесть, составляет 20%. Несмотря на то что лесть как неискреннее восхваление кого-либо с целью добиться его благосклонности больше характерна для восточной культуры, эта черта давно вошла и в русский характер. Вспомним слова великого русского баснописца И.А. Крылова: «...лесть гнусна, вредна, но только все не впрок...» [97, с. 1].

Таким образом, для комплиментов с прагматическим намерением лести характерен процесс проецирования слотов фреймов «Комплимент-лесть» и «Манипуляция» в структурную модель построения комплиментов «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», усеченные структурные модели «наречие + прилагательное + существительное», «наречие + прилагательное», «личное местоимение + глагол + существительное».

Анализ концептуального содержания слота *эффект* показал, что эксплицитное выражение *диктума* может носить амбивалентный характер, то есть иметь положительный *эффект* в случае, если слот *диктум* заполнен комплиментами с прагматическими намерениями похвалы / благодарности / уважения, и отрицательный *эффект*, если слот *диктум* заполнен комплиментами с прагматическим намерением лести, что вызывает реакцию в виде уклонения или неприятия. Из этого следует, что «две основные категории комплиментов (комплимент-похвала и комплимент-лесть) принадлежат к полярным областям концептуального континуума. Комплимент-лесть способен вызывать двойственные чувства у *пациенса*: положительную реакцию принятия, если *пациенс* поддается манипулятивному воздействию, и отрицательную реакцию, если *пациенс* распознает неискренние намерения *агенса*» [30, с. 38].

ЛЕСТЬ в когнитивном аспекте функционирует как концепт. Для лучшего понимания концептуальных признаков, которыми обладает лесть, обратимся к дефинициям в русских и английских словарях.

В толковом словаре Ожегова представлено следующее определение лести: «ЛЕСТЬ, -и, жен. Лицемерие, угодливое восхваление. *Тонкая л.*» [92]. Основными концептуальными признаками являются угодливое и лицемерное восхваление, корысть.

Толковый словарь Ушакова дает следующую дефиницию: «ЛЕСТЬ, лести, мн. нет, жен. Угодливое восхваление, лицемер-

ное восхищение кем-чем-нибудь, внушаемое корыстными побуждениями» [97]. В этом определении основным концептуальным признаком является угодливое и лицемерное восхваление, внушаемое корыстными побуждениями.

В толковом словаре Ефремовой лексема имеет следующее значение: «Лесть ж. Угодливое восхваление кого-либо или чего-либо, лицемерное восхищение кем-либо или чем-либо» [89]. В качестве основных концептуальных признаков лексикограф выделяет угодливое восхваление и лицемерное восхищение.

Большой толковый словарь русского языка дает такую дефиницию: «ЛЕСТЬ -и; ж. Преувеличенное, угодливое восхваление кого-л., чьих-л. качеств или действий» [87]. Основными концептуальными признаками выступают желание угодить и преувеличение.

Рассмотрев дефиниции слова «лесть» в русских словарях и определив их основные концептуальные признаки, проанализируем определения лести в английских словарях.

В словаре Collins дается несколько определений слова *лесть*:

Flatter — verb 1. To praise insincerely, esp in order to win favour or reward. 2. To show to advantage. 3. To make to appear more attractive, etc, than in reality. 4. To play upon or gratify the vanity of (a person). 5. To beguile with hope; encourage, esp falsely. 6. To congratulate or deceive (oneself). — *Льстить* — глагол. 1. Хвалить неискренне, особенно с целью заполучить расположение или награду. 2. Демонстрировать превосходство. 3. Казаться более привлекательным и т. д., чем на самом деле. 4. Играть на тщеславии (человека) или тешить его. 5. Обольщать надеждой; ободрять, особенно ложно. 6. Поздравлять или обманывать (себя) [102].

Данный словарь выделяет несколько концептуальных признаков — неискренняя похвала, демонстрация превосходства, ложное ободрение, обман.

Кембриджский словарь дает определение лести, в котором в качестве концептуального признака выделяется неискренняя похвала:

Flatter (verb) — to praise someone in order to make them feel attractive or important, sometimes in a way that is not sincere. — Лстить (глагол) — хвалить кого-либо, чтобы адресат почувствовал себя привлекательным или важным, иногда неискренним образом [101].

В Оксфордском словаре главным концептуальным признаком лести определяется неискренность высказывания:

Flatter (verb) — flatter somebody to say nice things about somebody, often in a way that is not sincere, because you want them to do something for you or you want to please them. — Лстить (глагол) — лстить кому-либо, говорить о ком-то приятные вещи, часто неискренне, потому что вы хотите, чтобы они что-то сделали для вас, или вы хотите доставить им удовольствие [104].

Словарь Уэбстера определяет лесть следующим образом:

Flatter (verb) — to praise excessively especially from motives of self-interest. — Лстить (глагол) — чрезмерно хвалить, особенно из корыстных побуждений [108].

Как основной концептуальный признак выделяется чрезмерная корыстная похвала.

Таким образом, дефиниционный анализ позволил нам выявить основные концептуальные признаки ЛЕСТИ, к которым относятся угодливое / лицемерное / неискреннее восхваление; демонстрация превосходства; ложное ободрение; обман с корыстными целями.

Рассмотрим фреймы концептуальных признаков лести по отношению к макрофрейму «Manipulate into doing something» / «Манипулировать, побуждая к действию».

Фрейм «Лесть» входит в макрофрейм «Manipulate into doing something» / «Манипулировать, побуждая к действию» и состоит из следующих ядерных слотов: *предмет, агенс, действие, пациент*. Также присутствуют периферийные слоты: *способ, время, инструмент, цель, степень, место, средства* [103].

Фрейм «Превосходство», являющийся концептуальным признаком лести, входит в макрофрейм «Subordinates and superiors» / «Нижестоящие и вышестоящие» и состоит из двух ядерных слотов: *подчиненный (пациент)* и *превосходящий (агенс)* [103].

Фрейм «Обман» входит в макрофрейм «Deception scenario» / «Сценарий обмана», состоит из следующих ядерных слотов: *обманщик (агенс), тема и жертва (пациент)* [103].

Лесть часто ассоциируется с положительными эмоциональными реакциями со стороны получателя. Однако за напускной похвалой и вежливостью могут прятаться корыстные намерения и скрытые мотивы. В рамках прагмалингвистического анализа мы рассмотрим каждый из концептуальных признаков лести, выявленных в ходе анализа дефиниций слова «лесть» в русских и английских словарях. Данный анализ позволит углубиться в механизмы лести и выявить, за счет чего происходит успешное манипулятивное воздействие.

Прагмалингвистический анализ льстивых высказываний с концептуальным признаком «похвала» с корыстными намерениями.

“This is a nice stew, Rose.”

“Don’t be a flatterer, Ray. Nothing but the truth from you from now on” [100].

Во время обеда в семье Янг агенс, которым является Рэймонд, льстиво высказывается о рагу, приготовленном Роуз (*пациентом*), с целью привлечь ее внимание, польстив ее кулинарным способностям. На данное льстивое высказывание пациент реагирует негативно, замечая манипулятивное воздействие и интерпретируя комплимент как лесть («Не будь льстецом, Рэй. Отныне жду от тебя только правду»).

Следующий пример демонстрирует, как *агенса* использует льстивый комплимент с целью воздействия на *пациенса* манипулятивным образом:

“As gorgeous as you.”

“Flatterer!”

“I’m told that flattery will get me everywhere” [100].

Комплимент агенса направлен на внешность пациента, описывая его как *gorgeous* (‘великолепный’), что может повлиять на его самооценку положительным образом, а также вызвать положительные эмоции. Однако пациент замечает манипулятивное воздействие, называя агенса *flatterer* (‘льстецом’), что может звучать как шутка, но в то же время подчеркивает сам акт ложной похвалы и манипуляции. Агенса оправдывается, защищая свой льстивый комплимент аргументом, что, как известно, лесть помогает в достижении целей. Это еще раз подтверждает его намерение использовать лесть как манипуляцию для достижения собственных корыстных целей. Таким образом, воздействие осуществляется за счет применения льстивого комплимента как инструмента для манипулирования и получения желаемого результата.

Прагматический анализ льстивых высказываний с концептуальным признаком «ложное / корыстное ободрение».

“Thank you for all your kindness. Heaven reward you for the good you have done me” [100].

Приведенный пример иллюстрирует ситуацию, в которой *агенса* выражает благодарность *пациенту* за его доброту и призывает небеса вознаградить его за сделанное благо. На первый взгляд это выглядит как искренняя благодарность пациенту и добрые пожелания в его адрес. Однако в данной ситуации присутствует скрытый мотив, который проявляется через использование ложного ободрения для манипуляции пациентом

и достижения агенсом своих корыстных целей. Агнс, выражая благодарность, пытается скрыть истинные мотивы словами с положительной эмоциональной окраской, чтобы вызвать у пациента чувство благодарности и создать положительное впечатление о себе.

Таким образом, манипулятивное воздействие осуществляется за счет сокрытия корыстных мотивов под видом дружеской любви и доброты.

“Dear Pamela, you are handsomer every hour than other! Why are you so sweetly pretty, my dear?”

“Your humble servant cannot believe all this fine speech” [132].

В приведенном выше примере из эпистолярного романа С. Ричардсона *агнс* (мистер Б.) пишет *пациенту* (Памеле) письмо, в котором лестно о ней отзывается: «Дорогая Памела, ты с каждым часом становишься красивее других! Почему ты такая милая, моя дорогая?» Этим высказыванием он преследует *цель* выразить любовь и восхищение Памелой, а также убедить ее согласиться выйти за него замуж, то есть фраза является одновременно комплиментом и предложением руки и сердца. Мистер Б. хвалит Памелу за ее красоту и нежность и намекает, что она ему очень дорога. Однако Памела чувствует манипулятивное воздействие и распознает лестную фразу как корыстное ободрение, направленное на то, чтобы поднять ее настроение, тем самым повлияв на ее решение: «Ваша покорная слуга не может поверить во все эти прекрасные речи».

Прагмалингвистический анализ льстивых высказываний с концептуальным признаком «обман с корыстными намерениями».

“For a moment he was taken aback as he realised she was so sorry for him she was arranging a date... she was a kindly little soul. She seemed a thoughtful person [100].

В представленном примере проиллюстрирована ситуация, в которой осуществляется манипулятивное воздействие с ис-

пользованием комплиментов-лести для сокрытия истинных намерений. *Агенса* представлен заботливой и добродушной девушкой, она описывается как *a kindly little soul* и *a thoughtful person*, что создает у *пациенса* впечатление, будто она сочувствует ему и искренне о нем заботится. Однако, устраивая пациенту свидание, игнорируя его предпочтения и не интересуясь его мнением, она показывает свои истинные намерения. Под лестью и обманом с корыстными намерениями *агенса* скрывает свои истинные цели, чтобы успешнее их добиться.

“What a sweet woman Lady Middleton is!” “Marianne was silent; it was impossible for her to say what she did not feel, however the whole task of telling lies, when politeness required it, always fell. She did her best when thus called on, by speaking of Lady Middleton with more warmth than she felt” [100].

В доме леди Миддлтон *агенса* (Люси Стил) льстиво высказывается о ней перед Марианной (*пациентом*). *Агенса* восхищается леди Миддлтон и ее семьей с *целью* произвести благоприятное впечатление: «Какая милая женщина леди Миддлтон!» Пациент *реагирует* на льстивое высказывание молчанием, так как речь идет о другом человеке, к которому у пациента отсутствуют теплые чувства, но, вероятно, замечает обман с корыстными целями со стороны *агенса* для извлечения собственной выгоды: «Марианна молчала; для нее было невозможно сказать то, чего она не чувствовала, однако задача лгать, когда этого требовала вежливость, всегда ложилась на нее. Она сделала все возможное, когда к ней обратились с таким призывом, говоря о леди Миддлтон с большей теплотой, чем чувствовала на самом деле».

Прагмалингвистический анализ льстивых высказываний с концептуальным признаком «демонстрация превосходства».

She made the first breach in my armour plating of male superiority. “Where have you been ever since?” [100].

В представленном примере продемонстрирована ситуация, в которой *агенса* признает, что *пациенс* вызвала в нем изменение восприятия своей уверенности в себе и своего положения, пробив «первую брешь» в его броне, а также это означает, что *пациенс* произвела на него столь сильное впечатление и смогла пробить его «броню», что *агенса* больше не чувствует себя столь уверенно и мог бы быть подвержен ее манипуляциям. В то же время *агенса* любопытно узнать, где была *пациенс* с тех пор, как произвела на него такое сильное впечатление, это подчеркивает его возможное желание узнать, как *пациенс* собирается использовать эту ситуацию или продолжить воздействовать на него. Таким образом, манипулятивное воздействие осуществляется благодаря изменению восприятия и поведения *агенса* через демонстрацию его уязвимости и изменения его самооценки.

“...while his assistant Jeremy padded along like his superior’s spaniel” [100].

В данном примере начальник (*агенса*) изображен в доминирующей позиции, вся власть находится в его руках, в то время как помощник (*пациенс*) описывается как преданный пес, повсюду следующий за своим начальником. Вероятно, *агенса* использует свою власть и авторитет, чтобы управлять и манипулировать *пациенсом*, подчиняя его себе и заставляя выполнять все свои указания без возражения и сопротивления, чтобы укрепить свой контроль над ситуацией и помощником. Это создает неравный баланс сил, а также позволяет *агенса* манипулировать *пациенсом*, делая его более уязвимым. Таким образом, манипулятивное воздействие осуществляется благодаря демонстрации превосходства начальника над помощником.

“...elder and have a better knowledge of such things,” Anne replied in a superior tone. “Because I am married, you see, mama had my governess” [100].

В приведенном примере *агенса* (Анна) использует тон превосходства для демонстрации своего более высокого положения. Она уверена в том, что ее возраст и глубина знаний делают ее компетентной в обсуждаемом вопросе. Помимо этого, она упоминает свое семейное положение («замужем») как символ социального статуса и образованности, а также как дополнительный аргумент в пользу своей авторитетности, что позволяет ей продемонстрировать свое превосходство и заставить других считаться с ее мнением. Манипулятивное воздействие в этой ситуации осуществляется путем использования героиней тона превосходства, чтобы убедить других в своей правоте или компетентности, и направлено на установление своего авторитета и контроля над ситуацией за счет подчинения других своим утверждениям или мнению.

В английском языковом общении существует такой феномен, как *backhanded compliment*. Словарь Collins определяет *backhanded compliment* как «A backhanded compliment is a remark which seems to be an insult but could also be understood as a compliment» — «Двусмысленный комплимент / Оскорбление — это замечание, которое кажется оскорблением, но также может быть воспринято как комплимент» [102]. Ниже представлены льстивые комплименты в контексте с феноменом *backhanded compliment*. Данный феномен активно используется в англоязычном коммуникативном пространстве.

“We both know you’ve got a brain. Try using it.” Such remarks, though a backhanded compliment in their implied assumption of her intelligence, made her hate him with such an intensity that she could actually feel herself start to tremble and sweat... [100].

Данный пример демонстрирует ситуацию, в которой *агенса* делает льстивый комплимент *пациенсу*, притворяясь, будто признает его интеллект, однако на деле использует такой комплимент для оскорбления и манипуляции. Агенса выражается с иронией, упрекая пациента за недостаточные усилия, что вле-

чет за собой негативную реакцию пациента. Пациент распознает манипулятивное воздействие, которое направлено на подавление его самооценки.

3.3.3. Структурные особенности комплиментарных речевых актов

Мы утверждаем, что комплимент имеет клишированную структуру. Англоязычный комплимент строится согласно следующим моделям:

1) личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное (*You have a lovely face and a beautiful nature...* [128, p. 23]) / прилагательное (прилагательные) + существительное (*a shiny inner wrist* [111]);

2) личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное (*You have a really excellent brain, Mr. Healey* [122, p. 9]);

3) указательное местоимение / притяжательное прилагательное + существительное + глагол + прилагательное (*Your play's brilliant* [127, p. 29]);

4) личное местоимение + глагол + прилагательное (*It's perfect* [130, p. 41]);

5) существительное / личное местоимение + глагол + существительное (*You're a genius* [141, p. 124]);

6) личное местоимение / существительное + глагол + наречие (+ причастие) (*The modelling's very well drawn* [127, p. 458]);

7) личное местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой (*You look like one of those glamorous, heroic women with streaming hair, on French stamps... You're small and pretty, like the doll on top of Christmas tree. When men look at you, they are hooked* [115, p. 12] / *"You're only as old as you feel"* [111]);

8) восклицательная конструкция «вопросительное местоимение *какой* / *какая* с неопределенным артиклем + существительное / именная группа! / Риторический вопрос (*Gorgeous! What a house! Marvelous!* [120, p. 162]) / «вопросительное ме-

стоимение *как* + прилагательное!» (Caroline did laugh. “*How wonderful!*” [119, p. 28]), «вопросительное местоимение *как* + прилагательное + личное местоимение + глагол!» (*How clever you are, Michael!* [127, p. 26]);

9) местоимение + глагол + определитель *такой / такая* с неопределенным артиклем + именная группа (*You are such a sweet husband* [120, p. 123]);

10) личное местоимение + глагол + прилагательное в превосходной степени сравнения (*You're the most marvelous man that ever existed!* [113, p. 14]).

Согласно проанализированным данным, самыми частотными моделями построения комплиментов с интенциями похвалы, благодарности, уважения и лести являются следующие: «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное» (25% от выборки) и «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное» (17% от выборки). Частотная модель «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное» имеет тенденцию к усечению до модели «наречие + прилагательное» в устной неофициальной симметричной ситуации общения. Эти выводы визуально представлены на рисунке 3.

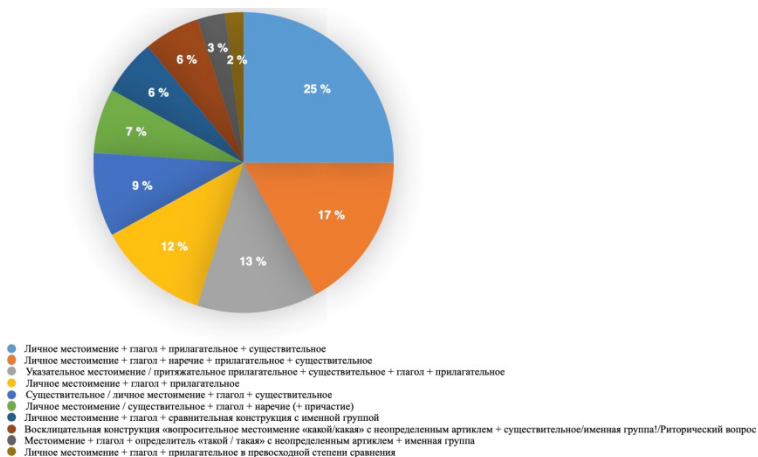

Рис. 3. Структурная частотность речевого акта комплимента

Кроме того, лексема *compliment* употребляется в следующих частотных коллокациях: *to return the compliment* (*Tom Mooney, returned the compliment when Strang was in Scotland last summer* [100]), *to pay somebody a compliment* (*He was paying me a compliment* [100]), *to take something as a compliment* (*I hope that he will take it as a compliment* [100]), *to regard something as a compliment* (*He regards that as a compliment* [100]), *to fish for compliment* (*I fish for compliments* [100]), *to compliment somebody on something* (*I compliment the National Farmers Union on bringing out an adventurous scheme* [100]). Данные клишированные коллокации представляют собой идиомы или устойчивые выражения, которые в результате десемантизации утрачивают прагматические намерения и концептуальные признаки наряду с клишированными интенсификаторами комплимента, среди которых можно выделить частотные *very, so, really*.

Ядерное существительное *compliment* чаще коллоцирует со следующими прилагательными: *great, ultimate, considerable, enormous, rich, full, generous, effective, real, tremendous* [105—107].

Для комплиментов с прагматическими намерениями похвалы, благодарности и уважения характерен процесс концептуального проецирования слотов фрейма «Комплимент-похвала» на структурные модели построения комплиментов «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», «личное местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой», «личное местоимение + глагол + прилагательное», что наглядно представлено на рисунке 4.

Для комплиментов с прагматическим намерением лести характерен процесс концептуального проецирования слотов фреймов «Комплимент-лесть» и «Манипуляция» на структурную модель построения комплиментов «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», усеченные конструкции «наречие + прилагательное + существительное», «наречие + прилагательное», «личное местоимение + глагол + существительное» (рис. 5).

Рис. 4. Перспективизация ядерных слотов фрейма «Комплимент-похвала» в клишированные структурные модели построения комплиментов

Рис. 5. Перспективизация ядерных слотов фреймов «Комплимент-лесть» и «Манипуляция» в клишированные структурные модели построения комплиментов

Агенса посредством манипулятивного комплимента может преследовать корыстные цели и извлекать выгоду от пациента. При этом в случае употребления комплимента с иллюкутивной силой лести теряется гарантия истинности, что приводит к манипулятивному воздействию на пациента. Важно отметить, что данный манипулятивный эффект успешно достигается благодаря повышенной эмоциональности лествого комплимента. Таким образом, комплимент с коммуникативным намерением лести способен привести к манипулированию доверием пациента. В этом случае эмоциональные фильтры реципиента доминируют над рациональными, что и ведет к когнитивным ошибкам. Когнитивные ошибки, основанные на когнитивных иллюзиях, предотвратить сложно, так как жить, постоянно сомневаясь в собственных мыслях, человеку очень тяжело.

Поддаваясь когнитивным иллюзиям, человек получает удовольствие от того, что он слышит. Он доверяет своим предчувствиям и, пребывая в хорошем настроении, оценивает ситуацию как комфортную, рассуждая поверхностно. Так рождается эффект когнитивной легкости. Как известно, этот эффект сопряжен с интерпретацией высказывания как правдивого. Благодаря механизму WYSIALTI (What you see is all there is), выведенному Д. Канеманом [35, с. 60], который описывает склонность человека делать поспешные выводы из ограниченных данных, реципиент легче достигает состояния когнитивной легкости, которая заставляет его принимать утверждение как истинное и ведет к когнитивным искажениям (сверхуверенности, пренебрежению априорной вероятностью и эффекту фрейминга, когда разные способы подачи одной и той же информации вызывают разные эмоции). В силу того что комплимент по природе имеет преимущественно положительную коннотацию, направлен на установление контакта между людьми и порождение положительных эмоций, у реципиента снижается бдительность, а приподнятое настроение от полученного комплимента создает иллюзию отсутствия угрозы,

что ведет к когнитивной ошибке поспешного вывода, которая, в свою очередь, становится причиной искаженного восприятия действительности.

*3.3.4. Перлокутивные особенности
комплиментарных речевых актов. Принятие vs непринятие
комплиментов со стороны реципиента*

Рассмотрев основные разновидности комплиментарного высказывания, мы пришли к выводу, что при его изучении следует учитывать не только его локуцию, иллюкуцию и перлокуцию, но и намерения говорящего, его цели. Говорящий может преследовать разные цели: наладить хорошие отношения, вызвать к себе определенные чувства, создать благоприятные условия для дальнейших действий и т. д. В ходе исследования мы классифицировали речевые акты похвалы по интенсивности эмоционально-оценочных компонентов, лести — по отклонению от истинного положения дел, уважения и благодарности — по содержанию.

В англоговорящей культуре принято использовать слова со значениями, усиливающими комплимент. Сама семантика слов придает комплименту выразительность, говорящий может даже не всегда прибегать к дополнительным языковым средствам для выражения комплимента. Представители англоязычных культур часто используют комплименты со значениями похвалы и лести, эти разновидности являются типичными для данных культур. Для представителей как английской, так и американской культуры характерны комплименты, выражающие лесть, что обусловлено скрытыми мотивами личности. Доминирующая роль материальных ценностей в современном обществе вносит изменения в идеологию нравственного сознания. Сегодня идеологи западной цивилизации не перестают рекламировать ее ценности — демократию и индивидуализм, то есть приоритет личности над социумом. Лесть помогает в манипулировании другими и удовлетворении собственных потребностей.

Заслуживает внимания тот факт, что в перлокутивном отношении реакция на комплимент может выражать определенную степень недоверия агенсу, которая в 3% случаев из нашей выборки лингвистически оформлена клишированной фразой *backhanded compliment* в вопросительной / восклицательной конструкции со значением ‘непонятный и означающий противоположное тому, что означает’ [101], например:

- (a) — You look like a film star!
— **Back-handed compliment?** [100].
- (b) — You must be a deceptively good listener.
— That sounds a **back-handed compliment!** [100].

Нередко встречается ситуация, в которой пациент произносит ответный комплимент на комплимент агенса, например:

“Flannels suit you,” she said. “**You look very nice this afternoon.**”
He blushed with delight.

“I can honestly return the compliment. **You look perfectly ravishing.**”

She smiled and gave him a long look with her black eyes [126, p. 284].

В приведенном выше комплименте оценивается внешность собеседника с интенцией похвалы. Высказывание содержит интенсификатор *very*, что делает его эмоционально окрашенным. Перлокуция комплимента состоит в том, что герой не просто принимает комплимент, но делает ответный с использованием экспрессивного прилагательного *ravishing* в значении ‘admirable, attractive’ в сочетании с наречием *perfectly*, усиливающим эффект комплимента. Ответный комплимент оформлен в виде следующей структурной модели: «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное». Использование параллельных конструкций с повтором *You look...* придает комплинтам особую значимость и экспрессию, повышая степень выражения похвалы. Ответный комплимент реализует аналогичное речевое действие по отношению к собеседнику.

На лексическом уровне для комплиментов также характерно употребление обращений *honey*, *baby*, *sweetie*, *doll*, *cutie* (например, ***Honey**, as long as you know how to make a man as happy as you making me, you don't need to know nothing else* [109, p. 10]), которые, будучи частотными вокативами, претерпевают десемантизацию и представляют собой клише в чистом виде.

При определении типов реакций на комплиментарные высказывания и выяснении характера перлокутивных эффектов оказалось, что ответные реплики на комплименты достаточно разнообразны и описываются самыми разными способами — от принятия до опровержения комплимента слушающим. Исходя из наличия реакции на комплимент или ее отсутствия были выделены следующие разновидности: принятие, неприятие и уклонение от комплимента. Комплимент может быть принят собеседником с благодарностью — такого рода реакция встречается в 30% рассмотренных нами примеров употребления комплиментарного речевого акта в английской культуре и в 25% в американской культуре. Реакция в виде уклонения (демонстрации чувства неудобства, смущения или растерянности) характерна для 29% от общего числа американских комплиментов и 23% от общего числа английских. Изучение реакции уклонения показывает, что американцы предпочитают уклониться от комплимента, чем не принять его, и демонстрируют тем самым вежливость, а не неуважение к собеседнику. Неприятие комплимента, свидетельствующее о холодности, безразличии, недоверии (в связи с незаслуженным выделением каких-либо качеств), встречается в 11% примеров, отражающих американскую культуру, и в 17% — из английской.

Из проведенных количественных подсчетов следует, что для английского языка самой частотной реакцией на комплимент является принятие, в то время как реакция в виде неприятия в исследуемых языках встречается реже всего. Реакция в виде уклонения может быть обусловлена, с одной стороны, тем, что адресат желает услышать доказательства, подтвер-

ждающие подлинность комплимента, умышленно демонстрируя подозрение в неискренности или незаслуженности комплимента, с другой стороны, комплимент может ввести собеседника в замешательство, и адресат просто не знает, как на него отреагировать, бессознательно выбирая ошибочную тактику поведения. Также была зафиксирована реакция в виде произнесения ответного комплимента на комплимент, характерная в большей степени для представителей американской культуры (встречается в 9 % примеров, тогда как в английской культуре такая реакция зафиксирована в 2 % примеров). Ответная реакция на комплимент в американской культуре обусловлена проявлением вежливости. Такой возвращаемый комплимент подразумевает согласие с адресантом, заинтересованность в собеседнике. Классифицируя реакции на вербальные и невербальные, мы обнаружили, что в английской культуре невербальная реакция встречается чаще — в 28 % комплиментов, а в американской культуре — в 26 % случаев упоминания комплиментарных высказываний.

Для английской и американской культур частотными комплиментами являются комплименты с иллюкутивной силой похвалы, что ведет к вынужденной реакции на комплимент, так как по правилам речевого этикета за комплиментом должно следовать его принятие. Кроме того, для английского комплимента более характерна вербальная реакция потому, что англичане принадлежат к нации индивидуалистического типа, для которой значима пространственная дистанция при общении, что накладывает ограничения на использование невербальных коммуникативных средств, обусловленных сдержанностью в выражении эмоций.

Несмотря на то что перлокуция в виде неприятия комплиментарного речевого акта встречается достаточно редко, мы все же сочли необходимым предположить, какие поводы могут послужить причинами такого рода негативной реакции на положительный речевой акт, так как комплимент порой может даже навредить положительно разворачивающемуся сценарию общения, давая повод адресату думать, что адресант

пытается с помощью комплиментарных речей вторгнуться в его личное пространство. В таком случае адресант может получить прямо противоположный эффект, нарушая, произвольно или преднамеренно (в зависимости от своего коммуникативного намерения), положительный ход коммуникации.

Перлокуция в виде *непринятия* комплимента может быть спровоцирована подозрением адресанта в неискренности. В свою очередь, такие подозрения могут быть обусловлены психологическими характеристиками адресата (скромностью или заниженной самооценкой):

“**You are an awfully good sort,**” he said to her once a propos of nothing at all.

“I expect I’m just the same as everyone else,” she answered [100].

Другой причиной непринятия комплимента, подозрения адресанта в неискренности может быть негативное отношение адресата к адресанту комплимента, например:

“**I do love you, Philip**”, she said.

“Don’t talk damned rot.”

“**It isn’t, it’s true. I can’t live without you. I want you.**”

He released himself from her arms.

“Please get up. You’re making a fool of yourself and you’re making me feel a perfect idiot.”

“**I love you, Philip. I want to make up for all the harm I did you. I can’t go on like this, it’s not in human nature.**”

He slipped out of the chair and left her in it.

“I’m very sorry, but it’s too late.”

She gave a heart-rending sob.

“But why? How can you be so cruel?”

“I suppose it’s because I loved you too much. I wore the passion out. The thought of anything of that sort horrifies me. I can’t look at you now without thinking of Emil and Griffiths. One can’t help those things, I suppose it’s just nerves.”

She seized his hand and covered it with kisses.

“Don’t,” he cried.

She sank back into the chair [100].

В английском языке причиной непринятия комплимента может послужить его неуместность, например:

“You look like a milkmaid in a fairy story,” said Philip, as he shook hands with her.

“She’s the belle of the hop-fields,” said Athelny. **“My word, if the Squire’s son sees you he’ll make you an offer of marriage before you can say Jack Robinson.”**

“The Squire hasn’t got a son, father,” said Sally.

She looked about for a place to sit down in, and Philip made room for her beside him [100].

Таким образом, причина непринятия комплиментарного высказывания может крыться как в адресанте, так и в адресате сообщения. Для того, чтобы нивелировать негативные последствия в восприятии комплимента адресатом, необходимо, прежде всего, избирать правильную стратегию подачи комплиментарного высказывания.

Отообразим полученные данные в количественном соотношении в таблице.

Перлокутивные и иллокутивные характеристики комплиментарного инфлюктива, %

Интенция / реакция	Культура	
	Английская	Американская
<i>Иллокуция</i>		
<i>Похвала:</i>		
Нейтральная	5	3
Умеренная	18	16
Высокая	43	39
<i>Итого</i>	66	58
<i>Лесть</i>	20	27
<i>Благодарность</i>	10	12
<i>Уважение</i>	4	3

Окончание табл.

Интенция / реакция	Культура	
	Английская	Американская
<i>Перлокуция</i>		
Принятие	30	25
Непринятие	17	11
Уклонение	23	29
Ответная	2	9
<i>Итого</i>	72	74

Вывод

В результате анализа комплиментарных речевых актов можно выделить две ключевые категории речевых актов: комплименты, выражающие похвалу, благодарность и уважение, и комплименты, репрезентирующие лесть. Структура фрейма комплимента, согласно данным Frame.Net, включает как центральные, так и периферийные слоты, коррелирующие с фреймом манипуляции. Комплименты с целью лести теряют гарантию истинности, что может привести к манипулятивному воздействию на адресата.

Анализ лексикографических определений показывает многообразие значений слова *комплимент*, где похвала и лесть рассматриваются как разные иллокутивные силы.

Были выявлены 10 характерных структурных моделей построения комплиментов.

Реакции на комплименты также разнообразны: от принятия до уклонения и непринятия, что указывает на сложность восприятия комплиментарных высказываний. Важно отметить, что комплименты могут как укреплять, так и нарушать коммуникацию в зависимости от искренности намерений говорящего и восприятия слушающего. В целом комплименты являются многослойным амбивалентным инфлюктивным речевым актом.

Глава 4

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФЛУКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА «ПОРИЦАНИЕ»

4.1. Определение инфлуکتивного речевого акта «порицание»

Изучение речевого акта «порицание» мы начали со структурирования семантической области дефиниции порицания на основе лексикографических источников.

Обращение к русскоязычным словарям показало, что С. И. Ожегов понимает под порицанием «выражение неодобрения, осуждения; выговор» [92]. Словарь синонимов дает следующее толкование порицанию: «выговор, обвинение; осуждение, неодобрение; замечание, укоризна» [90]. Согласно толковому словарю Ушакова, порицание — это «осуждение, выговор, неодобрение» [97].

Англоязычные словари позволяют структурировать семантическую область дефиниции порицания в англоязычной лингвокультуре. Лексема *a reprimand (noun)* в Оксфордском словаре представлена следующим образом: *the act of telling somebody officially that you do not approve of them or their actions* — «акт официального сообщения кому-либо, что Вы не одобряете его или его действия» [104]. Словарь Уэбстера дает следующее определение порицанию (*reprimand*): *a severe or formal reproof* — «строгий или официальный упрек» [108]. Словарь Collins трактует порицание как *a reproof or formal admonition; rebuke* — «выговор или дисциплинарное взыскание; упрек» [102].

На основе дефиниционного анализа представляется возможным выделить в структуре концепта ПОРИЦАНИЕ следующие концептуальные признаки:

- упрек,
- неодобрение,

- осуждение,
- выговор.

Изучая семантику, стилистику и прагматику порицаний, И. Ю. Русанова дает следующее определение порицанию: «Порицание является частным случаем выражения неодобрения, отрицательной морально-этической оценки поведения, поступка, слов адресата (или лица, не участвующего в диалоге), высказанного с целью вызвать самокритичную реакцию адресата и побудить его к исправлению поведения или ситуации» [49].

Рассматривая коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В. М. Шукшина, Т. В. Черницына устанавливает, что «коммуникативные стратегии похвалы и порицания имеют общую типологию, в основе которой лежат следующие параметры: функциональное назначение, адресность, степень эмоциональности, тональность, временная направленность, способ выражения, особенности языкового оформления, уровень достижения иллокутивной цели. Как в похвале, так и в порицании морально-этический аспект занимает главенствующее положение: положительная и отрицательная оценка прежде всего направлена на внутренние (моральные) качества человека, его образ жизни, действия и поступки» [61].

О. М. Евтушенко выделяет следующие характеристики концепта ПОРИЦАНИЕ:

1. Порицание представляет собой институционально маркированный лингвокультурный концепт, содержанием которого является выражение отрицательной оценки поведения кого-либо.
2. Конститутивные понятийные характеристики концепта «порицание» сводятся к комбинации следующих признаков: а) «общение статусно неравных коммуникантов», б) «официальная ситуация общения», в) «неправильный поступок подчиненного», г) «выражение отрицательной критической оценки этого поступка со стороны вышестоящего коммуниканта», д) «ожидание признания своей вины со стороны подчиненного».
3. Образно-перцептивные характеристики концепта «порицание» представляют собой ситуацию официального общения, в ходе которого началь-

ник прямо или косвенно (нахмурив лицо, грозя пальцем, повышая голос, ледяным тоном) выражает подчиненному отрицательную оценку его поступка, при этом подчиненный (опустив глаза, стоя, смущенно) осознает серьезность ситуации и возможные отрицательные последствия проступков со своей стороны. 4. Ценностные характеристики концепта «порицание» определяются следующими нормами институционального общения: а) начальник имеет право делать замечание подчиненному, б) подчиненный обязан принимать замечания к сведению, в) порицание должно иметь объективные основания, г) порицание должно относиться к поступкам, а не личным качествам человека. 5. Концепт «порицание» реализуется в дискурсе как институциональный речевой акт «порицание», структура которого включает следующие компоненты: а) проступок подчиненного, имеющий отношение к определенной институциональной сфере, б) вербальное выражение отрицательной критической оценки со стороны начальника в связи с этим проступком подчиненного в присутствии подчиненного, в) реакция подчиненного на выраженную критическую оценку. Порицание как институциональный речевой акт «имеет преимущественно косвенную форму выражения, реализуясь в виде констатива, императива, вопроса и имплицитной критики» [21].

Л. М. Закоян, исследуя выражение агрессии в современных русском и английском языках, устанавливает, что речевая агрессия стала распространенным явлением в русской и английской лингвокультурах, которое находит выражение в использовании в речевых тактиках оскорбления, угрозы, насмешки, порицания, жалобы, доноса, обвинения, враждебных замечаний и грубых требований. Также исследователь констатирует, что экспрессивность и эмоциональная окрашенность являются неотъемлемыми чертами речевой агрессии [32, с. 4]. Из всего сказанного следует неоспоримость корреляции между речевыми актами порицания и оскорбления как агрессивными речевыми тактиками.

Таким образом, порицание является отрицательно маркированным речевым актом, обладающим концептуальными признаками упрека, неодобрения, осуждения и выговора.

4.2. Когнитивные особенности речевого акта «порицание»

Рассматривая порицательный речевой акт в когнитивном аспекте, необходимо провести анализ концептуальных основ экспрессивного инфлуктивного речевого акта «порицание» с построением модели фрейма «Порицание». В ходе фреймового анализа предполагается определение механизма концептуального проецирования между слотами фрейма «Порицание» и слотами фрейма «Манипуляция». Мы устанавливаем, что порицание может быть охарактеризовано возможностью выполнения манипулятивного воздействия на пациента. Анализ концептуальных основ инфлуктивного речевого акта «порицание» лежит в русле «коммуникативного и когнитивного маневрирования» [19, с. 36—40].

Порицание может быть использовано в целях манипуляции, поэтому представляется важным определить концептуальное проецирование между фреймами «Порицание» и «Манипуляция». Следует учитывать, что в основе «смыслопорождения в манипулятивном дискурсе лежит общий механизм концептуального проецирования» [28, с. 41].

Инфлуктив «Порицание / Reprimand», входящий в макрофрейм «Суждение / Judgment», характеризуется набором концептуальных признаков, одним из которых является концептуальный признак «Осуждение / Condemnation». Макрофрейм «Манипуляция, побуждающая к действию / Manipulate into doing», формируемый фреймом «Манипуляция / Manipulation», коррелирует с макрофреймом «Вознаграждения и наказания / Rewards and punishments», который может выступать инструментом манипулирования для агенса и, следовательно, приводить к иррациональному поведению пациента. Кроме того, данный макрофрейм включает фрейм «Наказание / Punishment», который, в свою очередь, участвует в формировании макрофреймов «Манипуляция, побуждающая к действию / Manipulate into doing» и «Суждение / Judgment». Однако мак-

рофрейм «Суждение / Judgment» формируется инфлективом «Порицание / Reprimand», который может быть манипулятивным в случае, если обладает концептуальным признаком «осуждение». Описанное взаимодействие фреймов наглядно представлено на рисунке 6.

Рис. 6. Взаимодействие между макрофреймами «Манипуляция, побуждающая к действию», «Вознаграждения и наказания» и «Суждение»

Основываясь на данных Frame.Net [103], мы утверждаем, что в структуре фрейма «Манипуляция» выделяются следующие ядерные слоты: *агенса (манипулятор)*, *пациенса (жертва)*, *контрагенса* (может отсутствовать, факультативный слот), *действие*, *диктум*, *эффект*, *результат*. Периферийная структура фрейма «Манипуляция» формируется слотами *время*, *место*, *цель*, *средство*, *способ*, *степень*. Фрейм «Порицание» включает в себя определенный набор слотов, тесно коррелирующих со слотами фрейма «Манипуляция». В процессе взаимодействия двух фреймов происходит концептуальное проецирование [29], которое наглядно показано на рисунке 7.

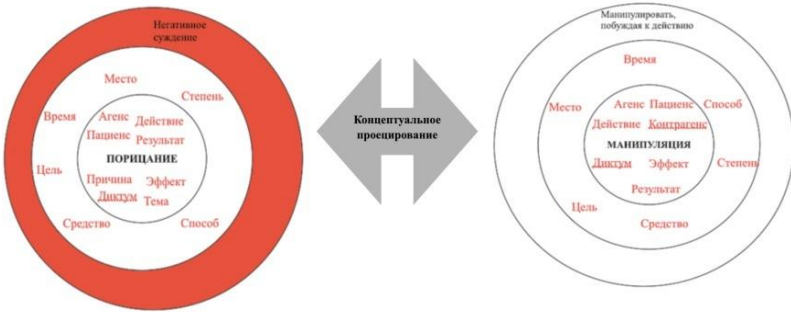

Рис. 7. Концептуальное проецирование между фреймами «Порицание» и «Манипуляция»

Фрейм «Порицание» включает следующие перспективизируемые слоты:

- цели и задачи — упрекнуть, выразить неодобрение, осудить, сделать выговор;
- результат — возможное изменение убеждений пациента;
- участники — единичный агент (адресант порицания) и единичный пациент / экспериенцер (адресат порицания) (возможна массовость агенса и пациента);
- действие — выражение речевого акта «порицание»;
- эффект — негативная реакция пациента или отсутствие его реакции в случае справедливо высказанного порицания.

Перспективизируемые слоты фрейма «Манипуляция»:

- цели и задачи — извлечение выгоды за счет пациента;
- результат — изменение убеждений пациента;
- участники — единичный агент (адресант сообщения) и единичный пациент / экспериенцер (адресат сообщения) (возможна массовость агенса и пациента);
- действие — манипулятивное воздействие;
- эффект — ожидаемая положительная реакция пациента.

Порицание может быть рассмотрено как фрейм с концептуальными признаками упрека, неодобрения, осуждения и выговора, которые заполняют слот *тема*. Адресант порицания является *агеном*, а адресат — *пациентом*. Слот *действие*

включает речевой акт «порицание». Реакция пациента на порицание (отрицательная или в виде уклонения) заполняет слот *эффект*. Возможное изменение убеждений пациента соотносится со слотом *результат*. Сам порицательный речевой акт формирует *диктум*. Слот *причина* заполняется основаниями, которые побуждают адресанта выразить порицание. Данный вывод подтверждается анализом концептуального проецирования между фреймами «Порицание» и «Манипуляция».

4.2.1. Порицание-осуждение vs порицание-выговор: отличительные особенности

Исследуя речевой акт «порицание» с концептуальным признаком осуждения, важно отметить, что осуждение часто может обладать манипулятивным характером, оказывая давление, способствуя формированию негативных стереотипов и искажению реальности. В связи с этим предлагается детально рассмотреть осуждение в контексте его фреймовой структуры. С опорой на данные Frame.Net [103] была разработана модель фрейма «Осуждение» (рис. 8).

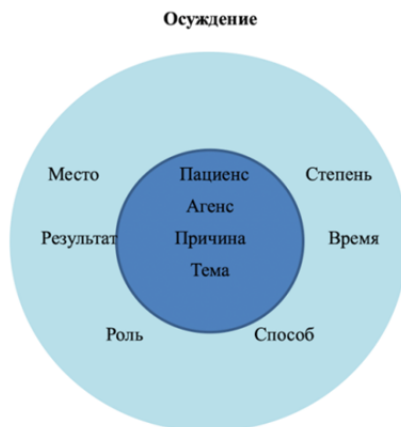

Рис. 8. Фреймовая модель осуждения

Фрейм «Осуждение» представлен следующими ядерными слотами: *агенса, пациенс, причина, тема*, что показывает его направленность на субъективный моральный или этический анализ действий или состояний. Ядерный слот *агенса* в фрейме «Осуждение» представляет собой субъект, который не только совершает действие, но и несет моральную ответственность за свои действия. В свою очередь, *причина* указывает на мотивацию или обстоятельства, которые побудили агенса к действию, что также определяет его моральную ответственность. *Пациенс* в данном случае представляет собой объект критики, а *тема* — обсуждаемое событие или действие, попадающее под осуждение. В периферийную структуру фрейма входят слоты *степень, время, способ, место, результат* и *роль*.

Для точного определения концептуальных признаков концепта ОСУЖДЕНИЕ мы изучили определения соответствующей лексемы в русских и английских словарях.

В толковом словаре Ушакова дается следующее определение: «ОСУЖДЕНИЕ, осуждения, ср. 1. Строгое неодобрение, порицание. Осуждение канцелярщины. Обвинительный судебный приговор кому-н. Добиться осуждения обвиняемого» [97]. В данном случае концептуальными признаками мы определяем судебный приговор и упрек.

В толковом словаре Ожегова значение слова «осуждение» определяется следующим образом: «ОСУЖДЕНИЕ, -я, ср. 1. см. осудить. 2. Неодобрительное мнение, порицание. *В словах звучит о.*» [92]. Явным концептуальным признаком можно считать неодобрительное мнение.

Словарь Ефремовой дает следующее определение: «1. Процесс действия по гл. осудить, осуждать 2. Результат такого действия; неодобрение, порицание. 3. Признание виновности подсудимого, вынесение ему обвинительного приговора» [89]. Концептуальными признаками можно считать упрек и судебный приговор.

Рассмотрев определения соответствующей лексемы в английских толковых словарях, мы также выделили концептуальные признаки. В Кембриджском словаре осуждению дается

следующее определение: *strong criticism of something that you think is wrong or very bad* — «резкое неодобрение каких-л действий, которые вы считаете неправильными» [101], то есть концептуальными признаками выступают неодобрение и упрек.

Оксфордский словарь определяет осуждение следующим образом: *an expression of very strong disapproval* — «выражение сильного неодобрения» [104]. Словарь Уэбстера дает несколько дефиниций: 1. *censure, blame*; 2. *the act of judicially condemning*; 3. *the state of being condemned*; 4. *a reason for condemning* — «1. порицание, упрек; 2. вынесение судебного приговора; 3. быть осужденным; 4. причина осуждения» [108]. Концептуальными признаками можно считать упрек и судебный приговор.

Таким образом, основными концептуальными признаками осуждения являются неодобрение, упрек и судебный приговор.

Исследуя речевой акт «осуждение», важно отметить, что «осуждение» часто может обладать манипулятивным воздействием, оказывая давление, способствующее формированию негативных стереотипов и искажению реальности.

Сравнивая фреймовую модель осуждения с фреймовой моделью выговора, который входит в макрофрейм «*Judgment_direct_address*» [103], можно констатировать присутствие в ядре, во-первых, агенса, что указывает на активное участие того, кто производит выговор, во-вторых, пациенса, который является объектом критики, а также темы и причины.

Кроме того, периферийные слоты в обоих фреймах, такие как степень, время, способ, место и роль, подчеркивают, что «осуждение» и «выговор» могут быть структурированы с учетом контекстуальных и ситуационных элементов. Например, степень может указывать на интенсивность осуждения или выговора, время — на длительность действия и актуальность, способ — на технологию осуществления акта (например, вербально, невербально, письменно, устно). Данные периферийные компоненты помогают глубже понять контекстуальные различия между осуждением и выговором. В связи с этим

важно также отметить, что происходит полное концептуальное проецирование между ядерными слотами фреймов осуждения и выговора, а также между периферийными слотами *роль, место, время, степень* и *способ*. Фреймовая модель выговора представлена на рисунке 9.

Рис. 9. Фреймовая модель выговора

Кроме того, для определения концептуальных признаков концепта ВЫГОВОР мы также изучили дефиниции этого слова в толковых словарях русского и английского языков.

В толковом словаре Ушакова дается несколько определений: «ВЫГОВОР, выговора, м. 1. Произношение звуков, слов. Чистый выговор. Говорить с плохим выговором по-французски. 2. Порицание, выражение неудовольствия чем-н., сделанное старшими или начальством. Получить строгий выговор за упущение по службе. Сделать выговор за непослушание» [97]. Данное определение позволяет нам выделить в качестве концептуального признака неудовольствие.

Согласно словарю Ожегова, «ВЫГОВОР, -а, м. 1. Качество, характер произношения. Чистый в. 2. Строгое словесное внушение; замечание, являющееся взысканием, наказанием за проступок. Сделать в. Объявить, получить в. Строгий в. В. с предупреждением. Снять в.» [92], на основании чего мы выделяем такие концептуальные признаки, как наказание, замечание, взыскание.

Словарь Ефремовой дает следующие дефиниции: «1. Характер, манера произношения звуков, слов языка; 2. Официальная отрицательная оценка чьего-либо поступка, отношения к работе и т. п. как вид дисциплинарного взыскания; 3. Порицание, замечание, внушение» [89]. Таким образом, концептуальными признаками можно считать взыскание, замечание.

Исходя из рассмотренных определений слова «выговор» можно сделать вывод о том, что для русскоязычной лингвокультуры характерны следующие концептуальные признаки: замечание, взыскание и манера произношения. Однако в нашем исследовании мы не будем принимать во внимание концептуальный признак манеры произношения, так как он не соотносится с порицательными речевыми актами.

Обращаясь к Кембриджскому словарю, мы находим следующее определение: *Admonish — to gently tell someone that they have done something wrong.* — «Делать выговор — мягко сообщить кому-то, что он сделал что-то неправильно» [101]. Таким образом, очевидно выделяется концептуальный признак неодобрения.

Оксфордский словарь дает два определения значения этого слова: *Admonish — 1. to tell somebody strongly and clearly that you do not approve of something that they have done; 2. to strongly advise somebody to do something.* — «Делать выговор — 1. решительно заявить кому-либо, что вы не одобряете его действий; 2. настоятельно советовать кому-либо сделать что-либо» [104]. На основании дефиниции выделяются концептуальные признаки неодобрение, настойчивый совет.

Словарь Уэбстера характеризует выговор следующим образом: *Admonish — 1. to indicate duties or obligations to; to ex-*

press warning or disapproval to especially in a gentle, earnest, or solicitious manner; 2. to give friendly earnest advice or encouragement to; 3. to say something as advice or a warning. — «Делать выговор — 1. указывать на обязанности или обязательства; выражать неодобрение или опасения в мягкой, серьезной или заботливой манере; 2. дать искренний дружеский совет или поощрять; 3. Посоветовать или предупредить о чем-либо» [108]. Концептуальные признаки на основе представленной дефиниции включают неодобрение, опасение, настойчивый совет.

Соответственно, в качестве концептуальных признаков можно выделить неодобрение, чаще от высокопоставленных лиц или начальства, и настойчивый совет.

Выявим отличительные особенности порицаний с концептуальными признаками осуждения и выговора.

Обратимся к рассмотрению особенностей функционирования порицаний-осуждений в речи на примерах из Британского национального корпуса:

“I’m sorry I’m a bit late,” she said. “The roads were terrible, and I got lost.” “You’re a week late,” he said. “I was expecting you last Wednesday.” “Didn’t you get my message?” “About halfway through the morning.” “I hope I didn’t inconvenience you.” “You did, as a matter of fact. I’d cancelled a meeting.” He did not lighten this rebuke with a smile. Robyn felt herself growing warm with resentment of his rudeness, mingled with the consciousness that her own conduct had not been entirely blameless... “I’m sorry,” she said to Wilcox.

— Простите, что опоздала, — сказала она. — Дороги были ужасны, и я заблудилась.

— Вы опоздали на неделю, — ответил он — Я ждал вас еще в прошлую среду.

— Разве вы не получили мое сообщение? — спросила Робин.

— Только к середине утра, — ответил Вик.

— Надеюсь, что я не доставила вам неудобств.

— На самом деле доставили. Я отменил встречу, — ответил он, не скрасив этот упрек улыбкой.

Робин почувствовала, как в ней начинает нарастать негодование от его грубости, смешанное с осознанием того, что ее поведение не было безупречным. <...>

— Простите, — сказала она Уилкоксу [100].

В данном отрывке главная героиня, Робин, опаздывает на встречу, о которой она и Вик Уилкоккс договорились уже давно. Пациенс выражает сожаление по поводу опоздания, ссылаясь на ужасные дорожные условия и на то, что она заблудилась. Однако ее извинения немедленно смещают фокус с опоздания на более значимую проблему: другой персонаж, агенс, указывает, что она опоздала не на несколько минут или часов, а на целую неделю (ее ждали в прошлую среду), поскольку агенс не получил от нее предупреждения об опоздании. Это откровение вносит элемент разочарования и досады, так как ожидания агенса не оправдались. Более того, далее агенс подтверждает, что ее отсутствие действительно вызвало у него проблемы и он отменил встречу. Упрек проявляется через прямое выражение недовольства в словах: *You did, as a matter of fact. I'd cancelled a meeting.* — «На самом деле доставили. Я отменил встречу». Очевидно, что агенс пытается вызвать у пациенса чувство вины и стыда, и в конце приведенного отрывка тот вновь просит прощения.

Следует отметить, что фраза *You did, as a matter of fact* звучит резко и прямолинейно, подчеркивая недовольство собеседника. Это сжатое выражение заменяет длинные пояснения, внося в текст дополнительную напряженность. Текст изобилует употреблением слов с ярко выраженным коннотативным значением, таких как *rudeness, growing warm with resentment*, метафорически описывающих усиление негативных чувств пациенса.

Рассмотрим следующий фрагмент-пример:

“From the very beginning — from the first moment, I may almost say — of my acquaintance with you, your manners, impressing me with the fullest belief of your arrogance, your conceit, and your selfish disdain of the feelings of others, were such as to form the

groundwork of disapprobation on which succeeding events have built so immovable a dislike; and I had not known you a month before I felt that you were the last man in the world whom I could ever be prevailed on to marry.”

“You have said quite enough, madam. I perfectly comprehend your feelings, and have now only to be ashamed of what my own have been. Forgive me for having taken up so much of your time, and accept my best wishes for your health and happiness.”

— С первой минуты нашего знакомства ваше поведение поволело мне понять, что вы заносчивы, высокомерны и полны пренебрежения к чувствам других людей. С того самого момента во мне зародилась неприязнь к вам, но после последних событий она стала непоколебимой. Не прошло и месяца с нашего знакомства, как я поняла, что вы последний мужчина в мире, который может стать моим мужем.

— Вы сказали достаточно, мадам. Я понимаю ваши чувства и теперь могу лишь стыдиться собственных. Я желаю вам здоровья и счастья, и прошу у вас прощения за то, что отнял столько времени [100].

Герой получает гневную отповедь после признания в своих чувствах. Героиня (агенс) открыто выражает пациенту свое неодобрение, упрекая его в ненадлежащем поведении и поступках. Также она заявляет, что негативное представление о пациенте возникло у нее в момент первой встречи. В заключение своей тирады героиня объявляет пациенту, что он «последний мужчина», за которого она выйдет замуж, что доказывает осуждение ею этого человека. Пациент, в свою очередь, понимает чувства агенса и испытывает стыд за свою откровенность. Можно предполагать, что в данном примере порицание-осуждение обладает манипулятивным характером. В отрывке заметно использование слов с ярко выраженным коннотативным значением (*arrogance, conceit, selfish disdain*), употребление которых не только передает негативную оценку, но и позволяет ярко охарактеризовать то неприемлемое поведение, которое стало основой неприязни агенса по отношению к пациенту и его осуждения.

Обратимся к еще одному отрывку. В нем представлен кульминационный момент взаимоотношений между двумя героями, Хитклиффом и Кэтрин.

“I have not broken your heart — YOU have broken it; and in breaking it, you have broken mine. So much the worse for me that I am strong. Do I want to live? What kind of living will it be when you — oh, God! would YOU like to live with your soul in the grave?”

“Let me alone. Let me alone,” sobbed Catherine. “If I’ve done wrong, I’m dying for it. It is enough! You left me too: but I won’t upbraid you! I forgive you. Forgive me!”

— Не я разбил твое сердце! ТЫ его разбила, и, сделав это, ты разбила мое. Тем хуже для меня, что я сильный. Могу ли я хотеть жить? Какая же это будет жизнь, когда ты... Боже! Хочешь ли ТЫ жить, когда душа уже в могиле?

— Оставь меня в покое, оставь! — всхлипывая, просила Кэтрин. — Если я и сделала что-то не так, то я умираю за это. Довольно! Ты тоже меня бросил, но я не собираюсь тебя упрекать! Я прощаю тебя, и ты меня прости! [100].

Персонажи находятся в состоянии глубокого эмоционального конфликта. Кэтрин выходит замуж за другого, что противоречит ее истинным чувствам к Хитклиффу. Этот диалог отражает трагедию их взаимной любви и невозможность быть вместе.

Агнс (Хитклифф) использует риторические вопросы, экспрессивные и эмоционально насыщенные конструкции (*Do I want to live? — Могу ли я хотеть жить?*), которые вызывают у пациента чувство вины (чем подтверждается манипулятивная природа осуждения). Более того, упрекая пациента фразой *I have not broken your heart — YOU have broken it; and in breaking it, you have broken mine* («Не я разбил твое сердце! ТЫ его разбила, и, сделав это, ты разбила мое»), агнс прибегает к манипулятивным техникам, позволяющим ему снять с себя ответственность и переложить ее на пациента. В результате пациент чувствует себя виноватой и просит прощения, не снимая с агенса его части вины. Осуждение в данном отрывке являет-

ся сложным манипулятивным приемом, направленным на эмоциональное подчинение собеседника через механизмы вины и психологического давления с использованием лингвистических маркеров манипуляции, таких как риторические вопросы, эмоционально окрашенная лексика и сложные синтаксические конструкции. Также важно отметить употребление в данном отрывке графонов (*YOU have broken it; would YOU like to live?*), акцентирующих внимание на действиях и чувствах собеседника, что усиливает напряжение между героями и указывает на то, что осуждение в этом отрывке обладает манипулятивным характером.

В приведенном примере используются различные лексико-стилистические средства, которые не только обогащают речь, но и отражают наличие у осуждения манипулятивной природы. Например, повтор фраз (*Let me alone. Let me alone*) создает эффект нарастающего отчаяния и глубокой боли, сигнализируя об испытываемом пациентом чувстве вины. Использование эмоциональной лексики (*broken, dying, forgive*) способствует усилению манипулятивного эффекта: так, например, слово *broken* подразумевает не только физические, но и психологические страдания, усиливая драматизм ситуации.

Следующий отрывок представляет собой фрагмент дискуссии в парламенте Великобритании, на которой обсуждались экономическая ситуация в стране и меры по снижению безработицы.

Labour like to talk about unemployment but, while the Conservative Government works to bring unemployment down, the Labour Party are busily embracing policies to put the unemployment rate up. And how they dare to care about the unemployed when they would price people out of work, strike people out of work and tax people out of work? How can a group be taken seriously, or be considered concerned, when it openly rejects co-operation with this two hundred and thirty million pound scheme which will very substantially increase the number of opportunities for the unemployed in Britain as a whole and in... in particular.

Лейбористы часто обсуждают проблему безработицы, но в то время как консервативное правительство прилагает усилия для ее снижения, лейбористская партия активно проводит политику, которая способствует росту безработицы. Как они смеют думать, что заботятся о безработных, когда сами способствуют увольнениям, исключая людей из рабочей силы и увеличивая налогообложение? Как можно воспринимать серьезно такую партию или считать ее искренне заинтересованной, если она открыто отвергает сотрудничество с программой стоимостью в 230 миллионов фунтов, которая могла бы значительно увеличить количество возможностей для безработных в Великобритании в целом и в... в частности? [100].

Агенс (выступающий) критикует и упрекает коллективно-го пациента (лейбористскую партию) за то, что она безуспешна в вопросе сокращения числа безработных, а также в отказе от участия в программе, которая могла бы обеспечить безработным места. При осуждении лейбористской партии агенс использует риторические вопросы в качестве механизма манипуляции: обилие риторических вопросов помогает в создании негативного образа пациента. Более того, агенс прибегает к антитезе, построенной на образном противопоставлении политических понятий: *Conservative Government works to bring unemployment down* (консервативное правительство прилагает усилия для ее снижения) и *the Labour Party are busily embracing policies to put the unemployment rate up* (лейбористская партия активно проводит политику, которая способствует росту безработицы). Такая контрастная аргументация может иметь манипулятивный характер, направленный на то, чтобы коллективный пациент испытал чувство вины. Также можно выделить наличие эмоционально-оценочной лексики, например *openly rejects* (открыто отвергают), *And how they dare...* (Как они смеют...). В анализируемом примере осуждение носит манипулятивный характер, который выражается не только использованием эмоционально-насыщенной лексики, но и наличием имплицитного обвинения. Агенс не напрямую обращает внимание на проблемы коллективного пациента, тем

самым формируя у него определенную реакцию на осуждение, что подразумевает наличие манипуляции. Причем манипуляция также может быть направлена на внешнего коллективного пациента (народ Великобритании).

“Your ‘blackmail’ was pure bluff,” she squirmed with delight. “And with Wyatt. There was more bluff than real threat in what you did.”

He didn’t think so.

“And it’s my opinion we both ought to be glad for that.” It was a rebuke and John knew it. She often did that sort of thing these days — repulsing him just when she seemed to be warming again. For the first time in this long climb back to their fortune he began to feel a sort of panic.

— Твой «шантаж» оказался всего лишь пустым блефом, — сказала она, излучая восторг. — И с Уайеттом. В том, что ты сделал, было больше блефа, чем настоящей угрозы.

Он с этим не согласился.

— И я считаю, что нам обоим стоит радоваться этому.

— Это прозвучало как упрек, и Джон это прекрасно понимал. В последнее время она часто вела себя подобным образом — отталкивала его именно тогда, когда, казалось, вновь начинала открываться. Впервые за этот долгий путь к их счастью он начал немного паниковать [100].

Анализируемый отрывок указывает на наличие конфликта между людьми, в котором женщина интерпретирует действия мужчины как «шантаж» и «блеф». Агнс использует фразу, которая осуждает действия пациента (Джона) — *And it’s my opinion we both ought to be glad for that* (И я считаю, что нам стоит радоваться этому), — вкладывая в данное высказывание негативную коннотацию, которая обладает манипулятивным характером: пациент начинает испытывать страх и паниковать: *...he began to feel a sort of panic*. Можно сделать вывод, что речевой акт «порицание» с концептуальным признаком осуждения достигает своего перлокутивного эффекта — вызывает у адресата чувство вины и тревоги, меняя баланс сил в отношениях в пользу агенса.

Более того, кавычки, в которые взято слово *blackmail* (*шантаж*), отражают ироническую интонацию и в целом отношение к действиям Джона, снижая их значимость. Сравнительная конструкция *more bluff than real threat* (*больше блефа, чем настоящей угрозы*) содержит негативную оценку, а авторский комментарий *It was a rebuke* (*Это прозвучало как упрек*) эксплицитно указывает на истинную интенцию агенса. Использование модального глагола *ought to* в сочетании с лексемой *glad* в выражении *And it's my opinion we both ought to be glad for that* (*И я считаю, что нам стоит радоваться этому*) создает иллюзию общности интересов, хотя фактически навязывает собеседнику определенную эмоциональную реакцию.

Изучим особенности функционирования порицания-выговора в речи на примерах из Британского национального корпуса:

The result was an unexpectedly heavy fine of 125 plus the expenses of the commission. Chapman and two of the players were censured and all three players ordered to refund their excess wages — which in effect saved the club over 1 00 towards the fine. <...> The sentence could have been much worse. In 1904, shortly after winning the FA Cup, Manchester City lost its entire team as punishment for illegal bonus payments to players. — Результатом стал неожиданный штраф в размере 125 и расходы комиссии. Чепмен и еще два игрока получили выговор, и им было приказано вернуть избытки заработной платы, что экономит клубу более 100 долларов на выплату штрафа. <...> Однако приговор мог быть гораздо хуже. Например, в 1904 году, вскоре после победы в Кубке Англии, «Манчестер Сити» потерял всю команду в качестве наказания за незаконные бонусные выплаты игрокам [100].

В анализируемом примере сообщается, что игроки и комиссия, принимающая решение, взаимодействуют в контексте нарушения спортивных правил, связанных с финансовыми вопросами. Агенса выносит выговор пациенту, а также налагает штраф и приказывает вернуть избытки зарплаты. Более того, важно отметить отсутствие манипуляции, поскольку данный

пример характеризуется формальным характером высказывания в асимметричной ситуации общения: после вынесения выговора и наложения штрафа пациент не может избежать наказания и обязан выполнить условия. Также примечательно отсутствие экспрессивной лексики, как правило указывающей на наличие манипуляции. оборот *were censured* (получили выговор) создает ассоциации с наказанием и контрольными мерами, что усиливает представление о строгости ситуации и важности соблюдения правил в профессиональном спорте.

Members can be suspended or expelled for contempt. The House also has the power to admonish or issue a reprimand to those in contempt. Journalists may be barred from the House for a period of time. While the House has the power to imprison for contempt, this was last used in 1880. — Парламентарии могут быть отстранены или исключены из состава за проявление неуважения. Также Палата обладает правом выносить предупреждения или выговоры тем, кто демонстрирует подобное поведение. Журналисты могут быть временно отстранены от работы в Палате. Хотя Палата имеет возможность применять наказание в виде тюремного заключения за неуважительное поведение, последний случай применения такой меры датируется 1880 годом [100].

Представленный отрывок относится к официально-деловому дискурсу, описывающему регламентные процедуры парламентской деятельности. Контекст указывает на изложение нормативных положений, регулирующих дисциплинарные меры в отношении членов парламента и журналистов. В отрывке перечисляются возможные санкции за проявление неуважения к парламентскому институту, включая отстранение, исключение, предупреждения, выговоры и даже потенциальное тюремное заключение. Выговор в данном тексте не имеет манипулятивного характера, поскольку текст представляет собой объективное описание институциональных процедур, а не лично-ориентированное воздействие. Также выговор упоминается как одна из формализованных санкций, регламентиру-

ванных нормативными документами, а не как инструмент межличностного влияния. Синтаксическая структура отрывка характеризуется преобладанием безличных и пассивных конструкций, что типично для официально-делового стиля. В анализируемом отрывке агенс констатирует, что при неуважительном поведении пациенса к нему будут применены меры.

Следующий отрывок относится к информационно-новостному дискурсу, освещающему судебное разбирательство в отношении транспортной компании:

Yuill and Dodds, which ran the miners' gauntlet to deliver supplies to British Steel during the 1985 strike, was convicted at Linlithgow Sheriff Court in October on 36 charges of allowing drivers to exceed permitted hours and to take insufficient breaks. The company was also admonished on 18 counts of causing and permitting drivers to falsify tachograph records. The suspension results from the firm's consequent failure to adhere to rules governing the granting of its licence, ie, to remain operating within the law, according to a spokesman for the Traffic Commissioners in Edinburgh. — Компания «Yuill and Dodds», которая в 1985 году прорвала строй шахтеров для доставки поставок «British Steel» во время забастовки, была осуждена в октябре судом шерифа Линлитгоу по 36 обвинениям в том, что она позволяла своим водителям превышать допустимые часы работы и делать недостаточные перерывы. Кроме того, компания получила предупреждение по 18 пунктам за то, что побуждала и позволяла водителям фальсифицировать записи тахографов. Приостановка деятельности была вызвана систематическим несоблюдением фирмой правил, касающихся выдачи лицензий и соблюдения законодательства, как отметил представитель Комиссии по дорожному движению в Эдинбурге [100].

Контекст указывает на юридические последствия для компании «Yuill and Dodds» (коллективный пациенс), такие как вынесенное судебное решение по множественным нарушениям режима труда и отдыха водителей, а также фальсификации документации. В анализируемом отрывке синтаксическая структура характеризуется преобладанием сложных предложений с причинно-следственными связями: *...on 36 charges of*

allowing drivers to exceed permitted hours and to take insufficient breaks. The company was also admonished on 18 counts (...no 36 обвинением в том, что она позволяла своим водителям превышать допустимые часы работы и делать недостаточные перерывы. Кроме того, компания получила предупреждение по 18 пунктам).

Выговор в данном тексте не имеет манипулятивного характера, поскольку представляет собой объективное изложение юридических фактов. Порицание компании («была осуждена») и вынесение предупреждения («получила предупреждение») описываются как результат формализованной судебной процедуры, а не как средство эмоционального воздействия или инструмент достижения скрытых целей агенса. В тексте отсутствуют типичные лингвистические маркеры манипуляции, такие как эмоционально-оценочная лексика, стилистические средства художественной выразительности или апелляция к чувствам адресата. Информация представлена в виде констатации фактов с указанием конкретных цифр (36 обвинений, 18 пунктов), что усиливает фактологическую точность сообщения.

After a three-year investigation involving the Police Complaints Authority, it was announced that a number of police officers were to be admonished or advised about their conduct and were to face disciplinary charges. — После трехлетнего расследования, проведенного Управлением по рассмотрению жалоб на действия полиции, было объявлено, что некоторым полицейским будут сделаны выговоры или выданы рекомендации относительно их поведения, также им будут предъявлены дисциплинарные обвинения [100].

Данный отрывок освещает результаты расследования в отношении сотрудников правоохранительных органов. Контекст указывает на завершение длительного (трехлетнего) расследования, проведенного специализированным надзорным органом — Управлением по рассмотрению жалоб на действия полиции. В отрывке сообщается о принятых административных реше-

ниях в отношении полицейских, чье поведение стало предметом расследования. Фраза *a number of police officers were to be admonished* (некоторым полицейским будут сделаны замечания) вводит элемент ответственности и порицания действий группы пациентов, что явно обозначает их поведение как недопустимое. В этом контексте высказывание носит формальный характер, акцентируя внимание на необходимости соблюдения профессиональной этики и стандартов, что важно для поддержания доверия к полиции.

Рассмотренный отрывок не обладает манипулятивным характером, поскольку текст представляет собой формальное информирование о результатах официального расследования, а не попытку воздействия на пациента. Более того, порицание выражается как стандартная административная процедура («выговор»), отсутствуют слова с ярко выраженным коннотативным значением, которые могли бы указывать на субъективное отношение агенса к пациенту.

An employer is entitled to dismiss an employee for misconduct. Poor timekeeping over a long period usually amounts to misconduct. Other fair reasons for dismissal would be misconduct in the form of disobeying the employer's orders, non-co-operation, causing violence, bad language, drunkenness, dishonesty, incompetence and incapacity. — Работодатель вправе уволить сотрудника за совершение проступка. Например, систематическое ненадлежащее использование рабочего времени обычно считается основанием для увольнения. К другим действительным причинам для прекращения трудового договора относятся случаи неподчинения указаниям работодателя, отсутствие сотрудничества, применение физического насилия, грубая лексика, алкогольное опьянение, нечестность, недостаточная квалификация и неспособность выполнять трудовые обязанности [100].

Последний отрывок затрагивает важнейшие аспекты трудовых отношений, конкретно фокусируясь на праве работодателя (агенса) уволить сотрудника (пациенса) за проступки. В контексте юридических и профессиональных норм, описанных в отрывке, рассматриваются различные виды действий,

которые могут привести к расторжению трудового договора. Также отсутствуют эмоциональная лексика и оценочные суждения, которые могли бы использоваться для давления на работников, что указывает на отсутствие манипуляции.

На основе концептуального анализа можно сделать вывод о том, что осуждение более универсально и охватывает разные стороны поведения, расходящегося с нормами морали и этики, обладая при этом манипулятивным характером, в то время как выговор имеет четкую юридическую и административную направленность, фокусируется на нарушении установленных правил в профессиональной среде и не носит манипулятивного характера. В свою очередь, упрек более конкретен и направлен на определенное поведение или действия человека. Это выражение недовольства или критики в отношении чьих-либо действий, которое может быть как корректирующим, так и оценочным.

4.3. Инфлуктивный речевой акт «порицание» в дискурсивном аспекте

Рассмотрим порицательные высказывания в прагматическом аспекте.

Структурный анализ порицательных инфлуктивов показал, что самой продуктивной моделью построения для изучаемого речевого акта является структура **«существительное / местоимение + глагол + существительное / словосочетание с существительным в ядре / местоимение»**.

And **I warned you** about not letting a Catholic come to a Church of England service [123, p. 41].

Речевой акт «порицание» выражен при помощи конструкции «местоимение + глагол + местоимение» с глаголом *warn* («предупреждать») в ядре, имеющим следующее значение: «Если вы предупреждаете кого-то о чем-то, например о возможной опасности или проблеме, то вы сообщаете ему, чтобы

он знал об этом» [102]. Фрейм «Предупреждение» характеризуется следующим набором ядерных слотов: агенс, пациенс, тема, сообщение, средство; к периферийному набору слотов относятся время, место, способ. В данном примере одна из прихожанок церкви использует речевой акт «порицание», обращенный священнику и направленный на то, чтобы повлиять на настоятеля церкви. Агенс возмущена поведением молодой женщины Кары, одной из главных героинь романа, во время причастия. Молодая особа подавилась кагором, вследствие чего обрызгала агенса порицательного речевого акта. Агенс порицания, зная, что Кара является католичкой, после божественной литургии обращается к священнику с порицательным речевым актом, направленным на убеждение священнослужителя в том, что католичка не может посещать англиканскую церковь. Ко всему прочему она добавляет, что будет жаловаться в вышестоящие органы, если увидит Кару в храме еще раз: *...I like to report my opinion upward* [123, p. 42]. Интересно, что речевой акт «порицание» в данном примере совмещен с речевым актом «угроза». Согласно данным Frame.Net, фрейм «Угроза» характеризуется близким к фрейму «Порицание» набором слотов, однако имеет усеченную слотовую модель. Причем употребление речевых актов порицания и угрозы вместе является типичным для англоязычных лингвокультур. В представленном примере агенс манипулирует сознанием пациенса (священника) через порицание с тем, чтобы изменить его поведение. В результате священник начинает сомневаться в правильности своего предназначения и задумывается о смене трудовой деятельности в пользу своего первого, медицинского образования. Следовательно, агенсу удалось воздействовать на сознание пациенса.

Рассмотрим пример порицательного инфлюктива с интенсификатором:

While engaged in this intensive study of a narrow range of the English language, **the students had little time** for anything else. **I often found it necessary to reprimand students for learning their TOEFL words during classes** [100].

Пациенсами данного инфлюктива являются студенты. Порицанию подвергается деятельность студентов по заучиванию слов для того, чтобы сдать международный экзамен по английскому языку, во время других занятий. Порицательные речевые акты построены по моделям «существительное + глагол + словосочетание с существительным в ядре» и «местоимение + наречие + глагол + местоимение + прилагательное + инфинитив + существительное + предлог + герундий + притяжательное прилагательное + словосочетание с существительным в ядре». В состав диктума входит наречие частотности *often*, интенсифицирующее содержание инфлюктива. Посредством речевого акта «порицание» осуществляется манипулятивное воздействие, в результате которого агенс побуждает коллективный пациенс поменять свое отношение к ее предмету.

Порицания также весьма часто строятся по модели **отрицательного предложения**.

Рассмотрим речевой акт «порицание» в отрывке из романа «Дорогой Джон» (*Dear John*) Н. Спаркса: *I mean, it's not much, but the food's good* [138, p. 14]. Порицание построено согласно модели «местоимение + глагол + отрицательная частица + наречие». На русский язык данное порицательное высказывание было переведено следующим образом: «Тут, конечно, не лукуллов пир, зато сытно». Переводчик использовал фразеологизм «лукуллов пир», обозначающий невообразимо роскошное пиршество с огромным количеством изысканных блюд и напитков. Происхождение данного выражения отсылает к личности римского богача и полководца Лукулла, устраивавшего пышные пиры. Данная аллюзия усиливает эффект порицательного действия с концептуальным признаком упрека. Причина порицания заключается в потребности выразить чувство недовольства от обеда. Переводчик обращается к использованию исторического факта, тогда как в оригинале порицание просто заключено в диктум с отрицательным предложением с частицей *not*.

Порицательный речевой акт с отрицанием в ядре *It's not right for a lady to be eating alone* [123, p. 151] построен согласно модели «местоимение + глагол + отрицательная частица + прилагательное + предлог *for* + существительное + инфинитивная конструкция + наречие». Данный речевой акт направлен на побуждение *пациенса* порицания, Френсис, поужинать вместе с *агенсом* и вызывает к этикетным нормам поведения, в результате чего *пациенс* соглашается, а следовательно, манипуляция оказывается успешной.

Рассмотрим манипулятивный порицательный речевой акт, взятый из произведения С. Кинселлы «Моя [не]идеальная жизнь»:

“We shouldn’t cover our faces!” a man exclaims. “We should cover the minutes of the meeting!” [125, p. 33].

В экспрессивном инфлюктивном речевом акте «порицание» в рамках отрицательных восклицательных конструкций дважды используется глагол *cover*, но в двух разных значениях, представленных в словаре Collins: «1. Если вы *накрываете* что-либо, вы помещаете что-то другое поверх, чтобы защитить, спрятать или закрыть это. 2. Если вы *освещаете* какую-либо тему, вы обсуждаете ее в лекции, курсе или книге» [102]. Это позволяет проследить полисемию. Такая двусмысленность становится основой манипуляции: во втором значении глагол *cover* является манипулятивным. Порицание структурно оформлено согласно модели «личное местоимение + модальный глагол с отрицательной частицей + инфинитив + фраза с существительным в ядре». Перлокуция адресата представлена следующим образом: “*They’re only draft minutes,*” *puts in a blond woman, looking anxious and putting both arms over her printed sheets* [125, p. 33]. В данном примере реакция представлена вербальным путем в виде оправдания за недобросовестно сделанную работу. Кроме того, читатель может также проследить и невербальную реакцию, выражающую обеспокоенность адресата (*пациенса*), в комментарии автора.

Менее продуктивной моделью построения порицательного инфлектива является структура **вопросительного предложения**.

Неоднократные речевые акты порицания с концептуальным признаком осуждения, отражающие недовольство героини (*агенса*) относительно поведения героя (*пациенса*), который превратил квартиру в склад с коробками товаров (что послужило *причиной* порицательного *действия*), используются автором в многочисленных вопросительных конструкциях в *диктуме*:

“So, are you moving these boxes somewhere else?” I press Alan.
“Like, soon?”

Maybe I shouldn’t be so cynical, I tell myself. Maybe he has lots of buyers lined up and all this will be gone by tomorrow.

“I’ll be selling them.” He gives me a shifty look. “Making contacts.”

I knew it.

“Alan, you can’t keep it all here!” I wave my arms at the boxes.

“No space in my room,” he says with a shrug” [125, p. 40].

“Alan!” I yell furiously, head back to his door, and pound on it.
“What’s going on in the kitchen!”

“What?” As Alan opens the door, he has a belligerent look.
“I couldn’t fit it all in the hall. It’s only temporary, till I sell it.”

“But —”

“This is my *business*, OK? Could you try *supporting* it?” [125, p. 41].

Эффект от данных порицательных высказываний был достигнут в силу того, что в *результате* вызвал у *пациенса* желание оправдаться за свой поступок. Пациент оправдывается, а потом вербально реагирует на порицания порицанием во встречных вопросах: *This is my business, OK? Could you try supporting it?*” Судя по использованным графонам в виде курсивных начертаний, автор таким образом передает раздраженную интонацию героя, который акцентирует внимание на важ-

ных для него словах *business* и *supporting*. Следовательно, порицание вызвало недовольство, возмущение и обиду у пациента. Таким образом, в данном случае ярко прослеживается манипулятивное воздействие агенса — *манипулятора* порицательного речевого акта на пациента (*жертву*). Манипулятивная природа порицаний с концептуальным признаком осуждения подробно изучена в предыдущем параграфе.

Заслуживает внимания перевод данных ситуаций общения. Английское слово *whey* означает молочную сыворотку, или всем известный протеин, который принимают люди, занимающиеся спортом. Переводчица перевела данное слово дословно — «вей»¹, что нельзя считать подходящим вариантом для перевода, так как русской аудитории с большой долей вероятности этот термин в таком виде неизвестен. Так как это слово частотно в романе, нельзя не обратить на него внимание. Так, составной окказионализм *vanilla-whey-coated eggs* [125, p. 44] был переведен как «яичница с привкусом ванилина». В целом данный перевод уместен, но более точным был бы вариант «ванильно-протеиновая яичница». В сюжете протеин играет определенную роль, как в случае, когда герои ссорятся друг с другом из-за коробок с ним: “Are you damaging my whey? No, your whey is damaging me!” [125, p. 42]. Перевод получился следующий: «Ты угробила мой вей? Нет, это твой вей угробил меня!» Игра слов в конструкции с хиазмом передана отлично, однако само слово «вей» способно привести читателя в замешательство.

Следующие примеры порицательных речевых актов построены по малопродуктивным моделям.

There was no justification for the ban in the first place (pause) and is the Secretary of State not concerned that the International Labour Organisation has expressed much concern over the continuing ban and it may well be that in view of the fact that the government is

¹ Кинселла С. Моя [не]идеальная жизнь / пер. с англ. Е. Фрадкиной. М., 2020.

not willing to compromise in any way may well decide to formally rebuke and reprimand the government. If that is the case you'll be the first ever case of a Western government being so reprimanded [100].

В порицательном инфлуктиве пациенсом является правительство. Манипулятивный эффект порицания усилен конструкцией *the first ever case* в условном предложении в рамках диктума, придающей порицательному инфлуктиву большую убедительность. Данный порицательный речевой акт имеет целью изменить стратегии принятия решений правительством.

Обратимся к рассмотрению порицательного речевого акта, взятого из романа З. Смит «О красоте».

“Bloody hell. Could you excuse us? **Like Piccadilly Circus** in here. Jerome! Zora?” Howard cupped a hand to his ear like a man waiting for a response to his fake bird call.

“Howard,” tried Kiki, holding up the frame, “Howard, look at this.”

“Levi? No? Have to be us, then. Just excuse us one minute” [136, p. 12].

Во время домашней вечеринки в доме Белси в дверь раздаётся звонок, и Говард Белси поручает дочери встретить гостей. Эта задача не прельщает героиню — она чувствует себя очень неловко, когда остается одна с приглашенными гостями, и ее охватывает волнение. В *диктуме* содержится порицательная аллюзия *like Piccadilly Circus in here*, структурно представленная в сравнительной конструкции с *like*. Площадь Пикадилли — оживленный перекресток в самом сердце Лондона. Таким образом, дом семьи Белси сравнивается с оживленным местом, ведь он очень быстро наполняется большим количеством гостей.

“So, head won over heart.”

“That’s right.”

“Shame,” I venture, and an odd, lopsided smile passes over Alex’s face. “Heads. Hearts. Same old, same old.”

“Although actually,” I say after a moment’s thought, “maybe it was heart over head...” [125, p. 49].

В приведенном примере речевой акт порицания выражается во фразе *Heads. Hearts. Same old, same old*. С целью выражения пренебрежительного отношения героя (*агенса*) к сказанной героиней (*пациентом*) фразе в рамках *диктума* используется повтор эллиптического выражения *Same old, same old*, структурно оформленный в виде идиомы и лишний раз подчеркивающий порицательный, с концептуальным признаком неодобрения, оборот.

Ироничное порицание, как правило, передает глубокое раздражение агенса действиями пациента:

“*Thanks for all the trouble finding a working link Myst. What would we do without you?*” [100].

Данный пример демонстрирует ироничное порицание. Оно подается шутливо: *Thanks for all the trouble* звучит как выражение неприязни к действиям пациента, дополненное причинной (... *finding a working link*).

На основе проведенного лингвопрагматического и концептуального анализа можно констатировать, что речевой акт «порицание» участвует в формировании категории инфлюктивности в силу того, что содержит эмоционально-оценочную лексику. Порицание приводит к манипулятивному воздействию на пациента, если содержит концептуальный признак «осуждение».

Для речевого акта «порицание» наиболее частотными структурами являются «существительное / местоимение + глагол + существительное / словосочетание с существительным в ядре / местоимение», «отрицательное предложение, вопросительное предложение», а менее частотными — «существительное / местоимение + глагол + наречие + прилагательное», сравнительная конструкция и восклицательное предложение. На рисунке 10 представлены все модели построения порицательных инфлюктивов в количественном соотношении.

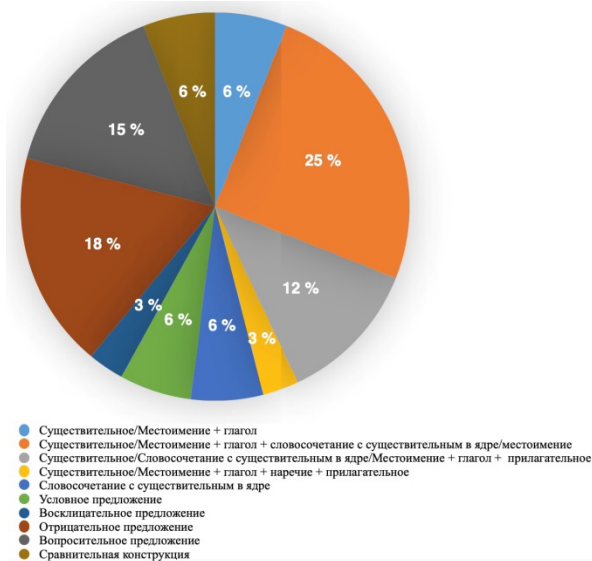

Рис. 10. Структурная частотность речевого акта порицания

Интересно, что речевой акт порицания реализуется напрямую, выражая эмоции и чувства агенса. Тем не менее следует учесть, что данный речевой акт не является формой речевого акта оскорбления. Хотя степень категоричности и выражения отрицательной оценки пациенса могут быть крайне высокими, речевой акт порицания предполагает интенцию пациенса к исправлению ошибки:

— Your hands are dirty. Look at the state of your hands. Go on Andrew, go and wash your hands, you can't possibly eat with hands that colour [100].

Заметим, что при реализации речевого акта порицания нередки случаи употребления императивов. Так, в данном примере агенс указывает на проблему (грязные руки) и требует ее решения, отчитывая пациенса.

Как правило, порицание выражается сугубо вербально, поскольку требуется указание на причину. При этом само недовольство действиями пациента, до озвучивания речевого акта порицания, может сопровождаться невербальными средствами, такими, например, как покачивание головой, закатывание глаз, вздохи:

“...those people who like Barry Manilow and John Cage?” Slater **rolled his eyes**. “This is Science Fiction, Graham, not Monty Python” [100].

Заметим, что имплицитные проявления порицания являются индикаторами самого речевого акта порицания, но не выполняют его коммуникативную цель. Как эксплицитный речевой акт порицание требует прямого выражения и указания. Тем не менее маркеры-указатели (невербальные средства выражения порицания), формирующие у пациента отрицательную реакцию, имеют место.

Вывод

Концептуальный анализ речевого акта «порицание» с применением дефиниционного анализа лексикографических источников позволил установить, что ПОРИЦАНИЕ как концепт обладает следующими концептуальными признаками: упрек, неодобрение, осуждение, выговор.

В результате фреймового анализа речевого акта порицания было выявлено, что происходит полное концептуальное проецирование между ядерными слотами фрейма «Манипуляция» и ядерными слотами фрейма «Порицание» с концептуальным признаком осуждения. Порицание-осуждение, наряду с комплиментом-лестью, обладает манипулятивной природой.

В ходе дискурсивного анализа речевого акта «порицание» с концептуальным признаком выговора, мы сделали вывод, что манипулятивная природа нехарактерна для высказываний

с выговором в диктуме. В отличие от манипуляции, которая преобладает в речевом акте «порицание» с концептуальным признаком осуждения, где субъект намеренно использует информацию ради извлечения выгоды, в случаях речевого акта «порицание» с концептуальным признаком выговора мы наблюдаем взаимодействие, основанное на принуждении, а не на свободе выбора. Кроме того, во всех проанализированных примерах с порицанием-выговором отмечается отсутствие эмоционально окрашенной лексики, использование объективных фактов, отсутствие элементов навязывания мнений или намеренного эмоционального воздействия на пациента; примеры носят юридическую и административную направленность. Речевой акт порицания имеет как имплицитную, так и эксплицитную форму выражения, при этом предпочтительна вторая форма, поскольку агент зачастую стремится прямо указать на причину порицания.

Самой частотной моделью построения речевого акта порицания согласно структурному анализу является «существительное / местоимение + глагол + словосочетание с существительным в ядре / местоимение».

Глава 5

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФЛУКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА «ОСКОРБЛЕНИЕ»

5.1. Определение инфлуктивного речевого акта «оскорбление»

Анализ англоязычных лексикографических источников позволил выделить следующие концептуальные признаки оскорбительного инфлуктива:

1) *To act in a way or say something that is offensive or rude to someone* [101] — делать или говорить что-то оскорбительное или невежливое по отношению к кому-либо;

2) *To treat with insolence, indignity, or contempt* [108] — проявлять наглость, пренебрежение или презрение;

3) *If someone insults you, they say or do something that is rude or offensive* [102] — если кто-то вас оскорбляет, он говорит что-то невежливое или обидное или совершает невежливый или обидный поступок по отношению к вам;

4) *To say or do something that offends somebody* [104] — говорить или делать что-то, что вызывает у кого-то чувство обиды.

Интерпретируем данные дефиниции:

1) оскорбление проявляется в форме как устных высказываний, так и действий, которые вызывают неприятные или обидные эмоции у другого человека, являются неприемлемыми и способствуют появлению чувства отвращения или негативных эмоций у адресата;

2) оскорбление заключается в презрительном или пренебрежительном отношении, проявлении наглости со стороны адресанта относительно адресата;

3) оскорбление выражено в форме устных высказываний или в виде действий, которые нарушают общепринятые нормы

вежливости и уважения, используются с целью унижить или задеть адресата и вызвать у него негативные эмоции и чувство обиды;

4) оскорбление происходит посредством слов или действий, которые адресант расценивает как обидные, вызывающие негативные эмоции.

Проанализировав развернутые определения, можно выделить следующие общие аспекты:

1. Двойственность способа выражения. Оскорбление может проявляться в различных формах коммуникации, как вербальных, так и невербальных.

2. Эмоциональная окраска. Отмечается, что оскорбление обычно сопровождается негативными эмоциями, в первую очередь у адресанта. Такие характеристики действия оскорбления, как *offensive* (оскорбительный, обидный), *rude* (грубый), *with contempt* (с презрением), указывают на негативную эмоциональную окраску оскорбления.

3. Целенаправленность. Некоторые определения указывают на то, что оскорбление может быть делиберативным актом, который осознанно направлен на причинение вреда или унижение другого человека.

4. Нарушение норм общения. Оскорбление часто связано с нарушением общепринятых норм вежливости и уважения, что выражено в употреблении характеристики *rude* (грубый) в определениях.

Таким образом, на основе исследования англоязычных дефиниций можно выявить набор когнитивных признаков концепта ОСКОРБЛЕНИЕ в англоязычной концептосфере: случайный или целенаправленный акт коммуникации, который может проявляться в вербальных и невербальных формах (*действие*) и часто сопровождается негативными эмоциями (*результат*) и нарушением общепринятых норм вежливого общения (*результат*). Кроме того, у оскорбления всегда есть субъект (*агент*), совершающий данный акт, и объект (*пациент*), на который он направлен.

Концептуальные признаки концепта ОСКОРБЛЕНИЕ в англоязычном дискурсе следующие: унижение, неуважение, провокация.

Рассмотрим дефиниции понятия «оскорбить» в русскоязычных лексикографических источниках:

Тяжело обидеть, унизить. О. действием. О. чьи-н. чувства [92].

Причинить моральный ущерб, тяжело обижать, крайне унизить кого-л. [89].

Крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-чему-н. Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок. *Грибоедов*. Неужели мое обращение к вам могло оскорбить вас? *Тургенев*. Напрасно хулители мнят оскорбить нас своею гордынею. *А. К. Толстой*. Я вами страшно оскорблен. *Чехов*. Оскорбить чью-н. гордость. Оскорбить действием (офиц.) — избить, нанести удар, пощечину [97].

Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства. О. чью-л. честь, гордость. Смертельно о. чье-л. достоинство. О. кого-л. действием (нанести кому-л. удары, побои). // Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. О. торжественность минуты глупой выходкой. О. в лучших чувствах. О. чей-л. слух, зрение, взор (быть крайне неприятным для чьего-л. слуха, зрения) [87].

Анализ определений рассматриваемого понятия позволяет выделить ряд общих аспектов:

1. Двойственность способа выражения. Оскорбление может проявляться как в виде физических действий, так и в виде высказываний.

2. Целенаправленность. Оскорбление всегда имеет объект, который может быть как абстрактным (например, личность или такие чувства, как гордость, достоинство), так и физическим. Это подчеркивает, что оскорбление может быть направленным на причинение вреда адресанту или его унижение.

3. Эмоциональная окраска. Отмечается, что оскорбление вызывает у адресанта глубокое чувство обиды и унижения, наносит ему моральный ущерб и сопровождается негативными эмоциями.

4. Нарушение принятых норм поведения. Определения, в частности примеры употребления, указывают на то, что понятие «оскорбление» может использоваться в контексте проявления неуважения, например: «Оскорбить торжественность минуты глупой выходкой».

5. Социальные и индивидуальные факторы. Оскорбление часто связано с социальными факторами, такими как честь, в то время как обида — с индивидуальными чувствами. Это указывает на различия в восприятии и понимании оскорбления и обиды.

6. Юридический контекст. В определениях используются такие выражения, как «Оскорбить чью-л. честь», «Смертельно оскорбить чье-л. достоинство», которые изначально употреблялись в правовом дискурсе, а затем стали общеупотребительными.

Стоит также отметить, что по поисковым запросам «оскорбление» и «оскорбить» в сети Интернет были выданы результаты, часть которых отсылает к юридическим текстам и нормативно-правовым актам. При аналогичном запросе на английском языке результатов, включающих понятие *insult* как юридический термин, представлено не было. На основе этого можно сделать вывод о том, что в русскоязычной концептосфере *оскорбление* воспринимается шире: не только как нарушение общепринятых норм вежливости и морали, но и как посягательство на права и свободы человека, которые охраняются законом.

В результате исследования можно определить набор когнитивных признаков концепта ОСКОРБЛЕНИЕ в русскоязычных концептосфере: случайный или целенаправленный акт, совершаемый адресантом (*агентом*), который может проявляться в форме высказывания или *действия*, влечет за собой

серьезные последствия (*постэффекты* — *факультативный слот*), часто сопровождается негативными эмоциями (*результат*) и наносит адресату (*пациент*) моральный ущерб (*результат*).

Дефиниционный анализ показал, что в структуре концепта ОСКОРБЛЕНИЕ в русскоязычной концептосфере представляется возможным выделить следующие концептуальные признаки: унижение, уязвимость.

Отличительные признаки оскорбления в англоязычной концептосфере заключаются в акценте на провокации и неуважении. Эти концептуальные элементы подчеркивают активное и пренебрежительное поведение со стороны адресанта, тогда как отличительные концептуальные признаки данного понятия в русском языке — неприязнь и уязвимость — относятся к адресату оскорбления и отражают его состояние и отношение к ситуации.

Выделенные в результате дефиниционного анализа когнитивные признаки концепта ОСКОРБЛЕНИЕ являются общими для обеих концептосфер и составляют понятийное ядро рассматриваемого концепта.

Лексема *insult* участвует в формировании идиоматического выражения *to add insult to injury* со значением ‘to make someone’s bad situation worse by doing something else to upset them’ (ухудшить чье-то и без того тяжелое состояние, расстроив его еще больше) [101], а также следующих устойчивых словосочетаний: *to hurl insults at someone* в значении ‘to shout insults or rude language at someone angrily’ (со злостью выкрикивать оскорбления или грубые слова в адрес кого-либо) [101], *to trade insults* со значением ‘to insult one another’ (оскорблять друг друга) [108].

Таким образом, концепт ОСКОРБЛЕНИЕ включает следующий набор концептуальных признаков:

- унижение,
- неуважение,
- провокация,
- презрение.

Речевой акт «оскорбление» не получил должного освещения в филологических работах, однако с юридической точки зрения «оскорбление как вид психического насилия есть выражение в обценной лексике или иной неприличной форме умышленной отрицательной оценки другого человека, причиняющей ему эмоциональный вред в виде унижения человеческого достоинства. Непосредственным объектом оскорбления выступает отношение, обеспечивающее неприкосновенность чести и достоинства любого человека (безопасность чести и достоинства человека). Безопасность достоинства человека составляет основной непосредственный объект оскорбления. Безопасность чести является факультативным непосредственным объектом (в случае публичного оскорбления)... С психологической точки зрения вред, наносимый оскорблением, претерпевается потерпевшим в форме переживания отрицательного эмоционального состояния — обиды» [53]. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать очевидную связь между понятиями «оскорбление» и «безопасность», изучению которой посвящен следующий параграф, рассматривающий концептуальные основы речевого акта «оскорбление».

Инвективы, соответствующие речевому акту оскорбления (термин происходит от англ. *invective* — обличительная речь, брань), представляют собой «явление социальной дискредитации субъекта через направленный к нему текст, который воспринимается в конкретной культурной традиции как оскорбительный для адресата. Инвектива может являться прагматической целью говорящего в момент его отказа от следования социальным правилам в процессе коммуникации» [57, с. 260]. В. И. Жельвис определяет инвективный речевой акт как «акт, направленный на выражение негативных эмоций, критики, агрессии или презрения в адрес коммуниканта». Он использует это понятие в широком смысле, включая в него не только «выпад против кого-л.», но и употребление любого слова, способного вызывать негодование и агрессивные реакции, направленные как на другого человека, так и на самого говорящего [22; 23].

С. Г. Воркачев и Г. В. Кусов выделяют связь между понятием инвективы и концептом ОСКОРБЛЕНИЕ, который представляет собой совокупность речевых и языковых тактик. Эти средства описывают отрицательную речевую модель личности, противоположную этносоциальному идеалу, представленному в лингвокультуре как образец для подражания. В речи эти средства «могут вызывать оценочный дисбаланс между максимальной социальной репрезентацией языковой личности (как индивид хотел бы, чтобы о нем думали другие) и максимальной социальной самоидентификацией языковой личности (как индивид воспринимает себя сам)» [14, с. 96].

В межличностных взаимодействиях инвектива определяется как настроение, которое выражает негативное отношение говорящего к другому человеку. Она включает в себя негативную оценку личности, ее характеристик, поступков и мыслей, а также проявляет нежелание говорящего прислушаться и понять своего собеседника. Эти аспекты совместно создают негативное эмоциональное поле между коммуникантами.

Н. Э. Трофимова относит инвективы к группе инфлюктивов — речевых актов выражения эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, «к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и межличностных ролей (похвала, порицание, комплимент, оскорбление)» [57, с. 22]. Для дальнейшего исследования важно разграничить инвективы от смежных речевых актов, также являющихся инфлюктивами, — «брани, акта спонтанного выражения отрицательных эмоций, который представляет собой проявление эмоционального стресса, когда говорящий пытается избавиться от напряжения, используя резкие или непристойные выражения, с целью достичь эмоционального облегчения, например *Crap!*; ругани, акта выражения говорящим своего недовольства или негодования, всегда ориентированного на конкретный объект, например *Shut up!*; отрицательных оценочных суждений, являющихся рационально мотивированной оценкой, выраженной в форме утверждения, например *Your approach to problem-solving is*

fundamentally flawed and impractical. Инвектива, в свою очередь, реализует намерение говорящего дискредитировать адресанта за счет речевого действия оскорбления, интенцией которого является достижение желаемого ментального состояния адресата» [77, р. 7].

Для выражения инвективности применяются разнообразные лингвистические средства, включая не только лексемы с инвективным смыслом, но и потенциально инвективные конструкции, такие как эвфемизмы, метафоры, иронические высказывания. Важным фактором при выборе конкретных средств вербализации эмоций выступает реальная коммуникативная ситуация, поскольку она дифференцирует применение инвективных лингвистических средств [58, с. 178]. Этот аспект важен для более глубокого понимания того, каким образом языковые средства воздействуют на восприятие и эмоциональные реакции адресата.

П. Браун рассматривает инвективы на лексическом уровне и выделяет слова и выражения, придающие высказываниям отчетливо негативную окраску, такие как *fool*, *runt*, *simpleton* и прочие бранные слова и вульгаризмы [68]. Это, как правило, оценочные существительные, материализующие эмоции говорящего. К. Е. Изард конкретизирует их как эмоции гнева, отвращения и презрения, которые «можно объединить в “триаду враждебности” и даже увидеть в этой триаде дополнительные элементы страдания и страха» [34, с. 290]. Наряду с конвенциональными инвективными лексемами существуют совершенно абсурдные инвективные обозначения — слова с нетипизируемым лексическим значением. В ритуальном оскорблении важна оригинальность, поэтому говорящий прибегает к использованию самых необычных слов, иногда создавая свои собственные, например *Son of rum puncher*.

Грамматические аспекты, такие как структура предложения и используемые синтаксические конструкции, также обладают семантической нагрузкой и могут быть использованы для усиления негативного воздействия на слушателя.

Из общего списка инвектив можно выделить, как отмечает Жельвис, ограниченное количество стереотипных конструк-

ций [22; 23]. Такое ограничение связано со стереотипностью выражения негативных эмоций по сравнению с положительными. Таким образом, широко распространенный набор грубых инвективных идиом не отличается значительным разнообразием. Это объясняется необходимостью быстрой вербальной реакции при ограниченном времени для подбора слов и существованием определенных клише, где эмоциональная составляющая инвективы может быть настолько яркой, что денотативное значение сохраняется лишь в стремлении передать общий смысл высказывания [20, с. 59].

Разнообразие стилистических средств включает в себя иронию, сарказм, гиперболу, что обогащает анализ многообразием выражения инвективности. Эти приемы формируют широкий арсенал выразительных средств, что особенно важно для передачи эмоциональной окраски высказываний и их воздействия на адресата.

Для инвективного речевого акта можно сформулировать следующие правила, используя с этой целью классификацию речевых актов Дж. Сёрля:

1. Правило пропозиции. Инвектива в своем пропозиционном содержании представляет собой атрибут или характеристику, которую говорящий приписывает адресату. В контексте конфликтной ситуации этот атрибут выражается как инвективный, оскорбительный или пренебрежительный.

2. Правило коммуникативной стратегии говорящего. Адресант активно создает конфликтную обстановку, используя оскорбления и унижения в адрес собеседника, явно демонстрируя свое доминирование над ним.

3. Правило коммуникативной стратегии слушателя. Адресат определяет коммуникативные стратегии в ответ на инвективный речевой акт.

4. Правило иллюкуции. Использование инвективы направлено на демонстрацию говорящим превосходства своего социального статуса над статусом адресата, на обвинение, оскорбление, манипулирование и другие подобные цели.

5. Правило перлокуции. Применение инвективы выражает враждебное отношение говорящего к другому участнику коммуникации и имеет своей целью вызвать ответную враждебность или подчинение со стороны слушателя. Инвектива рассматривается как призыв к вербальному или физическому противостоянию либо попытка умалить личность собеседника.

Сформулированные нормы определяют сущность инвективного высказывания и показывают, что инвективный речевой акт происходит по установленным, типологически единообразным правилам и, следовательно, может быть рассмотрен как стереотипная ситуация, где стереотип понимается как «минимизированное представление, некий инвариант в совокупности “обязательных” валентных связей», репрезентируемых «“предсказуемыми векторами” ассоциаций» [40, с. 375].

Такой признак, как стереотипность, предполагает возможность описания многообразия ситуаций в виде моделей. В этом контексте использование фреймового подхода может обеспечить более системное и структурированное представление инвективных конструкций, позволяя анализировать их в различных сценариях и контекстах.

5.2. Когнитивные особенности инфлюктивного речевого акта «оскорбление»

Проведем анализ концептуальных основ экспрессивного инфлюктивного речевого акта «оскорбление» и построим модель фрейма «Оскорбление», а затем выполним структурный анализ речевого акта «оскорбление».

Оскорбление играет важную роль в формировании категории инфлюктивности. Фрейм «Оскорбление» входит в состав макрофрейма «Стимулирование эмоции». Его ядро образуют следующие слоты: *агенса, пациенс, цель, действие, диктум, результат* и *стимул*. Периферийную структуру составляют слоты *время, место, способ, средство* и *степень* [103]. Ядерный

слот *агенса* отсылает к адресанту оскорбительного речевого акта, ядерный слот *пациенса* — к адресату оскорбительного речевого акта.

Фреймовая структура речевого акта «Оскорбление» схематично представлена на рисунке 11.

Стимулирование эмоции

Рис. 11. Фреймовая структура речевого акта «оскорбление»

Перспективизируемые слоты фрейма «Оскорбление» включают:

- 1) цели и задачи — проявить наглость, неуважение, пренебрежение с целью уязвить чувства и нанести моральный ущерб пациенсу;
- 2) результат — негативная реакция пациенса;
- 3) участники — агенса (адресант оскорбления) и пациенс (адресат оскорбления);
- 4) действие — выражение речевого акта «оскорбление»;
- 5) эффект — ожидаемая негативная реакция пациенса.

Согласно данным Frame.Net, макрофрейм «Стимулирование эмоций» формируют следующие фреймы: «abash.v, aggravate.v, aggrieve.v, agonize.v, alarm.v, amaze.v, anger.v, annoy.v, antagonize.v, appeal.v, arouse.v, astonish.v, astound.v, baffle.v, beguile.v, bewilder.v, bewitch.v, boggle.v, bore.v, calm.v, captivate.v, charm.v, cheer.v, comfort.v, conciliate.v, confuse.v, console.v, crush.v, dazzle.v, delight.v, demolish.v, depress.v, destroy.v, devastate.v, disappoint.v, discomfit.v, disconcert.v, discourage.v, dishearten.v, displease.v, distress.v, disturb.v, embarrass.v, embitter.v, enchant.v, encourage.v, engage.v, enrage.v, entertain.v, enthrall.v, exasperate.v, excite.v, exhilarate.v, fascinate.v, faze.v, flabbergast.v, floor.v, flummox.v, fluster.v, frighten.v, frustrate.v, fulfill.v, gall.v, gladden.v, grate.v, gratify.v, harass.v, hearten.v, humiliate.v, impress.v, incense.v, infuriate.v, interest.v, intimidate.v, intrigue.v, irk.v, irritate.v, kill.v, let down.v, madden.v, mollify.v, mortify.v, mystify.v, nettle.v, nonplus.v, offend.v, outrage.v, pacify.v, perplex.v, perturb.v, petrify.v, placate.v, please.v, puzzle.v, rankle.v, rattle.v, reassure.v, repel.v, revolt.v, rile.v, sadden.v, satisfy.v, scare.v, shake.v, shame.v, shock.v, shocker.n, sicken.v, sober.v, solace.v, soothe.v, spook.v, stagger.v, startle.v, stimulate.v, sting.v, stir.v, stun.v, stupefy.v, surprise.n, surprise.v, terrify.v, thrill.v, tickle.v, torment.v, traumatize.v, trouble.n, trouble.v, unnerve.v, unsettle.v, upset.v, vex.v, vexation.n, worry.v, wound.v, wow.v» [103].

Классификация речевых актов оскорбления базируется на двух глобальных категориях: перформативность / неперформативность, условность / нетрадиционность. Перформативный акт оскорбления отражает лишь факт оскорбления. Неперформативные речевые акты оскорбления представляют собой подкатегорию перформативных речевых актов оскорбления и отражают фактическую реализацию номинального потенциала оскорбления. Неперформативный речевой акт оскорбления может быть нетрадиционным и конвенциональным, в этом отражается ненаправленность / направленность инвективной лексики.

Следует отметить корреляцию фреймов «Оскорбление» и «Комфорт», так как эти фреймы участвуют в формировании макрофрейма «Стимулирование эмоций».

Фрейм «Комфорт» формируется ядерными слотами *агенса*, *пациенса*, *диктума*, *действия*, *результата*, *причины*, *эффекта*, *темы*, *стимула* и периферийными слотами *степень*, *способ*, *средства*, *цель*, *место*, *время*. Он входит в макрофрейм «Стимулирование эмоций» [103]. Структура фрейма «Комфорт» наглядно представлена на рисунке 12.

Рис. 12. Структура фрейма «Комфорт»

Заслуживает внимания и тот факт, что помимо фрейма «Комфорт» фрейм «Безопасность» коррелирует с инфлективами «Оскорбление», «Комплимент» и «Порицание». Фрейм «Безопасность» формируется ядерными слотами *агенса*, *пациенса*, *ценность*, *опасное событие* и периферийными слотами

степень, место, время [103]. Взаимодействие фреймов инфлуктивных речевых актов с фреймами «Комфорт» и «Безопасность» наглядно представлено на рисунке 13.

Рис. 13. Взаимодействие инфлуктивных фреймов «Комплимент», «Порицание» и «Оскорбление» с фреймами «Комфорт» и «Безопасность»

5.3. Инфлуктивный речевой акт «оскорбление» в дискурсивном аспекте

Инвективные речевые акты в силу своей экспрессивности оказывают существенное влияние на межличностную коммуникацию и социальное взаимодействие, включая характер общения и отношений между участниками коммуникации. Сам выбор говорящим инвективной стратегии обусловлен рядом факторов. Исходя из этого представляется необходимым про-

анализировать инвективные речевые акты, реализующиеся в различных контекстах. Данный тип анализа позволит рассмотреть инвективные речевые акты не только как отдельные высказывания, но и как элементы более широких коммуникативных процессов.

Для объективной интерпретации речевого акта и анализа его прагматического аспекта необходима определенная активность его адресата. В связи с этим мы будем рассматривать примеры диалогической речи, в которых реакция собеседника на инвективное высказывание получает вербализацию.

Рассмотрим инфлюктивный речевой акт «оскорбление» в дискурсивном аспекте. Обратимся к изучению оскорбительного инфлюктива, построенного согласно самой продуктивной модели **«существительное / местоимение + глагол + словосочетание с существительным в ядре / местоимение»**.

Анализируя исследуемый материал, мы заметили, что нередко происходит концептуальное проецирование между фреймами «Оскорбление» и «Манипуляция». Проиллюстрируем это одним из примеров:

When I left the door that day, when we ended that business, because Ray rightfully, I think now in hindsight, was angry. He gave me the gift of a lifetime. He said to me: “You know, Barbara, you will never succeed without me.” And you know what? If he had said: “You know, Barbara, you’re amazing. I’m sure you’ll do fine,” I don’t believe I would have stayed in business in the tough times. It was my sheer ego of that insult burned so deep in my soul that I thought of a new thing that got me through the tough times in business [100].

Оскорбление *You know, Barbara, you will never succeed without me* является скрытым, так как не содержит резко негативной лексики и воспринимается таковым в результате осмысления всей фразы в данном контексте употребления [43, с. 18]. Испытывая негативные эмоции по случаю потери работы (...*we ended that business... Ray... was angry*) (*причина*), говорящий (*агент*) предпринимает попытку воздействовать на

эмоциональное состояние своего собеседника (*пациенса*). При помощи речевой агрессии адресант стремится понизить социальный статус адресата (*цель*) и задеть его чувство собственного достоинства (*цель*). Для этого используется прием коммуникативного давления, а именно угроза (*средство*), то есть оскорбительно незаслуженное подавление интеллектуальной составляющей сознания адресата [43, с. 15]. Цель данной угрозы — заставить собеседника сомневаться в возможности достичь успеха в будущем без помощи говорящего. Анализируемый речевой акт является примером реализации оскорбления с концептуальным признаком «унижение».

Кроме того, адресант проявляет манипулирующую агрессию, с помощью которой стремится изменить личностные установки адресата, его убеждения и взгляды. В связи с этим происходит концептуальное проецирование между фреймами «Оскорбление» и «Манипуляция». Адресант намеревается изменить отношение собеседника к себе в лучшую сторону и повысить собственную значимость: заставить думать, что без него успех невозможен, а значит, с ним необходимо продолжать работать, чтобы получить желаемый результат (*цель*).

Особый интерес представляет перлокутивный аспект анализируемого оскорбления. Реакция на речевую агрессию соответствует интенциям говорящего: адресант признается в том, что оскорбление вызвало у него негативные эмоции, а также чувство унижения и сомнения в собственных способностях (*результат*): *It was my sheer ego of that insult burned so deep in my soul...* Однако манипулятивное воздействие оказывается безуспешным и реализуется не так, как того ожидал адресант, то есть реципиент не изменяет свое отношение к себе, не соглашается с высказыванием адресанта и не поддается влиянию угрозы. У адресата появляется желание опровергнуть само высказывание и доказать обратное (*результат*). *Постэффект* проявляется в виде положительных последствий оскорбления для коммуниканта, и он называет его подарком всей жизни (*the gift of a lifetime*). Важно отметить, что подобные послед-

ствия оскорбления не являются типичными и обусловлены последующей уникальной интерпретацией высказывания реципиентом: в силу чрезмерного эмоционального влияния и причинения морального вреда произошло переосмысление им оскорбления и он начал рассматривать его как мотивацию достичь успеха самостоятельно.

Необходимо прокомментировать, почему именно инвективное высказывание оказало на коммуниканта такое сильное воздействие и привело к описанному им результату, тогда как комплимент, как он утверждает, не произвел бы подобного эффекта. Согласно междисциплинарному исследованию в области когнитивистики и нейробиологии, проведенному группой ученых из Утрехтского университета, реакция человека на оскорбление сильнее, чем на комплимент. Это научно обосновано тем, что человеческий мозг реагирует на речевую агрессию так же, как и на физическую, из-за чего оскорбление может быть названо «легкой лингвистической пощечиной». Оно также представляет собой угрозу для реципиента — проблему, которую необходимо решить для возвращения в безопасное состояние, а потому автоматически захватывает и более долго (по сравнению с положительными эмоциями) удерживает внимание. Как следствие, оскорбления оказывают на человека большее воздействие, чем комплименты, и дольше остаются в его памяти, наглядным примером чего и является рассматриваемый нами текст.

Таким образом, проанализированный пример показывает, что намеренное сообщение ложной информации посредством речевого акта оскорбления с концептуальным признаком «унижение» способно привести к манипулятивному воздействию на адресата, а оказываемый эффект, проявляющийся в виде негативных эмоций, может иметь долгосрочный характер и оказывать влияние на поведение адресата.

Менее продуктивной моделью построения оскорбительного инфлюктива является **вопросительное предложение**. Рассмотрим несколько интересных примеров.

В качестве первого примера возьмем отрывок из романа «Дорогой Джон» (*Dear John*) Н. Спаркса:

“I didn’t ask for your help. I don’t want your help. And **why is it any of your damn business**, anyway?” [138, p. 44].

В оскорбительном речевом акте используется идиома *none of (one’s) business* с просьбой не вмешиваться в чужие дела, адресованной собеседнику — *паиенсу*. В данном примере с оскорбительным речевым актом в *диктуме* используется структура вопросительного предложения «вопросительное слово + вспомогательный глагол + местоимение + детерминатив + предлог *of* + фраза с существительным в ядре», которая употребляется в 17% рассмотренных нами примеров речевого акта «оскорбление». *Эффект* от порицания усиливает употребление *агеном* лексемы *damn*, которая обычно используется в неформальной ситуации общения для выражения злобы и нетерпения [102].

Следующие примеры взяты из романа Н. Спаркса «Выбор» (*The Choice*).

“Don’t get me wrong. I’m sure that some of the people I deal with are a lot like some of the people you have to deal with.”

“You mean pushy? Neurotic? With tendencies toward hypochondria? In other words, crazy?” [140, p. 54].

Главный герой, Трэвис Паркер, работает ветеринаром в клинике. Общаясь с Габи Холланд, он обсуждает клиентов своей клиники. Габи (*агеном* оскорблений) предполагает, что клиенты Трэвиса могут быть «нахальными, нервными, чокнутыми», перечисляя оскорбительные прилагательные. В данном случае в *диктуме* используются вопросительные модели предложений для построения оскорбительных речевых актов. Эллиптическая форма построения вопросов придает оскорбительным инфлективам бóльшую эмоциональность.

“Did anyone ever tell you that you can be a little bit too pushy at times?” [140, p. 106].

Трэвис рассказывает своей сестре Стефани о новой соседке Габи, которая ему понравилась. Стефани (*пациенс*), как подбаивает старшей сестре, пытается учить его жизни, но Трэвис (*агенс* оскорбительного инфлюктива) не всегда соглашается с ней, используя в *диктуме* выражение *too pushy* («наречие + прилагательное») в значении «слишком назойливая». В *диктуме* используется структура вопросительного предложения для построения оскорбительного инфлюктива.

Приведем пример речевого акта «оскорбление» с концептуальным признаком презрения:

“Are you suggesting that I’ve come to —?”

“Continue the extortion your grandmother began?” finished Lucenzo, speaking each word slowly and clearly, to produce the maximum of contempt. “Yes,” he drawled. “I am suggesting that. Why else would you bother to come halfway across Europe during Arctic weather conditions?”

“Oh, how dare you?” she breathed, aghast. “Your role is to meet me, not to pass judgement — which you’re ill-qualified to make. This matter is between me and Corosini” [100].

Ответная реплика второго коммуниканта, Лученцо, иллюстрирует его явно негативное отношение к своему собеседнику, отрицание его ценности и достоинства. Это подтверждается намеренным нарушением «принципа вежливости» Дж. Лича [76, р. 260—271], в первую очередь максимы скромности, так как адресант ставит себя выше своего собеседника. Кроме того, он предоставляет недостоверную информацию, основанную на его субъективном мнении — он проецирует черты характера бабушки собеседника на него самого (несоблюдение максимы качества «принципа кооперации» П. Грайса [71, р. 41—58]), чем подрывает доверие к себе. Происходит конфликтная ситуация.

Инвективность высказывания *Continue the extortion your grandmother began? <...> Yes... I am suggesting that. Why else*

would you bother to come halfway across Europe during Arctic weather conditions? проявляется на лексическом уровне употреблением в адрес собеседника юридического термина *extortion* (вымогательство), который в бытовом дискурсе имеет резко негативную эмоциональную окраску, а также в использовании ироничного вопроса-уточнения как способа указания на очевидные корыстные причины приезда и приема гиперболизации, подчеркивая трудность самого путешествия.

Совершая речевой акт «оскорбление», адресант (*агенс*) стремится продемонстрировать свое превосходство и способность определять намерения другого человека, желая тем самым уязвить реципиента (*цель*). Адресат (*пациенс*) считывает это намерение, реагирует на обвинение в стремлении совершить преступление (*средство*) и вербализирует чувства обиды и злости из-за проявленной несправедливости (*результат*) в вопросе: *Oh, how dare you?* Междометие *oh* подчеркивает уязвленность неожиданным оскорблением. Следовательно, речевой акт «оскорбление» успешен, так как иллокутивный и перлокутивный акты совпадают — реакция адресата соответствует намерениям адресанта.

Изучим примеры оскорбительных инфлуктивов, построенные по малопродуктивным моделям.

Обратимся к примеру оскорбления, взятому из романа Н. Спаркса «С первого взгляда» (*At First Sight*):

“I know you, Lexie. **You can be headstrong**, but you’re not a victim” [137, p. 76].

Автор перевода использует фразеологизм «упрямый как осел», который в русском языке, как правило, употребляется по отношению к мужчине. В данном контексте фразеологизм используется по отношению к главной героине, Лекси Дарнелл (*пациенсу* оскорбительного речевого акта). Лекси обсуждает с бабушкой взаимоотношения со своим будущим мужем. В *диктуме* оскорбительный речевой акт выражен согласно мо-

дели «существительное / местоимение + модальный глагол + инфинитив + прилагательное», которая употребляется в 11 % рассмотренных нами примеров.

“You look like hell” [140, p. 106].

Автор произведения описывает разговор между братом и сестрой, Трэвисом и Стефани. Герой давно не виделись. Стефани (*агенса* оскорбительного инфлуктива) приехала навестить брата (*пациенса*) в больницу, так как его жена Габи была в коме, и, увидев его, была удивлена тем, как он исхудал. Стефани, достав из своей сумки пакетик с арахисом, пытается накормить главного героя. В *диктуме* используется модель «существительное / местоимение + глагол + сравнительная конструкция с *like* + существительное / именная группа».

“Don’t be dumb. It’s gone” [138, p. 12].

Главный герой, Джон, во время своего отпуска отправляется на берег и встречает красивую девушку Саванну (*пациенса*). Сумочку Саванны уронил в воду какой-то молодой человек, случайно задев ее, когда перепрыгивал через перила. Парень не собирается доставать ее сумку, сказав, что никакой нормальный человек туда не прыгнет, поэтому главный герой Джон, решив помочь девушке, прыгает в воду и достает ее сумочку. *Агенса* (парень) использует оскорбление в виде сленгизма *dumb*, в русском языке это слово, имеющее негативную окраску, переводится как *глупый, тупой*. В оригинале текста в *диктуме* используется модель отрицательного предложения («вспомогательный глагол + отрицательная частица + глагол + прилагательное») для построения оскорбительного инфлуктива, которая употребляется в 14 % примеров.

“Have I done something to upset you?”

“Yes, the little voice answered. **You and your damn hip muscles**” [140, p. 37].

Главная героиня, Габи (*агенси* оскорбительного инфлектива), подходит к забору своего соседа Трэвиса, чтобы сообщить, что ее породистая колли забеременела. Габи считает, что в этом виноват Моби, пес Трэвиса. Пообщавшись, Трэвис (*пациенси*) зовет Габи с собакой на осмотр в ветеринарную клинику своего отца, так как он и сам является ветеринаром. Габи негативно настроена по отношению к Трэвису. Агенси в *диктуме* использует прилагательное с негативной окраской *damn*, позволяющее в неформальной ситуации общения выразить чувства злости и нетерпения. Тем самым автор показывает отношение агенса к пациенту. В оригинале текста употребляется модель «существительное / местоимение + союз *and* + именная группа», которая используется в 8% изученных примеров.

Приведем пример реализации речевого акта оскорбления в неформальной коммуникативной ситуации, взятый из Британского национального корпуса, и проанализируем его с точки зрения его прагматического эффекта:

A: This is gonna be easy, just say it, Amalia.

B: I think... Well... I just... So, Santa... So, Santa doesn't exist.

A: And it's kinda creepy that a white guy comes down your chimney anyways.

B: Yeah, especially in these times.

C: You are a liar!

B: Okay, you know what? Whatever you gonna believe, this is none of my business!

C: Fine [100].

Участники данной коммуникативной ситуации — родители и их ребенок, который совершает речевой акт оскорбления. Инвектива выражена на лексическом уровне, а именно лексемой *liar*, которая в англоязычном дискурсе является грубой и оскорбительной, нарушающей нормы этикета и культуры речи. Употребляя ее, коммуникант нарушает все максимы «принципа вежливости» Дж. Лича и создает конфликтную ситуа-

цию. Эти аспекты позволяют сделать вывод о том, что употребленное в данном примере оскорбление *You are a liar!* содержит концептуальный признак «неуважение».

Адресант (*агенс*), услышав информацию, которая относительно его системы знаний является ложной, производит субъективную оценку своего собеседника (*пациенса*) и делает умозаключение, что он лжец. Исходя из этого, инвектива *liar* выполняет номинативную функцию. Испытывая злость, вызванную «ложью» своего собеседника (*причина*), коммуникант выражает недоверие и стремится доказать правдивость своих убеждений (*цель*), используя речевой акт оскорбления.

Неожиданный для реципиента акт речевой агрессии вызывает у него негативные эмоции (*результат*), чувство обиды (*результат*) и нежелание продолжать общение, что доказывает успешность оскорбления. Адресат перестает убеждать своего собеседника, что его суждение о существовании Санта Клауса неверно, хотя и не соглашается с его точкой зрения: *Whatever you gonna believe, this is none of my business!* Следовательно, адресант оскорбления достиг желаемого результата.

Речевая агрессия адресанта (ребенка) провоцирует ответную реакцию со стороны реципиента, которая также выражается при помощи оскорбления как способа удовлетворения своих потребностей, а именно демонстрации власти и самозащиты [42, с. 144]. Таким образом, конфликтная ситуация получает развитие в ответной реплике одного из участников общения: *Okay, you know what? Whatever you gonna believe, this is none of my business!* Не соблюдается максима согласия «принципа вежливости» — уход от конфликта.

Ответное оскорбление пациенса реализует концептуальный признак презрения, для которого характерно проявление не только неуважения, но и невнимания, безучастности к другому человеку. Эта фраза может быть интерпретирована как *I don't care about your beliefs*.

Мы отмечаем, что в начале общения один из родителей часто прерывает высказывание, подбирая слова с целью сооб-

щить новость как можно мягче и осторожнее, приводя аргументы. Однако, оказавшись под воздействием речевой агрессии со стороны другого коммуниканта (*причина*), он меняет свое речевое поведение и выбирает инвективную стратегию как способ самозащиты и восстановления оскорбленного достоинства после проявленного неуважения (*цель*). Инвективность анализируемого примера проявляется на уровне всей фразы, где выражение *this is none of my business* является контекстуальной инвективной конструкцией [20, с. 59].

Акт коммуникации завершается фразой *'Fine'*, с помощью которой ребенок вербализирует в первую очередь свое чувство обиды (*результат*), а также удовлетворенность исходом — попытка доказать неправоту его суждений завершена.

По мнению А. С. Ларионовой, употребление инвективных речевых актов в качестве ответной реплики в ходе конфликта или спора является одним из распространенных способов отстаивания собственной позиции и самозащиты. С помощью ответной вербальной агрессии коммуникант стремится подавить адресата или подчинить его своей воле [44, с. 10].

It was, and is, in community-based education programmes that the problems of resources, space, control, content and method, mentioned by Johnson as the key issues in radical education, have been debated and explored. It is here that efforts have been made to open up resources to working-class communities and/or to provide access into educational institutions. Many of the lessons of this experience have been utilised by those involved in work with women, the unemployed and other oppressed minorities. Yet community education in working-class communities has not grown to offer a radical alternative to traditional adult education provision. What went wrong? Some have suggested that the response was too wide and varied, like a catherine wheel — plenty of sparks and action but little sense of direction and inclined to chase its own tail. This backhanded compliment is, in fact, a tribute to the imagination and commitment of community educators. It also underlines one of the main reasons why community education did not become a radical movement for social

change. Not the lack of direction but the fact that the various initiatives were going in different directions! The common concern with access and resources often disguised quite different assumptions about the nature of the problems facing the working class and the means to resolve them. However, this was not simply a conflict between radical process and radical content. Like the situation in the nineteenth and early twentieth centuries, it was a struggle to resolve some basic contradictions, i. e. a desire to involve the working class in the control of their own education and a concern to link that education to a process of social and community action [100].

В серии оскорбительных отзывов в адрес образовательной системы агенс употребляет метафорическое сравнение-аллюзию *like a catherine wheel* в рамках диктума высказывания, чтобы придать образность описываемой ситуации и усилить за счет создаваемого в сознании пугающего образа, отсылающего к распространенному в Средневековье виду смертной казни, негативный эффект от высказывания.

Таким образом, дискурсивный анализ инвективных речевых актов позволил нам выявить их высокий прагматический потенциал, так как в силу своей экспрессивности данные высказывания оказывают сильное воздействие на реципиента. Выбирая инвективную стратегию, адресант оскорбления намеренно нарушает основные принципы успешной коммуникации, включающие максимы кооперации П. Грайса и максимы вежливости Дж. Лича, что приводит к созданию конфликтной ситуации. Эффективность коммуникации может быть достигнута при последующем соблюдении указанных принципов, что приводит к разрешению конфликта. Успешность речевого акта оскорбления, обусловленная соответствием иллокутивного и перлокутивного значений, наблюдается во всех примерах.

Для выражения речевого акта «оскорбление» наиболее частотной моделью является «существительное / местоимение + глагол + словосочетание с существительным в ядре / местоимение», используемая в 20% примеров от выборки. Немного

реже оскорбление строится согласно модели вопросительного предложения (17% примеров от выборки). Реже встречаются такие структурные модели для построения оскорбительного инфлюктива, как «существительное / местоимение + глагол + наречие», «существительное / местоимение + глагол + наречие + прилагательное», условное предложение, восклицательное предложение и эллипсис, употребляемые в 2% примеров от выборки. Соотношение моделей, используемых для построения речевого акта «оскорбление», представлено на рисунке 14.

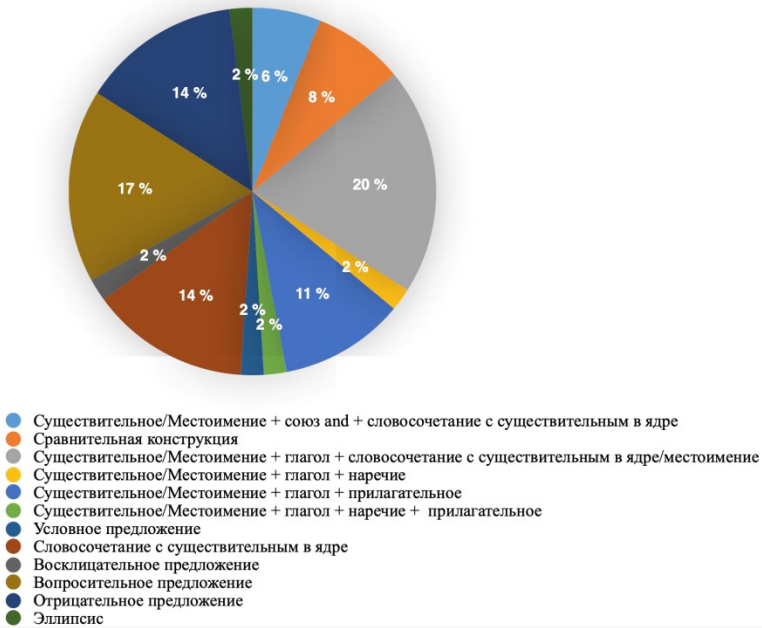

Рис. 14. Структурная частотность речевого акта оскорбления

Некоторые инвективные речевые акты не являются таковыми вне контекста. Отрицательную эмоциональную окраску они приобретают за счет знания говорящего о последующей негативной реакции адресата и его намерения таким образом

причинить реципиенту моральный вред. Так, лексема *kid* не является инвективной, однако приобретает это значение в контексте:

“I don’t know, and I don’t give a damn. How ’bout sitting down or something, Ackley kid? You’re right in my goddam light.” He didn’t like it when you called him “Ackley kid.” He was always telling me I was a goddam kid, because I was sixteen and he was eighteen. It drove him mad when I called him “Ackley kid.”

<...> “Stop calling me ‘Ackley kid’, God damn it. I’m old enough to be your lousy father” [133].

Адресант намеренно подшучивает над своим собеседником, иронично обращаясь к нему ‘Ackley kid’ («ребенок Экли»). Тем самым коммуникант проявляет пренебрежение, в результате которого реципиент испытывает резкие негативные эмоции и прибегает к речевой агрессии, подчеркивая разницу в возрасте и неприемлемость подобного обращения. Контекстуальность инвективности подтверждается дефиниционным анализом лексемы — в определении ‘A young person. Especially: CHILD. → often used as a generalized reference to one especially younger or less experienced’ («1. Юный, молодой человек. Особенно: РЕБЕНОК. → часто используется как обобщенное обозначение человека, особенно молодого или менее опытного») [108] не отражается экспрессивность или стилистическая окраска выражения. Важно отметить, что лексема *kid* является распространенным в англоязычном разговорном дискурсе обращением друзей друг к другу наряду с другими вариантами: *buddy, dude, girl, mate* [78].

Таким образом, данные концептуального и структурного анализа позволили охарактеризовать экспрессивный инфлюктивный речевой акт «Оскорбление» как концепт и определить фреймовую структуру оскорбления, входящего в макрофрейм «Стимулирование эмоций», а также на дискурсивном уровне выявить частотные структурные модели, согласно которым осуществляется построение оскорбительных инфлюктивов в англоязычной речи.

5.3.1. Оскорблимент: отличительные особенности

Оскорблименты частично рассматривались в главе, посвященной комплиентам. Обратимся к анализу примера, ярко иллюстрирующего языковое явление «Оскорблимент» в инвективам дискурсе.

- A: I've lost my way! Oh, sorry dear! Oh oh!
B: <...> You're a real roly-poly aren't you?
A: A — pardon?
B You're a real roly-poly!
A: You're a fine one to talk! Is that an insult or a compliment?
B: I thought it was a compliment.
A: It is?
B: Yeah.
A: Well, I wouldn't call me a "roly".
B: <...> That's all in good fun!
A: Yeah, I know. I know you didn't mean it in offensively.
B: No. No, not offensively! [100].

В приведенном примере один из коммуникантов характеризует своего собеседника как *a real roly-poly*, давая тем самым через номинацию свою субъективную оценку действия адресанта, который, вероятно, оступился или потерял равновесие, что в данном примере вербализировано фразой: *I've lost my way! Oh, sorry dear! Oh oh!* Следовательно, данная инвектива выполняет номинативную функцию.

Выражение *roly-poly* в английском языке имеет следующие интересующие нас значения: «1. Низкий человек с округлыми формами» (*of a person short and round*) [101]; «2. Детская игрушка с круглым основанием, которая стремится вернуться в вертикальное положение, если ее толкнуть или положить» (*a toy for small children, developing motor skills; a child can bat at it without its rolling away. The bottom of a roly-poly toy is round, roughly a hemisphere*) [101].

Лексема *roly-poly* сама по себе имеет экспрессивную окраску, однако не содержит в своей семантике инвективного значения. В данном примере оно проявляется за счет контекста употребления, в котором данная лексема включает в свой иллюкутивный потенциал намерение говорящего оскорбить или унижить собеседника.

По мере развития ситуации общения видно, что адресант знаком с обоими значениями выражения, а значит, намеренно не соблюдает максиму способа «принципа кооперации» и использует полисемантическую лексему, одно из значений которой является оскорбительным, что становится причиной конфликта. Фраза *That's all in good fun!* подтверждает, что благодаря двойственной коннотации он преследовал *цель* подшутить, проявить некое пренебрежение в ироничной, даже саркастичной форме, выраженной в употреблении усиливающего прилагательного: 'a *real roly-poly*'. Посредством данного речевого акта говорящий провоцирует собеседника, скрывая это намерением сделать комплимент путем употребления лексемы *roly-poly* якобы в качестве метафоры к игрушке, которая падает, но затем всегда поднимается (эквивалентом в русском языке может служить контекстно-ситуативное употребление слова *неваляшка*). Данный пример речевого акта «оскорбление» реализует концептуальный признак «провокация».

Анализируемое выражение характеризуется высоким прагматическим потенциалом, так как оказывает на адресата (*нацienca*) сильное воздействие, заставляя испытывать сильные негативные эмоции (*результат*). Посредством таких фраз, как *A — pardon?*, *You're a fine one to talk!* и *Well, I wouldn't call me a "roly"* вербализуются такие состояния говорящего, как замешательство и обида.

Адресант стремится разрешить конфликтную ситуацию и смягчить последствия своего высказывания, производя подмену первоначальной цели, то есть прибегая к манипулятивной стратегии, одной из характеристик которой является неискренность [59, с. 155]: он убеждает адресата в намерении сделать комплимент: *I thought it was a compliment* (максима сим-

патии «принципа вежливости»), затем в том, что это была «просто» шутка: *That's all in good fun!* (максима великодушия, заключающаяся в стремлении избежать дискомфорта), и, наконец, сообщает, что не преследовал цель обидеть собеседника: *No. No, not offensively!* (также максима великодушия). Отсутствие эскалации конфликта подтверждается и самим адресатом: *I know you didn't mean it in offensively* (максима согласия), что, однако, не уменьшает нанесенного ему морального и эмоционального ущерба.

Кроме того, как мы отметили ранее, анализируемое нами оскорбление вызывает у адресата состояние замешательства. Первоначально реципиент воспринимает фразу *You're a real roly-poly aren't you?* в качестве оскорбления, но после начинает сомневаться ввиду возможной двойственности интерпретации, что выражается в вопросе: *Is that an insult or a compliment?* За счет выраженной реакции недоверия и сомнения у адресата, а также требования к адресанту уточнить значение мы можем утверждать, что данный речевой акт также может являться примером сомнительного комплимента, широко известного как *backhanded compliment*. Таким образом, происходит концептуальное проецирование, то есть «взаимодействие нескольких ментальных пространств, структурированных фреймами, как комплексов смыслов (концептов и концептуальных признаков)» [28, с. 42]. В данном случае происходит концептуальное проецирование между фреймами «Оскорбление» и «Комплимент».

Заслуживают внимания следующие оскорблительные:

“Not your type?” “Not really... too thin.” It was a backhanded compliment, the best he could do... [100].

Данный пример представляет речевой акт «оскорбление» с комплиментарной интенцией, так как характеристику внешних данных прилагательным *thin* («худая») адресат — представительница фемининной гендерной идентичности воспринимает скорее как комплимент.

“I don’t believe it.”

“Then you don’t know the place as well as you think you do.”

“I know it a damn sight better than you do!”

Feeling her temper begin to rise again, Rory made a concerted effort to rein it in.

“Are you honestly trying to suggest that a drugs ring could be operating right under my nose without my knowledge?”

“I’m not suggesting it,” he said calmly. “I’m stating a fact.”

His expression thawed fractionally.

“Look, Aurora, this proves the point I’ve been trying to make all along. You may sincerely believe yourself capable of running a nightclub, and as far as the public relations and administration side goes, that’s probably true.”

“Thanks for the backhanded compliment,” she muttered grudgingly. “But there are things you have no experience of,” he continued inexorably as if she hadn’t spoken. “And this is obviously one of them.”

“No experience? But you said yourself just a few moments ago that I’ve been involved in a world where drugs are common currency.”

“And you took great pains to stress that you’ve steered well clear of them,” he pointed out. “Therefore you’re not likely to recognise the danger signs.”

She sighed heavily. There was just no winning with this man. To every argument she put forward he would inevitably find a counter, and she had no doubt that could go on forever. Suddenly she was weary of the constant battle between them [100].

В приведенном примере агенс диктума пытается смягчить оскорбление в виде непризнания профессиональных качеств пациента (*But there are things you have no experience of...*) комплиментом: *You may sincerely believe yourself capable of running a nightclub, and as far as the public relations and administration side goes, that’s probably true.* Однако пациент, зная характер агенса (*There was just no winning with this man. To every argument she put forward he would inevitably find a counter, and she had no doubt that could go on forever*), распознает истинную интенцию высказывания.

At the end of a scientific lecture, C.P. Snow once received a backhanded compliment from his chairman who said, “We all knew Raman spectroscopy was complicated, but did not realise how complicated until we heard Snow’s talk.” I have somewhat the same feeling after reading this edited volume on molecular similarity. The notion of one molecule resembling another is fundamental to much of chemistry, and in particular to the world of medicinal chemistry where variants of compounds are synthesised with the aim of improving biological activity. Given that a pharmaceutical company may have a database of perhaps hundreds of thousands of previously synthesised compounds, it is important to be able to ask whether anything in that database resembles a current lead compound or molecule of interest. This is a fairly mundane question, but the book does not give a mundane answer. It is heavily weighted towards mathematical aspects of the topic and even goes into philosophical and psychological questions. “What do we mean” [100].

Действительно, комплимент *We all knew Raman spectroscopy was complicated, but did not realise how complicated until we heard Snow’s talk* является двусмысленным, имеющим противоположную интенцию — оскорбить, а не комплиментировать. На первый взгляд кажется, что агент хочет выделить умственные способности пациента, однако гипербололизация повторяющегося в рамках диктума прилагательного *complicated* звучит скорее как ирония, направленная на преуменьшение способностей пациента.

Таким образом, оскорблитель, будучи оскорблением, замаскированным под комплимент, помимо основной функции коммуникации — фатической, направленной на установление контакта между людьми, реализует манипулятивную функцию. Но почему оскорблитель так эффективен в манипулировании? Причина в том, что оскорблитель воспринимается пациентом как лесть, а человеческий мозг склонен автоматически реагировать на комплимент-лесть, поэтому пациент становится жертвой манипуляции. Именно это является большой ошибкой пациента — незамедлительная реакция, в большин-

стве своем положительная. Из-за растущей тенденции к когнитивной перегрузке в наши дни частота быстрого принятия решений возрастает, поэтому льстецы добиваются успеха. Кроме того, человек преимущественно верит комплиментам разного рода и, как правило, расположен к тем, кто их ему делает. Неискренний комплимент и оскорблитель характеризуются избыточностью и повышенной эмоциональностью, поэтому важно настороженно относиться к испытываемому вами чувству чрезмерной симпатии. Агнец, которому что-то нужно от пациента, льстит и обычно получает то, чего хочет. Комплимент-льсть и оскорбитель порождают уступчивость.

Вывод

Фреймовый анализ инфлюктивного речевого акта «оскорбление» показал, что фрейм «Оскорбление» входит в состав макрофрейма «Стимулирование эмоции». Ядерная структура фрейма «Оскорбление» включает следующие слоты: *агнец, пациент, цель, действие, диктум, результат* и *стимул*. Периферийную структуру изучаемого фрейма составляют слоты *время, место, способ, средство* и *степень*.

В результате проведенного анализа лексикографических определений слова «оскорбление» в англоязычной и русскоязычной концептосферах были выявлены ключевые концептуальные признаки, которые помогают глубже понять природу концепта ОСКОРБЛЕНИЕ. Оскорбление всегда сопровождается негативными эмоциями и нарушает общепринятые нормы вежливости, что делает его целенаправленным актом, направленным на причинение вреда или унижение адресата.

Оскорбление проявляется как в вербальной, так и в невербальной форме. В англоязычном речевом общении основными концептуальными признаками выступают провокация и неуважение, тогда как в русскоязычном — унижение и уязвимость.

Общие аспекты, такие как целенаправленность оскорблений и их способность вызывать глубокие моральные и эмоци-

ональные последствия, подчеркивают серьезность этого явления в межличностной коммуникации. Кроме того, юридический контекст, присутствующий в русскоязычных определениях, указывает на более широкое восприятие оскорбления как нарушения прав и свобод человека или как посягательства на права и свободы человека, которые охраняются законом.

Кроме того, выделенные концептуальные признаки, такие как унижение, неуважение, провокация и презрение, формируют ядро концепта ОСКОРБЛЕНИЕ, которое активно влияет на межличностные отношения и может приводить к конфликтным ситуациям. Важно отметить, что оскорбление может быть использовано в манипулятивных целях, когда оскорбитель (оскорбление, замаскированное под комплимент) вызывает у адресата ложное чувство симпатии, что делает его жертвой манипуляции. Пациент может ошибочно интерпретировать оскорбитель как комплимент, так как, подобно комплименту, оскорбитель порождает когнитивную легкость. Такой оскорбитель является эффективным инструментом манипуляции.

В ходе дискурсивного анализа были установлены частотные структурные модели построения инфлективного речевого акта «оскорбление».

Таким образом, концепт ОСКОРБЛЕНИЕ включает в себя набор универсальных и специфичных признаков, которые отражают как социальные, так и индивидуальные аспекты взаимодействия между людьми. Это делает его многослойным и сложным феноменом, требующим внимательного исследования и понимания в разных культурных контекстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование когнитивно-коммуникативных особенностей инфлективных речевых актов на материале современных комплиментарных высказываний, порицательных высказываний и оскорбительных высказываний представителей англоязычной лингвокультуры позволило сделать ряд заключений.

Рассмотрев инфлективные речевые акты согласно классификациям отечественных и зарубежных исследователей, мы выявили, что инфлективные речевые акты принадлежат к классу экспрессивов и включают речевые акты «комплимент», «оскорбление» и «порицание». Речевой акт «комплимент» направлен на установление эффективной коммуникации, провоцирует положительные эмоции у пациента и позволяет агенту вдохновить пациента на совершение ответного шага. Речевой акт «оскорбление» выражает агрессию в адрес собеседника и представляет собой высказывание, которое приводит к оценочному дисбалансу между максимальной социальной репрезентации языковой личности и максимальной социальной самоидентификации языковой личности. Речевой акт «порицание» направлен на демонстрацию неодобрения и осуждения по отношению к пациенту и является речевым актом, способным с помощью выражения негативной оценки каузировать состояние эмоционального дискомфорта у партнера по общению.

Для более детального рассмотрения инфлективов был проведен дефиниционный анализ с целью выявления концептуальных признаков КОМПЛИМЕНТА, ПОРИЦАНИЯ и ОСКОРБЛЕНИЯ как концептов. В результате концептуального анализа удалось установить, что **концепты** КОМПЛИМЕНТ, ПОРИЦАНИЕ и ОСКОРБЛЕНИЕ формируют категорию инфлективности на первичном уровне. В ходе концептуального анализа было также установлено, что концепты КОМПЛИМЕНТ, ПОРИЦА-

НИЕ, ОСКОРБЛЕНИЕ характеризуются определенным набором концептуальных признаков. Концепт КОМПЛИМЕНТ включает концептуальные признаки похвалы / одобрения, лести, благодарности и уважения. При этом комплимент-одобрение, комплимент-благодарность и комплимент-уважение формируют класс похвальных комплиментов, в то время как комплимент-лесть составляет отдельный класс комплиментов, характеризующихся несоблюдением критерия искренности. Концепт ПОРИЦАНИЕ характеризуется набором концептуальных признаков упрека, неодобрения, осуждения и выговора. ОСКОРБЛЕНИЕ как концепт включает концептуальные признаки унижения, неуважения, провокации и презрения.

Изученные речевые акты могут быть также рассмотрены как **фреймы**, которые коррелируют с фреймами «Событие», «Манипуляция», «Контроль», «Комфорт», «Безопасность», «Надежность», «Доверие» с похожим набором слотов. При этом интерес представляет тот факт, что оскорбление манипулятивно по своей природе, подтверждаемый фреймовым и дискурсивным анализом, однако наибольший манипулятивный потенциал имеют комплименты с концептуальным признаком лести и порицания с концептуальным признаком осуждения. Похвальные комплименты и порицания с концептуальными признаками выговора, неодобрения и упрека не столь манипулятивны по своей природе.

С помощью системы Frame.Net мы провели фреймовый анализ и выявили слотовое наполнение изучаемых инфлективных речевых актов как фреймов. Основываясь на данных Frame.Net, можно выделить центральные и периферийные слоты фрейма «Комплимент», в ядерную структуру которого входят слоты *агенса, пациенс, диктум, причина, действие, эффект, тема, результат*, а к периферийной структуре фрейма принадлежат слоты *место, время, средство, способ, степень и цель*.

Фреймы комплимента и порицания принадлежат к одному макрофрейму, но к разным семантическим типам. Фрейм «Комп-

лимент» относится к макрофрейму «Позитивное суждение», а фрейм «Порицание» — к макрофрейму «Негативное суждение». Слововое наполнение фрейма «Порицание» совпадает со слотовым наполнением фрейма «Комплимент». Таким образом происходит полное концептуальное проецирование между слотами фреймов «Комплимент» и «Порицание».

Фрейм «Оскорбление» входит в состав макрофрейма «Стимулирование эмоции». В ядерную структуру фрейма «Оскорбление» входят следующие слоты: *агенса, пациенс, цель, действие, диктум, результат* и *стимул*. Периферийную структуру составляют слоты *время, место, способ, средство* и *степень*.

Как известно, об успешности любого речевого акта следует судить по реакции пациенса, поэтому, анализируя перлокутивный план выражения *комплимента* в дискурсивном аспекте, мы пришли к выводу о том, что реакции на комплименты также разнообразны: от принятия до уклонения и непринятия, что указывает на сложность восприятия комплиментарных высказываний. Важно отметить, что комплименты могут как укреплять, так и нарушать коммуникацию в зависимости от искренности намерений говорящего и восприятия слушающего. В целом комплименты, в отличие от порицаний и оскорблений, являются многослойным амбивалентным инфлюктивным речевым актом. Так, например, комплимент с концептуальным признаком лести характеризуется манипулятивностью, угодливостью и наличием у агенса корыстных целей / выгод.

В результате дискурсивного анализа примеров *порицательных* инфлюктивных речевых актов, взятых из Британского национального корпуса, было установлено, что порицание с концептуальным признаком осуждения имеет манипулятивную природу, в отличие от порицания с концептуальным признаком выговора. Проводя дискурсивный анализ порицания с концептуальным признаком выговора, мы установили, что в изучаемых примерах отсутствует ярко выраженная эмоциональная окраска, они имеют юридическую и административную направленность.

Речевой акт порицания характеризуется как имплицитной, так и эксплицитной формой выражения. При этом предпочтительной является вторая форма, поскольку агенс зачастую хочет прямо указать на причину порицания.

Оскорбление всегда сопровождается негативными эмоциями и нарушает общепринятые нормы вежливости, что делает его целенаправленным актом, направленным на причинение вреда или унижение пациента.

Оскорбление выражается как в вербальной, так и в невербальной форме.

Общие аспекты, такие как целенаправленность оскорблений и их способность вызывать глубокие моральные и эмоциональные последствия, подчеркивают серьезную роль этого явления в межличностной коммуникации. Кроме того, юридический контекст, присутствующий в русскоязычных определениях, указывает на более широкое восприятие оскорбления в русской лингвокультуре — как нарушения прав и свобод человека.

Необходимо отметить, что в ходе исследования было изучено языковое явление оскорблителя, прежде не получавшее должного освещения. Оскорблитель представляет собой двусмысленный комплимент, который имеет интенцию оскорбить (оскорбление, замаскированное под комплимент).

Нужно отметить, что некоторые инвективные речевые акты не являются таковыми вне контекста. Отрицательную эмоциональную окраску они приобретают за счет знания агенса о последующей негативной реакции пациента и его намерения таким образом причинить реципиенту моральный вред. Поэтому учет контекста необходим.

Поскольку одной из задач нашего исследования было выполнение структурного анализа инфлективов на предмет выявления моделей их построения, мы изучили данные экспрессивы в структурном аспекте на дискурсивном уровне. Мы также выявили частотные модели, согласно которым строятся инфлективные речевые акты в речи. Построение комплимен-

тарных высказываний происходит по фиксированным схемам. Клишированность свойственна 100% примеров англоязычных комплиментарных речевых актов, то есть любой англоязычный комплимент можно отнести к одной из предложенных моделей.

Комплиментарные речевые акты выстраиваются согласно следующим клишированным моделям:

1) личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное / прилагательное (прилагательные) + существительное;

2) личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное;

3) указательное местоимение / притяжательное прилагательное + существительное + глагол + прилагательное;

4) личное местоимение + глагол + прилагательное;

5) существительное / личное местоимение + глагол + существительное;

6) личное местоимение / существительное + глагол + наречие + причастие;

7) личное местоимение + глагол + сравнительная конструкция с именной группой;

8) восклицательная конструкция «вопросительное местоимение *какой / какая* с неопределенным артиклем + существительное / именная группа!», «вопросительное местоимение *как* + прилагательное!» или «вопросительное местоимение *как* + прилагательное + личное местоимение + глагол!»;

9) местоимение + глагол + определитель *такой / такая* с неопределенным артиклем + именная группа;

10) личное местоимение + глагол + прилагательное в превосходной степени сравнения.

Согласно проанализированным данным, самыми частотными моделями построения комплиментов с интенциями похвалы, благодарности и уважения являются следующие: «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное» и «личное местоимение + глагол + наречие + прилага-

тельное + существительное». Частотная модель «личное местоимение + глагол + наречие + прилагательное + существительное» имеет тенденцию к усечению до «наречие + прилагательное» в устной неофициальной ситуации общения.

Для неискренних комплиментов с прагматическим намерением лести характерен процесс концептуального проецирования слотов фреймов «Комплимент-лесть» и «Манипуляция» на следующие структурные модели построения комплиментов: «личное местоимение + глагол + прилагательное + существительное», усеченные структурные модели «наречие + прилагательное + существительное», «наречие + прилагательное», «личное местоимение + глагол + существительное».

Для речевого акта *порицания* наиболее частотными структурами являются «существительное / местоимение + глагол + существительное / словосочетание с существительным в ядре / местоимение», отрицательное предложение, вопросительное предложение, а менее частотными — «существительное / местоимение + глагол + наречие + прилагательное», сравнительная конструкция и восклицательное предложение.

Для выражения речевого акта *оскорбления* наиболее частотна модель «существительное / местоимение + глагол + словосочетание с существительным в ядре / местоимение». Немного реже оскорбление строится согласно модели вопросительного предложения. Редко встречающимися структурными моделями для построения оскорбительного инфлуктива являются «существительное / местоимение + глагол + наречие», «существительное / местоимение + глагол + наречие + прилагательное», условное предложение, восклицательное предложение и эллипсис.

Анализ прагматической организации инфлуктивных речевых актов показал, что коммуниканты систематически прибегают к разнообразным лингвистическим ресурсам для усиления выразительности и эмоциональной достоверности своих высказываний. В центре этого процесса находятся интенсификаторы — лексико-грамматические элементы, которые не толь-

ко усиливают семантическую нагрузку экспрессива-инфлюктив, но и формируют его прагматическую перспективу, задавая тон всей коммуникации. В рамках британской лингвокультуры наиболее употребительными оказались такие усилители, как *so, very, just, like, such, really*, которые функционируют как маркеры субъективной оценки и эмоционального вовлечения говорящего. Эти элементы неслучайны: их частотность и позиционирование в речевом потоке свидетельствуют о стремлении говорящего не просто сообщить информацию, но создать эффект присутствия, эмоционального контакта, а иногда и манипулятивного воздействия.

Особенно интересно, как гендерные роли проецируются на лексический выбор. Ярче всего это проявляется в комплиментарных структурах. Женщины, обращаясь к мужчинам, часто используют существительное *gentleman*, которое не просто отсылает к представителю маскулинной гендерной идентичности, но коннотирует целый спектр культурно значимых качеств: воспитанность, такт, сдержанность, благородство. Это слово функционирует как своего рода «семантический якорь», активирующий в сознании пациента ассоциативный ряд, связанный с традиционными представлениями о мужской харизме и достоинстве. В свою очередь, мужчины, комплиментируя женщин, нередко обращаются к слову *lady*, которое несет в себе оттенок уважения, изысканности и социальной респектабельности. В обоих случаях использование этих существительных не является случайным: оно отражает глубинные культурные коды.

Когда речь заходит о характеристике профессиональных или интеллектуальных качеств, в англоязычной лингвокультуре активно используется комплиментарное существительное *genius*. Это слово, будучи гиперболой по своей природе, служит не столько точным описанием, сколько эмоционально насыщенным сигналом признания. Оно функционирует как маркер высшей степени одобрения, подчеркивая не просто компе-

тентность, но исключительность пациенса. В этом контексте *genius* становится не только лексической единицей, но и ритуальным жестом, символическим актом признания.

Среди прилагательных, которые наиболее часто используются в комплиментах мужчинами и женщинами, можно выделить следующие: *great, charming, delightful, lovely, sweet, wonderful*. Эти слова формируют своеобразное «лексическое ядро» комплиментарного дискурса, они универсальны, эмоционально насыщены и социально безопасны. Их употребление не требует контекстуальной подготовки, они легко встраиваются в любую речевую ситуацию и служат универсальным инструментом позитивной оценки. Обращения *darling* и *dear* способствуют интимизации коммуникации, снижая социальную дистанцию и создавая иллюзию близости, даже если реальные отношения между коммуникантами формальны.

В современных английских комплиментах все чаще появляются прилагательные с эротической коннотацией — *sexu, erotic, hot* и др. Это свидетельствует о смещении границ между публичным и приватным. Такие слова не только усиливают эмоциональную нагрузку, но и демонстрируют готовность говорящего к трансгрессии социальных норм. Их употребление часто сопровождается определенной степенью иронии или самоиронии.

Американская лингвокультура, в свою очередь, демонстрирует еще более выраженную тенденцию к эмоциональности. В американских комплиментах активно используются американизмы — *buck, nifty, one's eyes come to hands, pinky, scout*, — которые не только служат лингвистическими маркерами национальной идентичности, но и создают эффект «своего», неформального, «домашнего» общения. Вместо традиционных британских *darling, lady, gentleman* американцы предпочитают обращения *honey, baby, doll, sweetie, cutie*, которые, будучи более разговорными, создают ощущение непринужденности. Американский комплимент, в отличие от британского, более открыт к экспрессии, он допускает использование просторе-

чий, сленга, вульгаризмов и даже табуированной лексики. Это делает его более «живым», но и более рискованным в плане социальной приемлемости.

Среди стилистических средств, используемых в комплиментах обеих культур, особое место занимает эпитет. Эпитеты в комплиментарном дискурсе выполняют не только описательную, но и оценочную функцию: они задают тональность, формируют эмоциональный фон. Наиболее частотны портретные эпитеты — *radiant smile, sharp mind, elegant manners*, — которые конструируют образ пациента как гармоничной, привлекательной личности. В английской традиции также активно используются гиперболы (*absolutely stunning, beyond brilliant*), восклицания (*What a vision!*) и разнообразные лексические повторы. Американцы, напротив, чаще прибегают к сравнениям (*You shine like a star*), что делает комплимент более образным, ярким и эмоционально насыщенным. Эти особенности отражают более широкие культурные различия: британцы склонны к сдержанной, но возвышенной оценке, американцы — к открытой, экспрессивной, иногда даже театральной форме выражения.

Таким образом, изучение инфлюктивных речевых актов в когнитивно-прагматическом ключе позволило комплексно описать комплимент, порицание и оскорбление, выявить их специфические лингво-прагматические особенности (иллокутивные силы, перлокутивные эффекты, структурные особенности и дискурсивные характеристики), установить корреляцию данных речевых актов в другими языковыми явлениями, рассмотреть комплимент, порицание и оскорбление как концепты и как фреймы, констатировать манипулятивную природу исследуемых речевых актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: (попытка системного описания) // Вопросы языкознания. 1995. №3. С. 37—67.
2. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. №3. С. 208—233.
3. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976 (2005).
4. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. №7. С. 45—53.
5. *Баркович А.А.* Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского государственного университета. 2016. Вып. 406. С. 5—13.
6. *Безменова Л.Э.* Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов: на материале комплиментов в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001.
7. *Белан Д.В.* Комплимент в английской и французской коммуникативных культурах: сопоставительный анализ : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
8. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1974.
9. *Бобенко А.В.* Функционирование комплимента в американском варианте английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2001.
10. *Богданов В.В.* Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие. Л., 1990.
11. *Бочкарев А.И.* К вопросу о косвенных экспрессивах // Научное обозрение. Гуманитарные исследования. 2012. №3. С. 136—142.
12. *Вежбицкая А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. Вып. 16. М., 1985. С. 251—275.
13. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 2006.
14. *Воркачев С.Г., Кусов Г.В.* Концепт «оскорбление» и его этимологическая память // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2000. Вып. 2. С. 90—102.

15. *Гак В.Г.* К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987. С. 37—48.
16. *Германова Н.Н.* Коммуникативные стратегии комплимента и проблемы типологии речевых этикетов // Язык и модель мира : сб. науч. тр. М., 1993. Вып. 416. С. 27—39.
17. *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. М., 1993. С. 158—218.
18. *Григорьева В.С.* Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2018.
19. *Демьянков В.З.* Коммуникативное и когнитивное маневрирование // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2023. С. 36—40.
20. *Дридзе Т.М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности. М., 1972. С. 34—63.
21. *Евтушенко О.А.* Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/institutsionalny-i-kontsept-poritsanie-v-angliiskoi-i-russkoi-lingvokulturakh> (дата обращения: 10.09.2025).
22. *Жельвис В.И.* Грубость: проблема классификации лексики. Ярославль, 2011.
23. *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
24. *Заботкина В.И.* Слово и смысл. М., 2012.
25. *Заботкина В.И., Авдотьин В.П., Бархатова Э.И.* Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс : монография / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М., 2022 (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
26. *Заботкина В.И., Позднякова Е.М. и др.* Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук : монография / отв. ред. В.И. Заботкина. 2-е изд. М., 2017 (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
27. *Заботкина В.И.* Влияние когнитивно-дискурсивной парадигмы на развитие прагмалингвистики // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2014. Вып. 17. С. 69—76. URL: <https://www.research>

gate.net/publication/275581168_Vlianie_kognitivno-diskursivnoj_paradigmy_na_razvitie_pragmalingvistiki_The_impact_of_cognitive-discourse_paradigm_on_the_theory_of_pragmatics?enrichId=rgreq-654e7691b83e762fac8c01bcaca624e9-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzI3NTU4MTE2ODtBUzoYNTYxNjcyMDkzMzY4MzNAMTQzODA4NjQzMDcyMg%3D%3D&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf (дата обращения: 15.09.2025).

28. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2023. С. 40—44.

29. *Заботкина В. И., Куракина Н. А.* инфлуктивные речевые акты vs манипуляция: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2023.

30. *Заботкина В. И., Куракина Н. А.* Клишированные комплименты в манипулятивном пространстве дискурса: когнитивно-прагматический аспект // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 8. С. 30—41. doi: 10.28995/2686-7249-2024-8-30-41.

31. *Заботкина В. И., Боярская Е. Л.* Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции *истина — ложь* // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 1. С. 126—136.

32. *Закоян Л. М.* Выражении агрессии в современном русском и английском языках (на материалах американского национального варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

33. *Золотова Г. А.* О перспективах синтаксических исследований // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1986. № 6.

34. *Изард К. Е.* Эмоции человека. М., 1980.

35. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М., 2016.

36. *Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Р.* Шум. Несовершенство человеческого суждений. М., 2021.

37. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М., 1992. URL: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status12.htm> (дата обращения: 10.09.2025).

38. *Коллегаева А. В.* Специфика интерактивного единства «комплимент — реакция» в английском языке: на материале художественных произведений и кинофильмов : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.

39. *Костюшкина Г. М.* В поисках системообразующего механизма в языке // Вестник ИГЛУ. 2012. №2 (18). С. 128—133.
40. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М., 2002.
41. *Куракина Н. А.* Прагматический аспект комплиментарных высказываний (на материале англо-американской художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2016.
42. *Курмачева А. В., Кажарская О. Н.* Речевая агрессия как причина возникновения конфликтных ситуаций в студенческой среде // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. Вып. 8.
43. *Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
44. *Ларионова А. С.* Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте (На материале художественных произведений английских и русских писателей XIX—XX веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
45. *Леонтьев В. В.* «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английского языковой личности : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
46. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. Вып. 17. С. 22—130.
47. *Писарек Л.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским. Вроцлав, 1985.
48. *Поспелова А. Г.* Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка). СПб., 1992. С. 67—75.
49. *Русанова И. Ю.* Высказывания с функцией порицания: семантика, стилистика, прагматика : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/vyskazyvaniya-s-funksiieiporitsaniya-semantika-stilistika-pragmatika> (дата обращения: 08.09.2025).
50. *Рябцева Н. К.* Мысль как действие // Логический анализ языка: модели действия. М., 1992. С. 29—40.
51. *Серебрякова Р. В.* Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

52. *Сёрль Дж. Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. М., 1986. Вып. 18. С. 242—263.

53. *Сидорова И. В.* Уголовно-правовая характеристика оскорбления : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-oskorbleniya> (дата обращения: 08.09.2025).

54. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

55. *Сусов И. П.* Лингвистическая прагматика. Винница, 2009.

56. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

57. *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография. СПб., 2008.

58. *Успенский Б. А.* Язык и культура. М., 1994.

59. *Федорова К. И., Сабурова Н. В., Николаева С. В.* Реализация речевой агрессии: стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ // Вестник СВФУ. 2016. Вып. 5.

60. *Формановская Н. И.* Употребление русского речевого этикета. М., 1982.

61. *Черницына Т. В.* Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В. М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/avtoreferat_chernicynou_t_v..pdf (дата обращения: 10.09.2025).

62. *Шиленко Р. В.* Регулирование равновесных межличностных отношений в коммуникативном пространстве // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 117—123.

63. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

64. *Adamzik K.* Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. Zur Integration der Kategorie Beziehungsaspekt in eine sprechakttheoretische Beschreibung des Deutschen. Tübingen, 1984.

65. *Austin J. L.* How to Do Things with Words. Oxford, 1962.

66. *Bach K., Harnish R.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge ; L., 1980.

67. *Ballmer Th., Brennenstuhl W.* Speech Act Classification. Berlin, 1981.

68. *Brown P., Levinson S. C.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

69. *Fillmore Ch.* Types of Lexical information // *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology* / eds. D.D. Steiberg, L.A. Jokolaits. Cambridge, 1971.
70. *Fraser B.* Hedged Performatives II // *Syntax and Semantics*. Vol. 5. L., 1975. P. 210.
71. *Grice H.P.* Logic and conversation // *Readings in linguistics*. Kiev, 1984. P. 126.
72. *Guiraud N., Longin D., Lorini E. et al.* The face of emotions: a logical formalization of expressive speech acts // *Proc. of 10th Int. Conf. on Autonomous Agents and Multiagent Systems (AAMAS 2011)*, May, 2—6, 2011, Taipei, Taiwan. P. 1031—1038. URL: https://aamas.csc.liv.ac.uk/Proceedings/aamas2011/papers/D7_G78.pdf (дата обращения: 14.09.2025).
73. *Habermas J.* *The Theory of Communicative Action*. L., 1984.
74. *Holmes J., Brown D.* Teachers and Students Learning about Compliments II // *TESOL Quarterly*. Vol. 21. L., 1987. P. 523—524.
75. *Hundsnurscher F.* Streitspezifische Sprechakte: Vorwerfen, Insultieren, Beschimpfen // *Protozoziologie*. 1993. №4. S. 140—150.
76. *Leech G.* *Principles of Pragmatics*. L., 1983.
77. *Motsch W., Viehweger D.* Sprachhandlung, Satz und Text // *Sprachhandlung, Satz und Text*. Berlin, 1980. S. 1—42.
78. *Safire W.* My name ain't Mac, Buddy // *On Language*. 1984. Vol. 3-5.
79. *Sander T.* Expressive (Rede-)Handlungen // *Divinatio. Studia culturologica series*. 2003. №18. S. 7—34.
80. *Searle J.R.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. L., 1970.
81. *Searle J.R.* What is a Speech Act? // *Readings of Philosophy of Language* / ed. by J. Rosenberg, Ch. Travis. New Jersey, 1971.
82. *Vanderveken D.* Les actes de discours: Essai de philosophic du langage et de l'esprit sur la signification des enonciations / ed. P. Mardaga. Liege ; Bruxelles, 1988.
83. *Weigand E.* Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. Tübingen, 1989.
84. *Wolfson N.* The compliment as a social strategy // *Papers in Linguistics: International Journal of Human Communication*. L., 1980. Vol. 13. P. 391—410.
85. *Wunderlich D.* *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt a/M, 1976.

86. *Zolyan S.* On pragma-semantics of expressives: Between words and actions // *Studies at the Grammar-Discourse Interface: Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena.* John Benjamins, 2021. P. 245—271.

Словари и справочные источники

87. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.

88. *Даль В.* Толковый словарь живаго великорускаго языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М. : Изд. книгопродавца-липографа Вольфа М. О., 1881. Т. 2.

89. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. Комплимент // *Энциклопедии & Словари.* URL: <http://enc-dic.com/kuzhescov/Комплимент-60848.html> (дата обращения: 11.09.2025).

90. *Малый академический словарь* // *Словари и энциклопедии на Академике.* URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/25974/> (дата обращения: 11.09.2025).

91. *Мир* словарей. URL: etymoline.com (дата обращения: 11.09.2025).

92. *Ожегов С. И.* Толковый словарь / под ред. Л. И. Скворцова. М. : Оникс, 2010.

93. *Словари и энциклопедии на Академике.* URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 11.09.2025).

94. *Словарь* русского языка : в 4 т. / ЛН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Л. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1982. Т. 2.

95. *Словарь* современного русского языка литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 5.

96. *Советский* энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1985.

97. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь. 1935—1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/84074> (дата обращения: 11.09.2025).

98. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1967. Т. 2.

99. *Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/838230> (дата обращения: 11.09.2025).

100. *British National Corpus.* URL: www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 11.09.2025).

101. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 11.09.2025).
102. *Collins English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/compliment> (дата обращения: 11.09.2025).
103. *Frame.Net*. URL: <https://framenet2.icsi.berkeley.edu/fnReports/data/lu/lu8963.xml?mode=annotation> (дата обращения: 11.09.2025).
104. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2005.
105. *Spears R. A. NTC's Dictionary of American Slang*. М. : Русский язык, 1991.
106. *Spears R. A. NTC's American Idioms Dictionary*. М. : Русский язык, 1991.
107. *Urban dictionary*. URL: <http://ru.urbandictionary.com/define.php?term=lemme> (дата обращения: 11.09.2025).
108. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged* / ed. by Ph. Babcock Gove. N. Y. : Philippines Copyright, 1986.

Источники примеров

109. *Baldwin J. Another country* // BookReader. URL: <http://bookreader.org/reader?file=1379724> (дата обращения: 11.09.2025).
110. *Barnes J. Arthur and George* // Большая онлайн-библиотека. URL: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/84985/Barnes_-_Arthur_%26_George.html (дата обращения: 11.09.2025).
111. *Barnes J. England, England*. L. : Jonathan Cape, 1998.
112. *Barnes J. The sense of an ending*. URL: https://psv4.vk.me/c5169/u8074271/docs/4cc7d659c479/Julian_Barnes_the_sense_of_an_ending.pdf?extra=Lyu5rRuSt_pRo-TlXkCeNvEPuHIDP-RBon7OsG1SMKKHi-9YtOTFZpoPNXzmcxH-2EpJ5RUi1EgP9J4wHJ_u6VfgK8&dl=1 (дата обращения: 11.09.2025).
113. *Christie A. Lord Edgware Dies*. U. K. : Fontana/Collins, 1954.
114. *Christie A. Towards Zero*. U. K. : Fontana/Collins, 1944.
115. *Conran Sh. Tiger Eyes*. L. : BCA, 1994.
116. *Dreiser T. An American Tragedy*. N. Y. : A Signet Classic, 1999.
117. *Egan J. A Visit from the Goon Squad*. URL: networkfiction.files.wordpress.com (дата обращения: 11.09.2025).
118. *Eugenides J. Middlesex* // Большая онлайн-библиотека. URL: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/70922/Eugenides_-_Middlesex.html (дата обращения: 11.09.2025).

119. *Fforde K.* Stately Pursuits. URL: http://rhwidget.randomhouse.co.uk/flash-widget/widget_lg.do?isbn=9780099446682&menu=0&mode=1&cf=336699&cb=FFFF FF&newsletter=1 (дата обращения: 11.09.2025).

120. *Foer J.S.* Everything is illuminated. N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2002. URL: http://www.reflexionesmarginales.com/biblioteca/15/Documentos/Jonathan_Safran_Foer:Everything_is_%20illuminated.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

121. *Fowles J.* The French Lieutenant's women. L. : Guild Publishing, 1979.

122. *Fry S.* The Liar // Mreadz.net. URL: <http://читать-онлайн.рф/new/index.php?id=685&pages=> (дата обращения: 11.09.2025).

123. *Fuller C.* Bitter Orange. Penguin Books, 2019.

124. *Jardine Q.* Skinner's Trail. L. : Headline Book Publishing, 1994.

125. *Kinsella S.* My Not So Perfect Life. N. Y. : The Dial Press, 2017.

126. *Maugham S.* Of human bondage. URL: http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/of_human_bondage_nt.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

127. *Maugham S.* Theatre. URL: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=127593> (дата обращения: 11.09.2025).

128. *McEwan I.* Atonement. URL: <http://www.skitsap.wednet.edu/cms/lib/WA01000495/Centricity/ModuleInstance/9509/Atonement%20-%20Ian%20McEwan.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

129. *McEwan I.* On Chesil Beach // Большая онлайн-библиотека. URL: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/1005060/Ian_McEwan_-_On_Chesil_Beach.html (дата обращения: 11.09.2025).

130. *Moyes Jojo.* Honeymoon in Paris. URL: https://vk.com/original_books/short_stories (дата обращения: 11.09.2025).

131. *Moyes Jojo.* Me before you. URL: sachinbhattarai.files.wordpress.com (дата обращения: 11.09.2025).

132. *Richardson S.* Pamela. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/6124> (дата обращения: 11.09.2025).

133. *Salinger J.D.* The Catcher In The Rye. URL: <http://blog.science.net.cn/home.php?mod=attachment&id=60120> (дата обращения: 11.09.2025).

134. *Sheldon S.* Tell Me Your Dreams. URL: <https://rattythegame.worm.files.wordpress.com/2012/07/tell-me-your-dreams-by-sidney-sheldon1.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

135. *Smith Z.* NW // iDOC. URL: <http://www.idoc.co/read/28576/nw-zadie-smith/118> (дата обращения: 11.09.2025).

136. *Smith Z.* On Beauty. URL: https://www.bookfrom.net/zadie-smith/40680-on_beauty.html (дата обращения: 11.09.2025).
137. *Sparks N.* At First Sight. Grand Central Publishing, 2005.
138. *Sparks N.* Dear John. Warner Books, 2006.
139. *Sparks N.* Safe Heaven. Grand Central Publishing, 2010.
140. *Sparks N.* The Choice. Grand Central Publishing, 2007.
141. *Steel D.* Toxic bachelors. URL: <http://rattythegameworm.files.wordpress.com/2012/10/danielle-steel-toxic-bachelors.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).
142. *Stockett K.* The Help. NY: The Berkley Publishing Group, 2011.
143. *Yates R.* Revolutionary Road // vk.com. URL: https://vk.com/doc16932426_246424216?hash=1563faa5c9995a63c2&dl=cd7764d0c13f8e83b0 (дата обращения: 11.09.2025).

Научное издание

Куракина Наталья Александровна

**ИНФЛУКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ:
КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Монография

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 22.12.2025 г.
Дата выхода в свет 15.01.2026 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,9
Тираж 500 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 147

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14